

ДЕНИС КАВЧЕНКОВ

Обратная сторона ЖИЗНИ

КНИГА ВТОРАЯ

Денис Кавченков

**Обратная сторона
жизни. Книга вторая**

«Издательские решения»

Кавченков Д.

Обратная сторона жизни. Книга вторая / Д. Кавченков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746074-7

Данное повествование рассказывает об Аде, описывает, как на самом деле выглядит столь популярный на Земле проклятый мир, и кто на самом деле создал человека. Роман подробно показывает кошмарный путь умерших, где не имеет значения, грешен ты или нет, красочно показывает истинный облик ангелов с чертями, а также рассказывает, почему на Небесах нет спасения. Рукопись очень жестокая, полная несложной философии и диалогов, органично переплетенных с редким юмором.

ISBN 978-5-44-746074-7

© Кавченков Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Отдаться за iPhone, или Цена современного человека	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	43
Глава 4	60
Глава 5	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Обратная сторона жизни Книга вторая

Денис Кавченков

© Денис Кавченков, 2017

ISBN 978-5-4474-6074-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Отдаться за iPhone, или Цена современного человека

Глава 1

Долго ли, коротко ли, но наступил тот миг, когда монотонно-гудящая стена, возле которой расположились движущиеся на Рынок «Спящие», изменила звук, и Дима вынырнул из бредовой полудремы. На протяжении всего пути в вонючем трюме, заполненном всхлипывающими и вскрикивающими рабами, он пребывал в отвратительном подобии полусна, полном беспорядочных картинок, объяснения которым дать не мог. Такое бывало дома, на Земле, когда засыпаешь и начинают мелькать несвязанные друг с другом изображения, однако внутри гробоподобного корабля полностью заснуть не удавалось и причин было две. Во-первых, из-за почти не исчезнувшего при быстром движении по Реке Мертвых мерзкого запаха, а во-вторых, из-за неудобной позы, где отсутствовала возможность вытянуть ноги вследствие сидящих впереди узников, отчего болели спина с задницей.

А так, да. Монотонный, плачущий шепот людей, заполняющий пропахший испражнениями трюм убаюкивал, да и рычание переваливающего с ноги на ногу Варгха походило на унылую колыбельную, но вот само неудобное положение тела уснуть не давало, хотя если бы парень не выспался у Низама, то легко вырубился бы здесь, не обращая внимания на дискомфорт. Сама дорога также усыпляла, походя на тихий и дорогой кругосветный круиз, правда с недостатками в виде чудовищной вони, отчетливой качкой и разномастными демонами, следящими за каждым движением закованных в цепи рабов.

Пару раз судно обо что-то ударилось, сильно громынув и круто накренившись, отчего не спящие узники плачуще запричитали, но рогатые не обратили на сей «пустяк» внимания, лишь жирные сатиры завалились на задницы со смещенным центром тяжести и гнусаво выругались, мигом записав в виновники произошедшего человеческий скот. Да и то негромко, скорее всего, из-за боязни разбудить ребенка, как бы глупо это не звучало, однако драгоценный малыш реально разрушал и так помятую нервную систему бесполезными инстинктивными криками.

Короткошерстные черти, внимательно водящие оранжевыми глазами по трюму на протяжении всего пути, стояли, не шелхнувшись, а Диму не переставала удивлять их выучка, хотя если рогатых воинов обучают идентично воспитанию голозадых узников, то все встает на свои места.

«Может чертей, подобно ведьмакам забирают в адские военные училища с раннего детства и ежедневно вдалбливают в рогатые головы дисциплину с выучкой, заполняя доверху, как моя мамка банку огурцами... Всякое бывает, но такое терпение... Поразительно... Никаких лишних движений, плюс беспрекословное подчинение... Элитные войска прям... Ноль эмоций и выдержка, как у голодного ягуара в засаде... Хотя, как вариант им придется водить колонны безумных, хитрых и жестоких узников элегантно-перегрызающих глотки даже варгхоподобным тварям... Тут всяко сноровка требуется и никакого раздолбайства...», – парень моргал тяжелыми веками, ведь дремота действует хуже сна и ожесточенно тер пальцами за ушами, однажды прочитав в «умном» женском журнале, что это помогает проснуться из-за прилива крови к голове.

Совет действительно оказался дельным, ибо стало легче, а еще он случайно ткнул локтем мгновенно распахнувшего голубые глаза Лкетинга, наверняка умеющего спать на древесных ветках и очухиваться от крадущихся шагов шевельнувшего травинку хищника. Тузе-

мец внимательно посмотрел на Дмитрия, быстро осознав, что сие недоразумение является случайностью, но зачем-то повторил его движение, ткнув дремлющего и непрерывно дергающегося Такеши.

Субтильный японец дернулся еще раз и слегка подскочив, ошалело закрутил головой, хлопая, как обычно расширившимися, ставшими овальными глазами.

– Что? Где? Когда? – он будто вспомнил название популярной в России умной передачи, где куча бородатых дядек разгадывают каверзные вопросы, но потом увидел, где находится, заодно вдохнув насыщенного отвратными миазмами воздуха. – Приплыли? – кадык азиата сделал судорожное движение, словно желая выдать порцию рвотных масс, но это скорей от волнения за дальнейшую судьбу. – Уже Рынок? Да? Нет? – он возбужденно, еще не до конца проснувшись, уставился на невозмутимого масаи, затем чешущего за ушами, млеющего от удовольствия Диму и вновь перевел взор на Лкетинга.

– Приплываем, – отрывисто бросил парень, перестав чесаться и с хрустом вытянув вверх исхудавшие руки, случайно звякнув поржавевшей цепью, отчего испуганно колыхнулся сидящий перед ним толстяк. – Вроде к... – он не договорил, напрягшись и выпучив глаза, ибо случайно вдохнул трюмной вони носом, которым уже долго не дышал, даже отпустив пальцы от ноздрей.

Подобного инцидента не происходило и во время бредовой дремоты, а тут пара слов японца и все. Словно ложку говна съел спросонья. Такеши же глядя на него, недоуменно захлопал уже раскосыми глазами, и это тот самый нежный человек, недавно высказавшийся о чудовищной вони у Низама.

– Как... – прогнусавил Дима, решительно договорив незаконченное слово и сжав нос пальцами.

Лкетинг же, ничего не сказавший после пробуждения японца, с любопытством наблюдал за обоими спутниками, а затем дружески похлопал Дмитрия по плечу крепкой ладонью.

– Плохо пахнет, белый брат? Терпи! Ты сильный! Лкетинг нюхал хуже!

– Есть маленько... Пованивает... – тоскливо и гнусаво, подобно сатиру пробормотал юноша, чувствуя тошноту и вглядываясь в сидящую на порядочном расстоянии Лизу, пребывающую в полусогнутом положении с падающей вверх-вниз головой. – Это где интересно в Африке хуже пахнет... – неслышно закончил он себе под нос, едва шевельнув губами.

– А мне сначала очень пахло, а потом нет... – недоуменно пробормотал низкорослый японец и вновь, проверки ради, втянул отвратительный воздух обеими ноздрями, отчего Диму передернуло, и он оторвал взгляд от спящей молодой матери.

Было непонятно, спали или нет, опустившие головы соседи спереди, кроме толстого мужика, но очевидно, что разговаривать с троицей «Спящих» никто не рвался. Лица же людей на их цепи выражали уныние коней ведомых на скотобойню, а тусклые взоры не излучали блеска. Ближайший к Такеши грешник внешне, так вообще плакал весь покачивающийся путь, о чем говорили красные глаза и унылая, блестящая от влаги жидкая борода. О чем думал этот мужчина – непонятно, но вгонять себя в уныние, затея не самая лучшая, хотя ежели подавляющая масса пленников походила на мертвецов, еще заходя в трюм, то сейчас и говорить нечего...

Само собой понятно, что никто не ожидал настолько неприглядного конца жизни, планируя умереть и исчезнуть навсегда, как учили умные книжки и глянцево-журнальные, но больше всех переживали религиозные фанатики, всю жизнь стоящие на коленях, зарабатывая на билет в Небеса. Уж кто-кто, а они считали себя заслужившими дорогу в Рай, и она должна была отличаться от вонючего трюма судна, набитого разномастными демонами и такими же, как они, сгорбленными людьми в цепях. Хотя нет. Не такими же. Приверженцы любых современных религий считали себя намного лучше остальных, ибо всю жизнь прогибались, воспевая смирение, пресмыкание и своего бога, но здесь осознали, что

их обманули и... Естественно принялись выделяться, однако в Аду это быстро пресекается на корню, ведь ценность человеческой жизни заключается не в прожитых днях, а духовном опыте, впитанном за время материального бытия.

Ржавый корабль двигался все медленней и медленней, что явно ощущалось внутри мрачного трюма, сатиры же, синхронно и по удобней ухватили рукояти зазубренных клинков, внезапно заколов им по железному полу. Если кто и спал, то мигом очухался, ведь грохот металла об металл мог и мертвого поднять с могилы, а девчонка с ребенком вовсе подскочила, произвольно дернув за кольцо на шее бодрствующей соседки. Та звонко щелкнула зубами и яростно взглянув на Лизу, что-то произнесла, молодая же мать парировала, однако лицо у нее было извиняющимся, вследствие чего косматая соседка пошевелила крыльями носа и успокоилась. Однако суть была не в этом, а вопле огорченного шумом младенца, и большинство узников с ненавистью уставились на девушку.

«Бедная Лиза, представляю ее ощущения... Столько целенаправленной злобы... Это еще я не злюсь, а как начну, так перестану жалеть... Захочу удавить малыша собственными руками... Ну и натура у меня, конечно... Чем больше познаю себя, тем тяжелее жить...», – парень внимательно наблюдал за матерью со спины и судя по движению ее рук, она пыталась засунуть сисю в рот ребенку, а тот не сопротивлялся и ухватил, так как наступила тишина.

«Такую грудь и я бы пососал...», – нахлынули похотливые мысли и юноша почувствовал, как наливается кровью та самая часть, что отвечает за большинство глупых поступков мужчин.

Он быстро поднял коленки впритык к подбородку, спрятав налившиеся кровью чресла, и перевел невинный взгляд серо-голубых глаз на колотящих тусклыми клинками сатиров, зыркающих по сторонам налитым кровью взором и разевающих клыкастые пасти.

– Подъем! Подъем! Подъем! – грохот мачете разрывал уши сильней детского вопля, но кровожадные карлики, будто ничего не слышали. – Вставайте, животные! Поднимайся, мясо! Почти приплыли! Все взяли крем для загара?! Ха-ха-ха! – гнусаво хохотали свинормордые демоны, пробиваясь голосами сквозь собственноручно создаваемый шум и одновременно произнеся последнюю фразу.

– Крем для загара?! – громко спросил морщащийся от шума японец, наклонившись через Лкетинга в сторону Димы. – Это они так шутят, да? – каждое его слово светилось надеждой, видимо проживание в туманном Лондоне наложило своеобразный отпечаток, и азиат боялся солнца, как древний вампир.

– Не думаю! Мой черт... – мальчишка поморщился, понимая, что вспоминает Анатона, как учителя, но ничего не мог с этим поделать. – Рассказывал, что Ад очень жаркое место, где плавают пески, так что если они вывезли нас из пещеры, то именно туда! В место полное жаркого солнца, а точнее двух! – меланхолично добавил парень, «радуя» бледного азиата каждым словом, да и соседи развесили уши, вслушиваясь сквозь лязг металла, но ни о чем не спрашивали, да и не удивительно.

Люди никогда не желают верить одиночному индивиду со знанием правды, но подобное поведение достаточно распространено. Это как родиться и жить с уверенностью, будто за соседней речкой живут великаны, но потом придут знающие люди и расскажут, что там никого нет, однако выросший с этим человек еще долго не сможет принять истину. Поэтому Дима втайне мечтал, чтобы Землю захватили злобные инопланетяне и всех рационалистов со скептиками долго и на живую резали, изучая их странные, не умеющие признавать пугающую истину мозги.

Вот и здесь окружающие люди вслушивались в его слова, но никто не задал, ни одного вопроса, например: «Откуда ты это знаешь?», – а все из-за уверенности в психическом отклонении того, кто мыслит иначе и в курсе происходящего. И это те несчастные, кого пытали, били, встроили бессмертие, а сейчас везут на Рынок, дабы продать, как скотину.

«Может они считают происходящее сном? С этих идиотов станется...», – юноша непроизвольно ждал от азиата следующего вопроса, сатиры же в это время перестали колотить клинками, а сам корабль замер, что заметно уменьшило вибрацию стены за спиной. «Интересно, а почему двигатель спереди? Или это зад? Хотя нет... По ощущениям – перед...», – парень отвлекся на мысль насчет местонахождения двигателя и тут открыл рот масаи.

– Ди-ма сказал там очень жарко! – он внимательно посмотрел ему в серо-голубые глаза, а тот разогнул коленки, почти уперев ступни в спину толстяку, ибо кровь с конца вернулась обратно в голову. – Очень жарко? Сильней, чем в Африке?

– Думаю, да! – уверенно произнес Дима, судящий по собственным ощущениям, в особенности, когда в окна сверху перестал проникать свежий воздух, кошмарная вонь усилилась, а температура внутри стала быстро подниматься. – Причем намного... Хорошо, что мы практически бессмертны, а то обгорим насмерть! – на его взгляд масаи прекрасно знал это и непонятно, зачем спрашивал.

– Как бы я хотел, чтобы ты был обманщиком, Дима-сан... – горестно пробормотал японец. – Но я тебе верю... Здесь становится очень жарко... – лицо Такеши огорченно сморщилось и он вздохнул.

Повышение жары в трюме ощущалось даже визуально, а не только по ощущениям. Находящиеся внутри трюма человеческие рабы залоснились, покрываясь обезвоживающим тела потом, а от сатиров и Варгха потянуло вонью, сравнимой с исходящей от взмыленного коня или стаи сдохших бродячих собак. Чудовищная жара за железными стенами принялась за работу, чувствуя прячущихся внутри ржавой консервной банки жертв, и желая добраться до них, как можно быстрее.

Какая температура снаружи – оставалось загадкой, на которую не хотелось получать ответ, однако из образованного множеством щелей пола потянуло быстро испаряющейся мочой и гниющим калом, что означало лишь одно. Там жарко. Жарко настолько, что лучше не выходить. А еще появился ответ, куда деваются людские испражнения, если никем не убираются. Они испаряются. Все элементарно и просто. Зачем убирать то, что само исчезнет, а насчет кала... Так он усыхает в ничем непахнущую ерунду и помогает поддерживать гробоподобное судно на плаву.

Каждый записанный в скотину узник Ада понял, но самое главное почувствовал это и у всех заслезились глаза с нахлынувшими, но безрезультатными рвотными позывами. Свиноподобные сатиры сморщили наглые морды и одновременно обернулись в сторону выхода из трюма, поперек которого стоял переставший рычать Варгх, балдеющий от происходящего. Кровожадное чудовище сладостно шурилось, каким-то образом получая удовольствие от жары и многократно усилившейся вони. Ну, а охраняющие рабов звероподобные черти недвижимо стояли, не двигая ни одной мышцей козлиных морд, однако чувствовалось, что под скрывающими мохнатые бубенцы юбками творится невообразимое.

««Бедолаги... Спрячьте себе яйца... Вот он, воинский удел... Правильно я сделал, что не пошел в военное училище, сейчас был бы таким же дураком, умеющим только приказы выполнять... Правда живой, но разве оно того стоит? Наверное, нет... Да и не научился бы я приказы выполнять... Характер не тот... Послал бы жопу командира и гуляй Димочка! Свобода!», – юноша, по спине которого катился пот, и щипало глаза от вони, протер горящее лицо липкой ладошкой, не забывая дышать ртом.

Он понимал, что необходимо, как можно скорее покинуть мерзкий трюм, превращающийся в адскую печку, и сия мысль пришла в голову не только ему. Один из сидящих на его цепи узников, находящийся на третьем изгибе ее «змейки» внезапно вскочил с диким воплем неконтролирующего себя человека.

– Они хотят нас зажарить! Убить нас! Спасайтесь, молитесь, веруйте в господа нашего Иисуса Христа! Нападайте на демонов! Да грядет свет небесный! Да зальет все святостью! Сгинь семя сатанинское, ибо сила божественная в пастве человеческой! – и тут Дмитрий почувствовал волну паники, распространяющуюся от истеричного раба, поняв, что еще чуть и подскочат все обладатели пятого тавро, начав давку, могущую привести к не лучшим последствиям даже с учетом бессмертия.

Юноша понимал, что вмешиваться в сей процесс неправильно, ибо зарекомендует себя еще большим мудаком среди ненавидящих его людей, но одновременно с этим видел сторбленную спину Лизы, понимая, что ее и малыша затопчут. И если полностью переломанная девчонка регенерирует, то ребенок необязательно и пусть он орет, как ненормальный, так ведь мелкий, поэтому дурной.

Это и дало ответ на сие уравнение. Его мозг обработал вышеперечисленные мысли менее, чем за полсекунды и не успела почти видимая волна паники коснуться оборачивающихся в сторону заводилы рабов, как Дима подскочил со скоростью гепарда, и как-то понявшие его замысел масаи с японцем, также взметнулись на ноги. И хорошо, что после Такеши висел свободный промежуток цепи, где когда-то брел лишившийся языка пленник. И хорошо, что сидящий напротив толстый узник испуганно пригнулся, увидев худошавого парня, сделавшего шаг в его сторону. Все это являлось переменными, сыгравшими немалую роль в предотвращении паники.

Чувствуя упершеся в кадык кольцо, юноша напрягся еще сильнее и, потянув шагнувших за ним Лкетинга с Такеши, прыгнул на паникующего раба, чтобы сбить с ног на жутко воняющий пол. Время чудовищно замедлилось, и Дима увидел ползущую в стороны полупрозрачную темноту, появляющиеся на обнаженных телах рабов капельки пота, едва двигающихся сатиров и Варгха, по кнуту которого побежала первая искра. Глаза чертей, стоящих по обе стороны людского скота иначе заблестели, в них появились огоньки злого возбуждения и парень подумал, что мощные волосатые лапы сейчас потянутся к копьям.

Спина вопящего узника увеличивалась в размерах, а сам Дима настраивал «прицел», дабы крепко сжатый кулак ударил точно в затылок мудаку, причем тыльной частью, гарантируя целостность костяшек пальцев. Юноша внезапно понял, отчего профессиональные ораторы собирают огромные толпы. Они обладают даром привлекать людей на свою сторону, обнимая идущей изнутри силой, насыщенной теми эмоциями, которые требуются для толпы в данный момент времени.

«Интересно, отчего у него на лбу пятое тавро? Он же, чуть ли не экстрасенс... Такие способности...», – кулак с силой ударил по потному затылку крикуна, а парень почувствовал тупую боль, вонзающуюся в кисть и уходящую в локоть, волна же паники, будто всосалась обратно в незадачливого оратора, и время полетело, как раньше.

Только-только обернувшиеся сатиры готовы наказать кричащего раба, замерли, увидев на его месте Диму, у ног которого распластался резко замолчавший паникер. Звероподобные черти, тянувшие лапы к высокотехнологичным копьям застыли, не понимая, как реагировать на выполнение их работы «Спящим», а Варгх ничего не думал, ибо поднял трещащий от жажды крови кнут, после чего мальчишка зажмурился, подумав: «Зато скоро выйдем отсюда...», – но удара током не последовало, ибо сверху раздался гавкающий окрик.

– Тихо Варгх! Разве не видишь, что он не сделал ничего плохого? – гигантский кровожадный монстр поднял уродливую голову и, встретившись с хозяйским взглядом, извиняющееся рыкнул, опустив погрузневший кнут. – А ты молодец! – «Анубис» пребывающий в неизменных золотых одеждах, скупно хлопнул ладошками, заканчивающимися крепкими когтями. – Здесь паника не нужна, вот только боюсь тебя мало, кто поймет... Несчастный «Спящий»... – он чисто по-человечески хмыкнул и повернул собачью голову. – Открывайте

трюм! Пора прогуляться до Рынка! Да, мясо?! Ха-ха-ха! – язвительный смех окатил человеческий скот, подобно ведру кипятка, отчего тот горестно замычал.

На втором, параллельном мостике тут же раздался слаженный цокот мелких копытцев, обладателями которого были мускулистые сатиры, вышедшие из неприглядной двери. Карликовые демоны покинули или свою, или общую каюту, а может рубку управления ржавым судном, и спустились, как в прошлый раз резко ухнув вниз, но привычно ухватившись за поручни. Сам же Джумоук ждал, когда один из них нажмет кнопку ответственную за его мостик.

Дима тем временем понял, что его никто не собирается наказывать и шагнул назад через толстого раба, напоследок злобно глянув на шевелящегося несчастного, размозжившего себе нос и губы, которые уже регенерировали.

– Урод б..я! – не сдержался он, не обращая внимания на злобные взоры, идущие со всех сторон.

Раб, валяющийся на горячем полу, сочащимся запахом испаряющейся мочи, ничего не ответил, лишь что-то невнятно промычал, но и этого хватило понять, что он ненавидит Диму, как раз почувствовавшего чей-то отличающийся от других взгляд. Это была Лиза, несмело ему улыбающаяся, ее же соседки неприязненно смотрели на них обоих, видимо считая, что двух голубков необходимо было сжечь еще при рождении.

Лкетинг с Такеши отошли вместе с ним, ничего не говоря, но парень сам начал извиняющийся диалог, чувствуя неуместную вину за необходимое содеянное.

– Так было нужно... – пробормотал он, спускаясь скользкой от пота спиной по изрядно разогретой стене. – Он бы поднял панику... – рабы, сидящие рядом и напротив прислушивались к его словам, но одобрения в них не было, скорее злоба на поощряемого чертями нелюдя.

– Я знаю, белый брат! – усевшийся вместе с ним масаи, белоснежно улыбнулся. – Лкетинг видел темную волну! Лкетинг часто ее видит, и большой демон достает плетку! Ты молодец, Ди-ма! – парень тяжело вздохнул, а его тут же поддержал Такеши.

– Не знаю о чем вы говорите, но раз уверены, что так нужно, то я спорить не собираюсь... Не хочется ровнять людей, но видимое мной показывает их самые худшие качества... – узники напротив метнули на азиата лютые взоры, но тот не обратил на внимания человекоподобных ничтожеств. – И Дима-сан... Теперь я понимаю, как тебе тяжело... Ты и в Аду становишься изгоем, я прекрасно вижу, но мы с Лкетингом тебя не предадим. Да, черный брат? – японец, высказал желаемое и ткнул масаи локтем, а тот улыбнулся, осветив вонючий раскаленный трюм белоснежными зубами.

– Белый брат и желтый брат – братья Лкетинга! – простые и неприятные слова выходца из Африки цепляли за душу, и Дима задумался, как мало они общались на протяжении долгого пути, однако очнулся, вспомнив, что времени прошло совсем немного.

Их короткий диалог завершился резким открытием трюма корабля, с ударившим по ушам грохотом трапа, рухнувшего на пристань ОЧЕНЬ солнечного и «людного» города. Это выразилось в ярчайшем свете, причем настолько обжигающем, что попавшие под него рабы, среди которых присутствовала Лиза, болезненно вскрикнули, а сатиры гнусаво захотали и, выпятив животы, подошли ближе, чтобы погреться. Свет, ворвавшийся внутрь трюма, отдавал красным и Дима вспомнил слова Анатона про одно из солнц Ада, являющееся красным карликом, скорее всего оно и придавало такой оттенок.

А насчет «людности», а точнее населенности Рынка, так это показалось из-за множественного гула, донесшегося внутрь гробоподобного корабля, но эту мысль не дал додумать Джумоук, чей VIP-мостик плавно опустился и собакоголовый величаво зацокал.

«Вот как он так двигается, что сразу видно – идет хозяин, и все козы поворачивают задницы с беканием: „Возьми меня, господин! Я лучше всех! Выбери меня! Выбери меня!“

Как он так ходит?», – некстати задумался Дима, опершись о стену, до которой не доходил обжигающий свет, испытывающий на прочность рабов поближе.

Еще пару минут назад лоснящиеся потом узники стали сухими, словно осенние листья в бабье лето и зашевелили костлявыми плечами, краснеющими на глазах. Грудастая Лиза, попавшая под рвущийся внутрь трюма свет закрыла младенца, как могла, и тот спокойно сосал сисыку, не зная о несчастной матери, подставившей нежную спину под солнечные лучи жестокого Ада, дабы он спокойно ел и рос.

«Бедная, бедная Лиза...», – подумал Дима, ожидающий действий Джумоука, неторопливо подцокавшего к выходу из судна, воняющего умирающими от жары экскрементами.

Облитый солнцами Геенны Огненной, облаченный в золото демон-пес обернулся, светясь подобно ангелу небесному, вызывая прилив благоговения у некоторых одуревших от жары узников.

– Вот мы и прибыли! – он на мгновение замолчал, оглядев уставившийся на него человеческий скот. – Добро пожаловать на Рынок! Место, где вы исполняете свое предназначение, повторяя бессмысленное существование на Земле! Продаетесь! Покупаетесь! И бесконечно мучаетесь во благо наших поисков Творца! – Джумоук растянул звериные губы в отвратительной улыбке и неистово перекрестился, походя на божественного посланника Небес, а сходящие с ума узники ахнули, буквально увидев преобразование злобного демона в смиренного святого.

Причем ахнули так, как не ахают в церкви при восстании из мертвых отпетого покойника, лежавшего в гробу несколько дней и покрывшегося трупными пятнами, а уж истинные христиане знают массу баек, когда мертвые оживают, слепые прозревают, а глухие танцуют под в кои-то веки услышанное регги. Чудеса бывают, никто не спорит, но чаще всего происходят из-за искренней человеческой веры в них, а не подачки некоего бога, самого себя так назвавшего и просто живущего в другом измерении.

Облаченный в адский свет «Анубис» услышал вздох благоговения отдельных человеческих особей и еще омерзительней улыбнулся, издеваясь над восхищающимся им мясом. Здравомыслящие же рабы криво посмотрели на земляков, не понимая, чему радуются отупевшие от жары братья по разуму и с каких пор демон с собачьей мордой достоин духовных поцелуев, однако глаза временно обезумевших глупцов лучились такой любовью, что пришлось отвернуться и мысленно проклясть их.

– Пора на выход, скотина! Первое время будет больно, но ваша кожа быстро загрубеет, и вы сумеете наслаждаться двумя солнцами Ада! – Джумоук отвернулся и поцокал вниз, оставив закованных рабов наедине с садистами-сатирами, один из которых, облизав свиные губы, кинул сальный взгляд на женщин, и крутанул зазубренное мачете в жирной руке.

– Думаю всем ясно, что выходить будете, когда я скажу и как! Понятно?! – свин яростно хрюкнул, выстрелив зеленой соплей из сухого пятака. – И вы тоже! – он вытянул блеснувший клинок в сторону еще не очнувшихся дураков, недавно видевших ангела небесного. – Внимательно слушайте меня и вытрите слюни, скоты! Потом поцелуете копыта новому кумиру! Времени мо-о-оре! – протянул красноглазый карлик, вновь крутанув блеснувшим в свете двух солнц мачете. – Ха-ха-ха! – издевательски засмеялся сатир, понимающий, что ощущают воспитанные крестом безумцы. – Короче! – клинок разрезал воздух блестящей полосой, а демон перестал ржать. – Здесь никому не нужно, чтобы скотина запуталась в цепях! Кто дернется или попытается поднять панику, плохо действующую на других животных – понесет заслуженное наказание от них! – он направил кончик зазубренного мачете на бесстрашных чертей. – Или него! – развернулся и кивнул на беспрестанно-ворчащего Варгха. – А еще от нас и... – свиномордый демон ударил жирным кулаком в свою впалую грудь и замолчал, но потом его озарило, и красные глаза блеснули смехом. – И от него! Ха-ха-ха! – блестящий

в лучах обжигающего света клинок молнией указал на Дмитрия, бесстрашно взглянувшего на сатира, что оригинально выглядело, учитывая зажатый пальцами правой руки нос.

Узники не поленились и яростно уставились на «Спящего», которого за последнее время возненавидели. Облитым двумя солнцами Ада рабам совершенно не мешали обжигающие тела лучи, словно добавляющие сил злобе, выплескиваемой на Диму, который чувствовал это, ибо средний палец левой руки поднялся и был выставлен на всеобщее обозрение.

Закованный в цепи людской скот обозлился еще больше, ведь сейчас он чувствовал себя единым и ему – огромному животному – показал оскорбительный жест молодой парень, многим годный в сыновья и обладающий всего парой друзей. Дима же внешне спокойно, но с глубоким внутренним переживанием опустил руку, но не моргающие от вони глаза, смело отвечающие бесящемуся быдлу.

Наблюдающие за происходящим сатиры захохотали, и их смех содержал искреннюю радость, но одновременно с этим в налитых кровью взорах промелькнуло уважение к «Спящему», не побоявшемуся выйти против внешне себе подобных жителей Земли. Даже в оранжевых глазах парнокопытных воинов мелькнуло что-то неоднозначное, похожее на солидарность с ненавидимым толпой мальчишкой.

Лкетинг и Такеши, скованные с юношей одной цепью, в свою очередь не побоялись остаться с ним и бросили вызов уродливым морально людям, желающим смерти их собрату по духу. Взгляд несгибаемого масаи был подобен Джомолунгме – гигантской горе, находящейся в Африке, сдвинуть которую может лишь время, а Такеши – робкий азиат пересилил себя и бесстрашно посмотрел в глаза пылающим ненавистью узникам, не опустив лицо, что уже являлось подвигом.

– Мы с тобой, Дима-сан! – громко произнес японец, чтобы слышал трусливый человеческий скот.

– Да, белый брат! Лкетинг и Та-ке-ши с тобой! – пронзительные голубые глаза туземца с легкостью отражали ненависть, идущую из лиц внешне покорных, сгорбленных пленников. – Мы умрем за тебя!

– Ага! – судорожно сглотнул жутко-боящийся последних слов Такеши. – Умрем!

– И я с вами! – Дима с трудом выдал тяжелые слова, ибо он никому их не говорил и друзей подобных этим еще не имел. – Я тоже с вами! – слезящиеся от вони глаза в тысячный раз моргнули.

Елизавета, милая девушка с сосущим тяжелую грудь ребенком, повернула невымытую голову и грустно посмотрела на парня, видимо искренне переживая за него, но ничем, кроме тоскующего взгляда помочь не могла, ее же малыш умильно чавкал, блаженствуя от вливающегося в желудок молока, дарующего смыкающую веки сытость. Его глазенки закрывались, и он сам того не заметив, оторвался от мамкиной сиськи и погрузился в сон с непонятными картинками.

Судно же накалялось с каждой секундой, и понимающие это сатиры решительно принялись выводить рабов, ненавидящих троицу «Спящих», один из которых убил им подобного, а еще лишил сознания героя, желавшего начать спасительную революцию в Аду.

– Ты первый! – гнусавый бас сатира раздался над правоверным, последним закончившим посадку в трюм ржавого корабля, и для закрепления фразы чиркнул мачете по смуглому плечу, оставив глубокий, обильно засочившийся кровью порез. – Быстрее! – он хлопнул узника клинком плашмя, а вскрикнувший от испуга мусульманин заткнулся и поднялся, подтягивая остальных. – И чтоб без всякой суеты! Варгх ждет снаружи! – клыкастая пасть свиньи растянулась в злобной улыбке, а налитый кровью взгляд следил за осторожно встающими и опускающими глаза рабами.

Адский «Франкенштейн» трехметрового роста действительно вышел, наверное, еще за Джумоуком, как и с десятком вооруженных чертей и один сатир, но уход рогатых не замеченным не остался, ввиду их громкого дисциплинированного шага по железу вонючего судна.

«Каково им на свежем воздухе, если его можно назвать свежим... Небось жара стоит такая, что яйца жарятся прямо на теле... Там хорошо не будет даже Лкетингу, несмотря на врожденную черноту, а остальным? Например, бледным чукотским юношам? Или Такеши? Тот вообще расплавится...», – японец расширившимися глазами смотрел на освещенный ярчайшим светом выход из корабля, напоминая кота, впервые оказавшегося на улице.

Тем временем отправляющиеся наружу пленники разгибались, показывая задницы с отпечатавшимся на них полом трюма. Солнечный свет Геенны Огненной слепил глаза, а жар заставлял морщиться, ибо температура была немалой, но это дело привычки, судя по нежащимся у выхода сатирам. Все, как один рабы долгое время провели в закрытых пространствах, влажных и холодных, зато теперь могли сполна насладиться солнцем, даже двумя, ибо Ад помогал забыть о работе в душных офисах, о заводском грохоте, о взятых кредитах и ипотеке... Они были почти свободны, если бы не поржавевшие кольца, висящие на шеях и подгоняющие демоны, вооруженные злобного вида клинками.

Пленники по одному ступали по разогревшемуся полу, ойкая и ахая, а видящий это Дима хотел сглотнуть немножко слюны, однако она отсутствовала. Японец, как всегда нервно моргал, наблюдая дерганье идущих по горячему металлу рабов и лишь умеющий танцевать на углях масаи, выглядел равнодушной сытого удава, и в его бесстрастном взгляде было почти пусто, кроме легких огоньков неприязни к людям, ведущим себя хуже животных.

Шаг за шагом первая цепь рабов двигалась к выходу, провожаемая внимательными взглядами чертей и сатиров, готовыми применить силу в любой момент, помня, как недавно проворонили паникера, уняньканого молодым «Спящим». Первый из узников – смиренный правоверный полностью поднялся на трап, ведущий на пристань и его озарило адским солнечным светом, который бросился на него подобно голодному зверю, раб же согнулся от жуткой боли, охватившей тело. Все ощущения мусульманина отразились на скривившемся лице, но правоверный родился на Востоке среди жарких пустынь и быстро привыкал к таким температурам, поэтому выпрямился и медленно пошел вниз, неся объятые огнем тело, едва передвигающимися ногами под гнусавые вопли безумного сатира.

– Хорош прохлаждаться! Быстрее раб! Быстрее скотина! Потом обнимешься с нашими солнышками на полную катушку! Ха-ха-ха! – как обычно звучал хохот свиномордого демона, а смуглые собраты мусульманина двигались за ним, поочередно входя в стену слепящего света.

Ни один из рабов, не пережил лучи новых солнц невозмутимо, ни один... Всех сгибало, словно под огромным весом, но каждый с трудом выпрямлялся и шел дальше, а Дмитрий был готов поклясться, что пахнет пережарившимся мясом и если бы не «волшебная» капельница, то люди бы сгорали заживо.

«Рассказы про Ад правдивы... Он действительно полон пламени и вечно пылающих грешников, но черти не глупы... Зачем убивать рабов, если можно построить орган, усиливающий регенеративные способности и дающий пару часов на адаптацию организма к огромным температурам... Телу требуется совсем немного времени, в течение которого оно нарастит кожу более грубую, темную, но крепкую, как никогда...», – Дима в тысячный раз моргнул, не желая адаптироваться к воню, стократ усилившейся «благодаря» огромной жаре снаружи.

Первая вереница обнаженных людей выходила наружу, морально подготавливая вторую, пленники которой видели, что с покидающими трюм узниками ничего не происходит,

однако каждый окунувшийся в адский свет раб показывал, что температура там выше некуда. Лично Дима переживал за Лизу с ее малышом, как-никак девчонка привыкнет к обжигающим лучам, она человек взрослый, пару раз обгорит и нарастит новую кожу, а вот как быть младенцу? Не подставлять же его двум солнцам, на которых он помрет быстрее, чем обрастет эпидермисом с улучшенными свойствами.

«Да уж... Для Лизы задача еще та... Это с учетом того, что мы прибыли на зловещий Рынок, где наши пути определенно разойдутся... Жалко... Куда занесет ее судьба? Что будет с малышом? Хрен его знает...», – похолодевший от жутких предчувствий парень смотрел на недвижимую, сгорбившуюся мать, прячущую ребенка, и скорее всего решающую, как быть дальше.

Девушка явно понимала, что ее путь отличен от простой, но кошмарной дороги других женщин, недаром к ней столько интереса, и сейчас главная ее проблема была в недопущении отвратительного будущего любимой кровиночке. Лиза вывернула шею, и устало посмотрела на зажавшего нос Диму, словно задавая извечный вопрос: «Что делать?», – а он грустно улыбнулся и пожал плечами типа, не знает. Масаи с японцем не упустили это из виду и уставились на моргающего слезящимися глазами парня, с грустью рассматривающего молодую и интересную девчонку.

– У матери с ребенком долгий путь! – произнес Лкетинг. – Ей нельзя быть слабой! У нее сын!

– Ты прав Лкетинг... Слабой ей быть точно нельзя... – пробормотал юноша, поглядев на недвижимо лежащий метрах в трех от пальцев ног свет Геенны Огненной, «греющий» сидящих под ним узников.

Кожа на согнутых спинах рабов, попавших под два бешеных солнца Ада, была красной, как у варящихся раков, а шелушащиеся крупными лоскутами плечи выглядели еще хуже, меняя цвет от серого до багрового. Скорее всего, они непрерывно обрастали новой кожей, процесс чего был неразличим, ибо происходил столь быстро, что отваливающиеся лоскуты мгновенно заменялись новыми, которые вновь отшелушивались, сменяясь следующей партией.

«Везунчики те на кого свет падает... Выйдут уже адаптировавшимися...», – парень посмотрел на очухавшегося паникера, который поднялся пару минут назад и беспокойно шевелился, глядя, как солнечный свет Ада мучает сидящих за метр от него, негромко стонущих земляков.

Судя по всему, чувствовал он себя неплохо, и орать о массовом сжигании заживо больше не собирался, ибо оно шло полным ходом и все оставались живы. Иногда его голова склонялась вниз, иногда поднималась, но назад не поворачивалась, словно недавно помешавший кричать ему человек был неинтересен. Диме вообще казалось, что как только у произвольного храбреца закончилась истерика, тому стало плевать на поднимающуюся внутри корабля температуру.

«Как баба, ей богу... Вот почему у него тавро ничтожества... Может у него и присутствуют сильные внутренние качества, но подкачали мозги, работающие, как у вечно менструирующей девки...», – трюм покидала вторая вереница людей, подстегиваемая гнусавыми воплями сатиров и внимательными взглядами оставшихся в трюме звероподобных рогатых.

Они – черти – освобождали внутренности судна по мере надобности, и чем меньше узников оставалось внутри вонючего помещения, тем больше бесстрастной охраны прибавлялось снаружи. Эта элементарная математика объясняла, что на шумной пристани необходимо больше охраны из-за увеличивающегося там количества рабов, снующего рогатого «народа», а может и каких-нибудь отдыхающих на адском пляже парнокопытных.

«Представляю козочек с игриво спрятанным выменем и brutального сатира, вывалившего конец для подката к игривой самке... Не хочешь человеческой крови, сладкопытая? Новый завоз, сибирские дети! Толстые, сладкие, румяные! Могу принести пару бокалов! Тяпнем по паре капель, а потом я покажу красивые полотна у себя в номере, написанные недавно завезенным художником из Астаны! Не помню его имя, но мой агент гонялся за ним по Земле в течение трех лет, дабы купить после смерти и доставить сюда!», – Дима потряс всклокоченной головой, выгоняя невесту, как попавший внутрь бред.

Второй веренице пленников повезло больше, чем первой. Они дольше сидели внутри гробоподобного корабля и их «отлично» окатило солнцем, поэтому сейчас «везунчики» уверенно проходили порог вонючего трюма, дабы исчезнуть снаружи, оставив вместо себя слепящий свет.

А вот отдельным дурням, большинство которых пребывало на цепи со «Спящими», казалось, что братья по разуму уходят в Рай, тот самый, обещанный пузатым батюшкой в сельском приходе, которому они всех курей отдали за мольбы на хорошую зарплату и умных, без всяких книжек детей. Вот эти индивиды сидели и тряслись, выпучив тусклые глаза и мечтая, как можно быстрее нырнуть внутрь «небесного» света, и полететь к приближающимся Вратам Рая, охраняемых суровым, но справедливым апостолом Петром, исподлобья вопрошающим:

– Грешил ли ты Иван Петров Николаевич, только честно?! – и смотрит такой, грозными глазами в праведное чело овцы Отца Небесного.

– Нет, Петр! Нет! – радостно забьется в поклонах овца, пытаясь облобызать сандалии бородатого апостола с мускулистыми от бесконечного стояния икрами. – Всю жизнь вкалывал волю подобно, меньше всех получал, но к большему не стремился, ибо грех это! Получил прозвище дурака юродивого, но рад был, ибо по-христиански это! Детей наплодил семерых, и хоть кормить было нечем, дальше плодить собирался, но славен Господь наш – отнял силу мужскую, повесив огурчик мой и пятерых детишек на Небо забрал, ибо не стал лечить их я, когда заболели, ибо Господу – Отцу Небесному виднее! Всегда подставлял левую щеку, правую щеку, спину, все что угодно, ибо не ведают, что творят злые люди, к вершинам материального благополучия стремящиеся! – и закончатся откровения овцы Господа любимой, и даст апостол поцеловать сандалию с ногтем, торчащим оттуда, нестриженным, а овца куснет ее игриво, но ласково, да осознает блаженство истинное, и откроются Врата Райские, а за ними бесконечное множество сандалий ангельских и апостольских, кои облизывать требуется – вот оно счастье-то!

Дима смешливо хмыкнул от заполнивших голову картин, отражающих суть любой современной религии, где попы передвигаются на огромных джипах, давая целовать золотые перстни безмозглой пастве, раком ползающей по загаженной Земле.

«Дибилы-дибилами... Как же хорошо быть придурком... Жить в ограниченном мирке и никогда не высовываться наружу, ведь там все иначе... Не так, как написано в святых книгах... Свой огородик, мало оплачиваемая работа рядом с домом, дети, желательно с высшим образованием, ведь так солидней и ерунда, что по профессии не работают и получают копейки... Зато спокойненько... Тихонько... Все как у Сидоровых, ведь самое главное от соседей не отличаться, а то боязно... Люди должны походить друг на друга и пахать, чтобы пенсия была, чтобы кушать было... Дибилы... Ей богу, дибилы... Ненавижу...», – он вытер слезящиеся от вони глаза, проводив последнего, вышедшего сквозь солнечный свет Ада узника второй вереницы скота и подняв руку, помахал готовящейся Лизе, обернувшейся на него посмотреть.

Девушка увидела его взгляд и грустно улыбнулась, совсем слегка, практически незаметно и, поморщившись, тяжело поднялась, видимо с жутко облезшей спиной у нее вообще беда творилась, а что же будет с миниатюрным пацаном, когда она выпрямится, подставив

того безжалостным лучам адских солнц? Теоретически, если он маленький, да и родился в Аду, то должен быстрее адаптироваться к данному миру, но... Эти лишь догадки и не более того... Короче оставалось просто ждать, тем более Лиза, как первая среди женщин, вошедшая в вонючий трюм, пойдет последней.

И вот первая трясущаяся представительница Земли с другого конца поржавевшей цепи встала на грязные ноги, подтягивая вторую, та третью и так далее. Вереница сторбленных баб четко следовала указаниям угрожающе крутящего клинком сатира, где второй бездельничал, оценивая разглядывая фигуры множества рабынь, но обходился без сальных комментариев.

Когда все узницы Ада, включая Лизу, поднялись, то замерли, не понимая, что делать с лежащим перед ними куском цепи, который до этого таскал Варгх, а тут получается должны волочить они – слабый, хоть и в большинстве своем прогнивший пол. Дима почувствовал злость, глядя на вереницу тупых коров, которые будто не смотрели за мужиками, безропотно таскавшими звенящие огрызки цепей, и он был не один такой.

– Что вылупились, овцы? – гнусаво рявкнул сатир, с размаху ударив клинком по железному полу, отчего задумавшийся о безмозглости баб мальчишка вздрогнул, а Такеши испуганно моргнул. – Давайте поднимайте, одна кусочек, вторая кусочек! Это на Земле... – он ткнул мачете в неопределенный вверх. – Вы женщины и то ошибочно! Зато у нас, в Аду – животные, ничем не лучше самцов! Разница лишь в том, что у них снизу выпирает, а у вас сверху, да и то не у всех! Ха-ха-ха! – мерзко захохотал карлик, ударив по самому больному большинства баб. – Давайте шевелитесь, сучки! Все лежит перед вами! Даже ходить никуда не надо! – он молниеносно взмахнул блеснувшим клинком и спину первой, то бишь последней, трясущейся девушки прочертила красная полоса, моментально заполнившаяся кровью, однако мигом затянувшаяся. – Еще?! – злобно рявкнул карликовый демон, а не успевшая заорать девица выпятила половые губы, нагнувшись по-русски говоря раком, вследствие чего взгляд сатира запылал вожделением, но сделать свин ничего не мог, видимо собакоголовый Джумоук строго обходился с насильниками.

Скрючившаяся девушка ухватила близлежащий к ней кусок цепи с кольцом, являющийся конечным куском – мускулистые, корабельные сатиры еще при посадке подтянули ее поближе к женскому коллективу – и легко разогнулась, ведь по сути он обладал совсем небольшим весом, будучи не толстым. Вторая, стоящая за ней заплаканная пленница суетливо ухватила следующую часть, подтянув цепь еще ближе, третья – бесформенная дамочка с черным анусом продолжила начатое «подружками», и таким образом примерно пятнадцать девиц получили заслуженные кольца.

«Мечты, мечты, о ваша сладость... Какая женщина не желает быть окольцованной, дабы вконец захомутать мужика...», – невольно ухмыльнулся Дима и сию секунду на него посмотрел второй сатир.

– Чего улыбаешься «Спящий»? Тебе с дружками предстоит еще оче-е-ень... – издевательски протянул он, вперившись в серо-голубые глаза парню с зажатым носом. – Много пережить, поэтому лучше учись плакать! – демон оскалил пасть в зловещей ухмылке и вернулся к оцениванию всхлипывающих женщин, Дмитрий же похолодел, но в тоже время остался удовлетворен, что их не называют животными.

На это уже давно обратили внимание остальные узники, возненавидевшие «Спящих», но поделаться ничего не могли. Молодого, не выглядящего опасным парня боялись больше чернокожего туземца, не страшась смотреть в глаза любому демону, а вот насчет субтильного японца вопрос стоял ребром, его в принципе никто не боялся, но и желание трогать напрочь отсутствовало. Маленький, лохматый, удивленно округляющий глаза на многие вещи – этим и пугал. Там, где другие боялись поднять головы, Такеши двигался с прямой

спиной и широко открытым ртом, то есть, ценя любопытство больше жизни, а в «нормальном» человеческом сообществе – это безумие.

Зато сейчас в Аду, раскрывшем подноготную каждого пленника, ясно виделось, кто действительно нормальный, а кто нет. Сидящие со сгорбленными спинами, боящиеся поднять взгляды и могущие лишь закатывать истерики, те, кто считал себя эталоном подражания, оплачивая кредитную машину, имея красавицу жену и губастую дочку, оказались низшим звеном эволюции, не стоя ничего. Абсолютно.

Белый люди с европеоидными чертами лиц... Почти все они вели себя подобно иллюхам, не получившим шестой iPhone за шестьдесят шесть минут, а те же, кого на Земле записали в низшие сословия, добровольно вошли в поржавевшие цепи и без соплей двигались туда, куда приказывали демоны. И пусть «правильно» жившие проститутки считают, что подчиняющиеся чертям – трусы, а они наоборот храбрецы, ибо бунтуют! Пусть подумают, нормально ли это? «Бунтовать», а конкретней – повторять чужие вопли и выделяться там, где ты никто... Где некуда бежать... Где людьми кормят самих же людей... Не лучше ли просто умереть? Или же сделать выбор и пойти дальше, дабы увидеть, что там за горизонтом, став немножечко умнее?

Глава 2

Женщины одна за другой исчезали в обжигающем свете Ада с громким болезненным визгом, отчетливо доносящимся внутрь пропахшего испаряющейся мочой трюма, заставляя испуганно вздрагивать еще не вышедших пленниц, перетаптывающихся с ноги на ногу. Недавно бывшая до безрассудства храброй Лиза нервничала все больше и больше, что и понятно... Приближался конец ее пути, плюс ожидание кошмарных солнц снаружи... Как они подействуют на спящего малыша, до сих безропотно переносившего ужасную жару в трюме? И как она вообще держит его на изможденных руках? Откуда берутся силы и молоко в обезвоженном теле?

А еще было непонятно, отчего визжат женщины снаружи. Может их там Варгх по задницам хлопает или болтливый сатир за соски щиплет, вон какие похотливые глаза у этих свиней, недаром в мифах за нимфами бегают... Короче оставалось либо безответно предполагать, либо быстрее выйти наружу, но такая возможность отсутствовала, ибо голозадые рабы выходили по очереди и добровольный вариант исключался.

«Вот так... Зашли первыми, выходим последними... Не везет... Да еще здешними безумными солнцами не опалены... Выйдем, вообще каюк настанет...», – пессимизм из Димы струился бурным ручьем, и он ничего не мог с собой поделать.

Женский коллектив почти покинул гробоподобный корабль, а малыш Лизы все-таки проснулся от нестерпимого жара и заплакал. Девушка быстро согнулась над ним как смогла, пытаясь закрыть немытыми волосами, однако это не помогало, и жар принялся кусать нежную кожу младенца. Ну, а когда несчастная Лиза, поддаваясь влечению стремящейся наружу цепи, вступила в адский свет, падающий на раскаленный трап ржавого судна, то вовсе рухнула на колени, и ребенок завыл, как никогда до этого. Пронзительный детский плач взрезал раскаленный воздух и нутро ржавого корабля подобно циркулярной пиле, наполнив их ТАКОЙ болью, что захотелось плакать самому, однако в этом отсутствовал смысл. И сейчас Дмитрий наблюдал жалостливую картину, показывающую сторбившуюся, но поднимающуюся Лизу, окутываемую плачем буквально горящего в Аду младенца, отчего невозмутимый Лкетинг дернул губой, а Такеши шмыгнул носом.

– Как же ему больно... Да и ей тоже... – с несчастным видом пробормотал азиат. – Неужели демонам не жалко, хотя бы человеческих детей? Люди же обожают новорожденных животных! Почему черти столь жестоки? За что так ненавидят нас?

– Не знаю... – гнусаво произнес зажавший нос Дима, моргая слезящимися глазами. – Не могут они все быть такими, но профессия, конечно, накладывает свой отпечаток, поэтому торговец живым товаром и его команда милосердием страдать не обязаны... – он отодвинул сухую голову от горячей стены и с гулким звоном вернул обратно, непонятно зачем ударившись, на что обратили внимание свиномордые карлики, синхронно повернувшиеся к последней веренице узников, то бишь к ним.

– «Спящий»!! Совсем обнаглел?! Чем дальше, тем хуже становишься!! – свињи одновременно выпучили налитые кровью глаза, но заговорил один. – Давно плетей не получал?! Выйдешь наружу, я лично попрошу тебя отхлестать!! Ты же знаешь, что тогда все пострадают! Или ты по жизни такой debil, что плюешь на чужие страдания!? Зарабатываешь к себе ненависть! А, «Спящий»? – чувствующий боязливый озноб Дима собрался с силами и, выслушав свиной монолог, не отпуская пальцы от зажатого носа, кивнул, отчего сатир в изумлении открыл клыкастую пасть и ткнул локтем жирного напарника.

– Ты гляди! Он еще выделяется! Храбрый стал, да?! А какой мальчик в Сортировочной был! Тихий, смирный, боязливый! Интересно, откуда столько бесстрашия?! Доиграешься, ох доиграешься «Спящий», а ведь впереди немалый путь! Набрался бы смирения,

как учит ваш бог Иисус Христос! Ха-ха-ха! – прямоходящий свин вновь ткнул напарника в бок и язвительно захохотал, словно издеваясь над чувствами антирелигиозного Дмитрия.

Мальчишка в ответ не сумел удержаться и, зазвенев цепью, оторвался от стены, убрал руку с ноздрей и, перестав моргать, яростно вперился в налитые кровью глаза сатира, вроде случайно цокнувшего назад.

– Это. Не. Мой. Бог. Он. Их. Бог, – медленно, четко и отдельно произнес разозлившийся парень, а освободившаяся от ноздрей рука указала на сторбленных узников, прикованных к его цепи. – Я никогда не буду пресмыкаться ни перед богами, ни перед людьми, ни перед чертями! – он вернулся сухой спиной на разгоряченную стену, сатир же, выслушав дерзкую речь, прищурил злобные глаза.

– Не будешь пресмыкаться?! Так чего же ты в цепях, а?! Не хочешь рассказать?! Отчего слушаешь наши приказы?! Скажи «Спящий»! Давай! – тусклое мачете гипнотизирующее покачивалось, притягивая трусливые взоры узников с пятым тавро, желающих отодвинуться от троицы нелюдей.

Трясущийся, но уж точно не от страха Дима поднял блестящие от возбуждения глаза, наполняясь бурлящей внутри, едва сдерживаемой тьмой, которую почувствовал Лкетинг, осторожно ухвативший его за локоть, удерживая от неблагоразумного действия.

– Я и на Земле был в цепях, но Ад освободил меня!! Они... – парень потряс поржавевшими звеньями, и пугающая улыбка озарила его посеревшее лицо, заставив нервно сглотнуть Такеши и вжаться носами в колени рабов рядом. – Лишь временное неудобство! – вылетающие изо рта мальчишки слова определенно принадлежали не ему, а чему-то живущему внутри, чему-то презирающему страх, и это отчетливо понимал Лкетинг, видящий внутри парня спящего зверя, как и Такеши, осознающий, что мальчишка намного больше не от мира сего, чем казался.

Сатиры, услышав им сказанное, поперхнулись вонючим воздухом трюма, а узники, прикованные на цепи с безумным парнем всем скопом вздрогнули, будто ощутив себя соседями самого Сатаны, и это происходило на фоне удаляющегося крика малыша, спускающейся по трапу Лизы.

– Не много ли ты на себя берешь «Спящий»?! – один из поросят прищурил налитые кровью глаза и пугающе ударил клинком по железу под копытами. – Не зазнавайся, здесь видали намного круче тебя! Теперь глотают звездную пыль в неизвестно какой Вселенной! – он замолчал, облизав свиные губы, а после, окинув взглядом остальных рабов, громко и само собой гнусаво проорал. – А теперь выходим! Выходим, скотина! Не торопись! Также, как и все остальные! Помните, что, во-первых, вы животные! Тупые животные! Ха-ха-ха! Не путайтесь в цепях! Резких движений не делать, а то ходить будет не на чем! Давай-давай-давай! Быстрее тупая скотина! – клинки грохотали, закладывая уши, а оставшиеся в трюме звероподобные черти подошли ближе к встающим на ноги рабам, где некоторые, как всегда подниматься не собирались, то ли от страха, то ли от нахлынувшей храбрости.

Это вполне естественно, ведь сей сброд запихивали в цепи силой, выдерживая из воюющей толпы с помощью кровожадного Варгха, сейчас так некстати находящегося снаружи и видимо это притупило их инстинкты выживания и самосохранения, однако сатиры умели ладить с безмозглым земным мужичьем.

– Да что вы за ничтожества! – яростно заорал свиноподобный карлик и, подойдя к самому первому, застывшему на жопе узнику, с силой наступил небольшим копытом на мужское естество, размозжив драгоценный орган меж щелей горячего пола.

Покалеченный узник заорал от кошмарной боли и, обливаясь кровью, вскочил, дернув поржавевшее кольцо на шее соседа, отчего тот принялся хватать воздух сжатой гортанью, хотя ранее желал подняться добровольно, но не мог из-за потерявшего член «бунтаря».

– Вот так-то! – удовлетворенно улыбающийся сатир поцокал к следующему трясущемуся «храбрецу», успевшему дважды приподнять слезящиеся глаза, пока к нему шла свинья с рогами, однако не поднявшемуся. – А теперь фокус! – внезапно гаркнул карликовый демон и молниеносно вонзил зазубренный клинок в грудь перепуганного насмерть человека, отчего тот захрипел и выпучил глаза, но это был не конец.

Красноглазый сатир напрягся, начав поднимать несчастного мученика с колен на ноги, а пронзенный раб, хрипя, свистя и булькая, выполнял желаемое кровожадным чертом, заставляя вставать скулящих соседей. Те же в ужасе, с выпученными глазами делали это, видя умирающего в муках человека, чья жизнь, как учили на Земле – бесценна, но в Аду, оказывается грязь. Они боялись, но не издавали звуков, боясь быть надетыми на идентичный вертел, а непредсказуемый сатир резко выдернул зазубренный клинок из груди тут же рухнувшего на колени «бунтаря», разодрав ее до торчащего мяса и виднеющихся легких, но здесь вступила в действие «волшебная» капельница.

Хрипы и бульканье с летящими изо рта брызгами крови затихали с каждой секундой, а грудь умирающего человека заживала на глазах земляков, крестьящихся и вызывающих к безмолвному небу. Разлохмаченные клочки мяса с разорванной, окровавленной кожей втягивались внутрь и стягивались, оставив сначала красный, а потом вовсе белый шрам, исчезнувший спустя пару секунд, сам же «ассистент» свиноподобного фокусника со свистом втягивал воздух, неверяще щупая целую грудь.

– Вот и все! – сатир-садист отцокал назад и саркастически поклонился «восхищенной» публике, желающей усесться из-за дрожащих ног, но боящейся, как никогда. – Так будет с каждым! Вы будете жить вечно, мои сладенькие! Всем понятно, скотина?! – вдруг люто гаркнул клыкастый свин и обернулся посмотреть на потерявшего половой орган «бунтаря», но тот уже выздоровел и истерически трясся, стоя, где стоял, вглядываясь в будто скопированный с предыдущего член.

Бесстрастные черти, контролирующие истеричных рабов, внимательно крутили оранжевыми глазами на рогатых головах, ища малейшие зачатки новой революции, но показательные кровавые выступления мигом решили образовавшуюся проблему и человеческий скот страдальчески мыча поднялся, стараясь смотреть куда угодно, только не на демонов.

Дима тем временем переживал из-за тишины снаружи, а точнее пропавшего крика младенца, полного нестерпимой боли. Он напряженно размышлял, что стало с рожденным в Аду ребенком, жив он или нет, совершенно забыв про свою необъяснимую храбрость в недавнем диалоге с сатиром, зато это прекрасно помнил любознательный Такеши.

– Что значит, Ад освободил тебя, Дима-сан? – он высунул голову из-за Лкетинга, поднявшись на ноги за всеми узниками. – Почему ты так сказал? Разве не страшно было говорить с ними так... Смело, – азиат моргнул, полным любопытства взором, а мальчишка отвлекся от тяжелых мыслей о малыше.

– Я на Земле был всегда пьян и не мог понять, кем являюсь, зато в Аду... – парень задумался, отпустил руку от ноздрей и потер пальцы друг о дружку. – В чистом и трезвом теле понял, что все вбитое в мою голову на Земле – ложь. И это не безумие, ты и Лкетинг... – покрытый шрамами масаи кивнул, услышав свое имя. – Уже знаете это, а насчет смелости... – он вновь зажал ноздри, не желая вдыхать трюмную вонь, и наблюдая за «змеейкой» грешников, направляющихся к залитому светом выходу. – Бывает... – серо-голубые глаза на мгновение стали бессмысленными, словно внутри промелькнули нежеланные воспоминания. – Иногда я себя не контролирую, ты видел в Хароне... – он хмыкнул. – Так говорю, будто полжизни провел в Аду... Так было в Хароне... Хм... – он смешливо посмотрел на Такеши, но тот еще больше озадачился, не поняв, что смешного в том пройденном кошмарном месте. – Да и Лкетинг рассказал про моего зверя, которого необходимо контролировать... Ты сам знаешь Такеши! Зачем спрашиваешь? – юноша мельком, но внимательно

взглянул на японца и перевел взор на стонущих рабов, движущихся по залитому солнцем трюму.

– Просто... – замылся тот. – Просто ты очень грозно и уверенно выглядел, когда говорил это... – он моргнул, вытерев слезящиеся глаза и жадно втянул мерзкую вонь обеими ноздрями, отчего Дмитрия передернуло. – Будто никого не боишься. Словно здесь на отдыхе... – мальчишка в ответ сглотнул сухим горлом, не зная, как прокомментировать слова сублимированного азиата. – У меня до сих пор ощущение, что ты сейчас не настоящий, а настоящий тот, кем ты был в тот момент... – закончил скомканный монолог Такеши, но опустивший глаза Дима прекрасно его понял.

– Без комментариев Такеши... Но мне кажется, это и объясняет значения слова «Спящий»... – едва слышно пробормотал мальчишка и уже более громко продолжил. – Настоящие мы – внутри себя... Спим под толстым, теплым одеялом невежества, накинутым с самого детства, а его плотней подтыкают под бока, чтобы не дуло правдой, но иногда... Она прорывается и тогда: «Здравствуй психушка!», – прячущая нас от трусливого общества, боящегося увидеть реальный мир, ибо он чересчур сложен.

– Да, белый брат! Ты был настоящим Ди-ма! Сильный! Бесстрашный! – внезапно хлопнул его по плечу масаи, заставив вздрогнуть и увидеть, что еще чуть и придет их очередь идти за всхлипывающими рабами, подгоняемыми клыкастыми свиньями. – Внутри тебя очень большая сила! Лкетинг рассказывал! Ди-ма сильный и никого не боится! – туземец улыбался. – А Лкетинг всегда настоящий! Лкетинг никогда не обманывает!

– Лкетинга не учили носить маски и прятать чувства! Лкетинг не жил среди цивилизованных людей! – произвольно парировал Дима, пребывающий в растерянности из-за внезапного осознания почему «Спящих» так прозвали, но заметивший, какие злобные взгляды метнули на него сгорбленные узники.

– Маски? – удивился масаи. – Такие, как в охоте на страусов? Когда воин одевается в страуса и обманывает другого страуса, что он страус? – туземец уставился на него пронзительным взором.

– Ну да... Так и есть. Проще звучит – притворяться! – поправился парень на всякий случай, дабы избежать дальнейших долгих объяснений, а Такеши внимательно слушал.

– Лкетинг так и говорит! Как охота на страусов! Масаи надевает перья и идет на охоту! Страус думает, что масаи тоже страус и воин убивает его! Но масаи не страус! Масаи – человек! – белые зубы осветили помещение трюма и так яркое от рвущихся внутрь адских солнц.

– Точно! – кивнул Дима, а японец хлопал ресницами, так и не прокомментировав их диалог, где по сути нечего было добавить, да и наступила пора двигаться за грешниками, начало которых с воплями боли и падением на колени пропадало в слепящем свете, скрывающем шумную пристань.

Высокие парнокопытные воины, стоящие по бокам человеческой «змейки», всматривались в еле бредущих, ойкающих узников, ибо четвертая цепь являлась наиболее непредсказуемой, ежели так можно назвать непроходимые трусость и тупость истеричных рабов.

Слегка ржавое кольцо неустанно двигалось по разгоряченной шее, натирая мгновенно заживающие, все более прочные мозоли, а помаргивающий Дима передвигал босые ноги по раскаленному полу, полному мелких, слегка сбивающих жар щелей. Струящаяся из них вонь напоминала запах морга, размороженного в летний зной, уж лежавший в наркологии Дима нюхал, а материальность сиих миазмов щекотала ступни, разбавляя боль мигмом заживающих ожогов. Мальчишка никак не мог понять, как ЭТО нюхают другие рабы Ада, ибо сие невозможно сравнить ни с чем пройденным, в особенности после щедрого разбавления жуткой жарой Геены Огненной.

Сам же свет безумных солнц проклятого мира, до этого не прочувствованный троичей «Спящих» ныне крепко обнял их, словно хвастаясь злой силой, нарастающей по мере

приближения к выходу. Все больше разогревающийся Дима понимал, что снаружи будет совсем хреново, ибо уже в трюме его кожа боролась с усиленным раз в три июльским солнцем Крыма. Всей поверхности тела стало очень горячо, но пока терпимо, и как мальчишка думал – можно обойтись без воплей, а вот насчет запаха горелой кожи... Его пока не чувствовалось, но на открытом пространстве наверняка запахнет, ибо его бледный эпидермис немилосердно шелушился и слезил без какой-либо посторонней помощи, насыщаясь красным.

Субтильный Такеши, привыкший к лондонским туманам, сразу, мягко говоря, запищал из-за своей явно чувствующейся нелюбви к «чудесному» дню с солнцем, как пишется в одном стихе, правда в нем восхвалялся прекрасный мороз вместо здешней духовки на открытом воздухе.

«Ад он такой... В чем святые отцы правы, так в здешней жаре, зато не правы в слепой уверенности, что человек может вечно жариться и не умирать, чувствуя одну и ту же безумную боль... Они просто не в курсе искусственно-привитой, ускоренной адаптации к Геенне Огненной...», – обьятый лучами сумасшедших солнц юноша поднимался к выходу на «свежий» воздух, навстречу слепящему свету с красноватым оттенком, а каждый вошедший в него раб поочередно и с болезненным стоном сгибался.

В этот раз первопроходцем среди них стал несчастный Такеши, бесстрашно вступивший в ярчайший свет и пронзительно взывший, согнувшись, будто на него рухнула каменная плита. Однако японец был сильнее, чем казался, ибо с трудом распрямился в шелухе отваливающейся кожи и багровый, словно облитый кипятком, со стонами пошел дальше, исчезнув снаружи.

Дима, увидев сие действие, боязливо сглотнул пустым, пересохшим до боли ртом, но делать нечего, ведь подобный путь уготован каждому рабу Ада, где отказавшийся мгновенно получит заслуженные мучения. Поэтому пришлось двигаться за невозмутимо шагающим масаи, черная кожа которого почти не менялась, словно нынешняя температура была для него чем-то несущественным.

– Жарко! Сильней, чем в Африке! Намного сильней! – громко проговорил Лкетинг, вступая в «дарующий» временное ослепление свет и на него напряженно покосился нежащийся на «солнышке» сатир сбоку, Дима же промолчал, глядя, как несгибаемый туземец склонил голову, отчетливо заскрипел зубами и...

Как ни в чем не бывало, двинулся вперед, исчезнув за стеной адского света, зато следующий шаг ведомого им Дмитрия погрузил тело того в ЧУДОВИЩНУЮ И НЕОПИСУЕМУЮ жару, изрыгаемую двумя солнцами кровожадного Ада. Ощущаемое юношей в данный момент походило на вылитое сверху ведро почти кипятка, а «почти» потому, что до температуры, от которой кожа сползает полностью, не хватало градусов пять, если конечно нестерпимо горящему в огне парню не показалось.

Мальчишка громко застонал и согнулся от кошмарной боли, клятвенно твердящей, что поверхность тела в сию секунду сгорает в адском огне, плюс он реально ощутил запах собственной, сгорающей кожи. Вторым минусом выхода в свет оказалась полная слепота и чудовищная резь в глазах, поэтому он передвигался на удачу, совсем не чувствуя напрочь сожженные ноги и ведомый Лкетингом с Такеши. Те же в свою очередь контролировались другими узниками спереди, а вот кто тянул самих воющих людей, оставалось загадкой, пока сквозь многоголосый гомон пристани не стал различим голос болтливой сатиры, чьи напарники вроде бы цокали сзади.

– Проходи слепота! Следующий! Давай незрячий! Вперед, скотина! Давай! Еще один! Не торопись, животное! Вперед! Вперед! – по костлявой заднице Дмитрия хлопнула жирная ладошка, и слепой мальчишка понял, отчего громогласно визжали девчонки, сам же он

отпустил сжатые ноздри, вдохнув горячего кислорода, обжегшего легкие не хуже крепкой сигареты.

«Во девки дают... И здесь невинность берегут, чокнутые бабоньки... Что значит воспитание... До свадьбы ни-ни... Интересно они этого сатиру не говорили?», – как он ни старался, но даже со слепыми глазами его губы растянула своевольная улыбка, что не осталось незамеченным.

– Ты чего улыбаешься, «Спящий»?! Свихнулся в конце столь долгого пути?! Голову напекло?! Или страх растерял по дороге?! А?! – Дима каким-то образом почувствовал физическую угрозу, и спину с правой стороны рассекло острой болью, что продолжалось не более секунды.

– Б..ять! – непроизвольно выругался больше испугавшийся, чем от боли парень, мечтающий видеть хоть что-нибудь и сам того не желая с силой дернулся в сторону, потянув за собой масаи и естественно Такеши, однако...

Рядом почувствовалась новая и одновременно старая вонь, но не успел парень вспомнить, где она была раньше, как раздался грозный рык, конечно же, Варгха! Огромного кровожадного монстра, обожающего бить беспомощных узников, а сам Дмитрий наткнулся на что-то острое, проткнувшее бок, вследствие чего раздался еще более грозный рык над его сухой, как песок Сахары головой и вскрикнувший уже от боли парень понял, кого все-таки огорчил, напоровшись на длинный шип!

«Не-не-не!! Только не в него! Он же меня сожрет, как бесплатный шашлык!», – только и успели мелькнуть испуганные мысли, а Дима уже соскочил с принадлежащей Варгху иглы и прыгнул в сторону, вновь потянув за собой таких же слепых масаи с азиатом, но...

Его бессмысленное, сумбурное движение прекратилось из-за чего-то попавшегося под ноги, скорее всего умелой подножки свинозадного черта и юноша неуклюже рухнул на разогретую, как сковородка, каменную поверхность, – тело уже чувствовало окружающую среду – кольцо же на шее впилося в кадык, перехватив дыхание на полпути.

– Твою мать! – слепой, обжегшийся новой кожей парень вскочил, но продолжить беспорядочную беготню не смог, будучи схваченным за плечо чем-то сильным и непоколебимым, судя по ощущениям —грубой ладонью одного из чертей, отвечающих за тишину среди человеческих рабов. – Как же горячо... – успел пробормотать ничего невидящий мальчишка и заткнуться, дабы услышать издевательский хохот сатиров и недовольный, удаляющийся рык Варгха.

– Молодец «Спящий»! Ха-ха-ха! Повеселил! Такого здесь давно никто не видел! – однако всеобщее веселье прервалось гавкающим голосом Джумоука, не в первый раз спасающего юношу от издевательств.

– Хватит! Как я вижу, все животные вышли наружу! Пора выдвигаться! И следите за скотом, чтобы от жары никто не свихнулся! – собакоголовый закончил, величаво уцокав в начало цепей, а обидевшийся на «животных» Дима, никак не мог разлепить жутко болящие глаза, с трудом видя темный силуэт масаи, находящегося перед ним,

«Куда идти? Он чокнулся, этот собакоголовый дурень? Ничего же не видно! Наверное, роговицу сожгло местными солнцами... Охренеть погодка... И долго теперь глаза восстанавливаться будут? Блин! Как я странно думать начал... Так привычно размышляю насчет восстановления глаз...», – он слышал многоголосый шум проходящих мимо, наверняка рогатых жителей Рынка, рык Варгха, гнусавые голоса верещащих что есть сил сатиров и стоны узников, борющихся с жарой Ада с помощью молитв.

– Обходи! Обходи я сказал! Не трогать скотину! Проходи сбоку! Не касаться животных! В стороны, в стороны! Глухие, что ли?! – вопли свиномордых демонов разгоняли здешний «люод», сопровождаясь периодическим ревом Варгха, будто поддакивающего крикам злобных поросят. – Не пугайте скотину! Купите, тогда трогайте!! Не трогать я сказал!! В сторону,

в сторону! – цокающие рядом бесстрастные черти в кои-то веки шумно задышали, видимо безумная жара заставляла в полную силу работать легкие и потовые железы идеальных солдат Ада.

Два светила Геенны Огненной и правда являлись дикими, не знающими меры в насыщении человеческой кожей. Бросались на стонущих земных грешников подобно бешеным псам, и ни капельки не жалея, кусали, словно грабителей, вломившихся на охраняемую территорию. Лучи адских солнц казалось насквозь прожигали людскую кожу, и вокруг действительно пахло горелым мясом, причем от каждого узника по чуть-чуть, но объединенная вонь напоминала все того же бабкиного поросенка, обрабатываемого горелкой и еще... Пронзительного голоса малыша Лизы не слышалось, лишь болезненные стоны бредущих параллельно женщин, а что происходило с молодой матерью и ее кровиночкой – неизвестно, ибо зрение подводило, как никогда.

Регенеративный орган работал на пределе возможностей, и с трудом дышащий раскаленным воздухом Дима чувствовал, как худеет на глазах, вследствие изымаемых у организма теоретически лишних клеток.

«Этак она меня всего сожрет и не поперхнет, капельница эта... Кто ее знает, какие для нее нужные, а какие ненужные клетки...», – он потихоньку различал все больше размытых силуэтов вокруг, видимо глаза восстанавливались и адаптировались к окружающей среде, содержащей в себе больше света, чем юноша видел за недолгую жизнь на Земле.

Он любопытства ради поводит горячий рукой по впалому животу и перевел тактильные ощущения в подробные картинки путем развитой фантазии, уж зачатки этой способности есть в каждом человеке и... Судя по представленному, подкожного жирка совсем не осталось – кожа да кости. Чувство голода также отсутствовало, а вот пить хотелось, как никогда и больше, чем в «гостях» у Низама.

– Двинулись, животные! – раздался гнусавый вопль и накалившаяся цепь дернулась, а исхудающий Дима смиренно поплелся в неизвестном направлении, мысленно распрощавшись с вонью склизкого трюма и отплев бледную кожу.

«И кто там впереди? Наверное, Варгх со свиньями... Никогда бы не подумал, что рога-тые поросята будут указывать мне путь... Путь в никуда... Точнее в неизвестность...», – мальчишка не мог понять, куда и где идет, однако четко ощущал отличную дорогу под босыми ступнями, крепостью походящими на копыта, а ведь прошло совсем немного времени. «Вот так и приживаются в Аду... Сначала ноги стаптываешь и мозоли становятся крепче камня... Потом разбиваешь морду, дабы нос сплюснулся и вуаля! Прямоходящая свинья высокого роста!», – он шмыгнул горячим носом, не понимая, как реагировать на странное чувство юмора, так и льющееся изнутри.

– Лкетинг! – он дотронулся почему-то кажущейся коричневой рукой по уже четче различаемой спине масаи. – Ты что-нибудь видишь? Где мы идем? Куда?

– Вижу! Лкетинг хорошо видит! – тут же ответил негр, даже не задумываясь.

– А как ты видишь? – задал глупый вопрос Дима, но что получил элементарный ответ туземца.

– Глазами Ди-ма! Глазами! Белый брат болен?! – искренне поинтересовался воин-масаи и его силуэт дернулся, видимо негр хотел повернуться к парню, на что тот пробормотал:

– Нет Лкетинг... Дима не болен... – мальчишка на один разочек украл манеру говорить, как простой африканский воин. – До сих пор не могу привыкнуть к яркому свету! Ничего не вижу!

– Скоро привыкнешь, Ди-ма! Тут красиво! Небо почти белое, но не белое! – юноша озадаченно вздохнул, чего никто не услышал из-за жирных сатиров, истерично вереща-

щих: «Разойдись». – Два солнца! Одно красное! Лкетинг никогда таких не видел! – туземец искренне восхищался видами раскаленного Ада, но тут в разговор влез Такеши.

– А я вот тоже ничего не вижу! – будто похвастался непривычно спокойный азиат. – Все так ярко! И кто вообще нас ведет? Я понимаю, что демоны, но не спросить об этом как-то неправильно... – Дима внутренне согласился, ибо в жизни частенько спрашивал разную ерунду, ответы на которую знал, но это давало возможность поболтать.

– Большой демон с волшебной плеткой! – ответил покрытый множественными шрамами масаи.

«Действительно... Варгх же вперед ушел... Я на его шип наткнулся, а потом рык удалился... Вот блин! Уже забыл, что проткнул бок... Да уж... Быстро к хорошему привыкаешь... Эта капельница прямо чудо из чудес... Получается, что раньше это вонючее чудовище тормозило рабов, держа все четыре цепи для контроля, а сейчас наоборот направляет, пока все слепые, как новорожденные котятка... Погладить бы какого-нибудь... Такой маленький... Хорошенький... Чего только в голову не придет... Хм... А еще бы посмотреть по сторонам... Ни хрена не видно, один свет, да смутно-видимые очертания... И кстати надо Лизу окликнуть, а то потерялась девка... Главное не получить за спрос «пряников»...», – как бы пессимистично и сумбурно парень не размышлял, но видел он на порядок четче и сейчас с обеих сторон проплывали большие темно-серые коробки, наверно здания, а еще неисчислимое множество силуэтов безмолвно галдящих местных жителей, снующих по городу Рынку.

– Лиза! Лиза! Тс-с! Пс-с! – расхрабренный за последнее время Дима произнес имя грудастой девушки, с холодком помня об идущих параллельно, охраняющих человеческий скот чертях и сатирах.

– Дима?! Ты рядом?! – голос молодой матери не слишком хорошо различался, но на безрыбье и рак – рыба. – А я все думаю, куда ты пропал! – голос девчонки излучал не слишком много радости.

– Кто же еще! – не обратил на это внимания обрадовавшийся парень, мельком подумав, отчего молчат свиномордые карлики сзади. – Куда мне деваться?! Нас троих берегут, как золотую рыбку! – он непроизвольно сжался, боясь получить затрецину, лечащую тяжелую манию величия, но сатиры пребывали в благодушном настроении и лишь смешливо хрюкнули, где один из них не забыл, однако чиркнуть зазубренным клинком по камню дороги. – А ты как? Живая? Как ребенок? – юноша на мгновение запнулся, ибо не знал, чего ожидать. – Чего молчит? Раньше орал, как оглашенный! – какое-то время ответом являлась тишина, которая спустя несколько секунд преобразовалась в наполненные болью слова.

– Я когда вышла на этот ужасный яркий свет, он жутко закричал, ты слышал, наверное... – девушка на мгновение замолчала. – А потом затих... Совсем... – раздался всхлип, едва слышимый сквозь гвалт Рынка и множественное цоканье копыт, а черствый парень похолодел. – Я тогда поняла, что на нем кожа стала сгорать, но ничего не видела, так как глаза, наверное, сожгло и хорошо... – она всхлипнула, но уже громче. – Чувствовала, как от него паленым м-м-мясом пахнет, а он больше не кричал, только дышал... Тяжело очень... Громче, чем демон этот громадный... – ее голос дрожал и рвался от плещущейся внутри боли. – Я сама от мучений почти не соображала, вся горела, думала, наконец-то умираю, увижусь с мамой, и еще его очень жалко было... Моего мальчика... Сама идти уже не могла, не понимала куда, просто ноги передвигала, и кто меня тащил, не знаю... – Лиза замолчала, шумно шмыгая носом, а у Дмитрия в горле стоял горячий ком. – Сама не понимаю, как малыша моего любимого держала... Сил совсем не было, только боль... Много боли... Ничего кроме боли... – девчонка говорила короткими паузами и помертвевшим голосом. – А потом он задышал еще тяжелей, захрипел, мне же наоборот полегчало и я решила проверить, что с ним... Коснулась мальчика моего и испачкалась... – она всхлипнула, Дима же проклинал собственное любопытство. – У меня оказывается вся левая рука была в его сго-

ревшей коже... И крови... С-с-сукровице... – девчонка заикнулась. – Он весь истекал ею... Весь обгорел... И дышал... Тяжело-тяжело... Умирал... – она громко всхлипнула, не переставая идти, а у соперничающего ей юноши скатилась произвольная слеза, он еще бессердечно подумал, откуда в теле лишняя влага, однако такова была его натура. – Но потом... Его кожа... Он стал покрываться новой, другой... Такой э-э-э... Более грубой, вот! – Лиза сказала эту фразу, как про расчудеснейшее волшебство. – Я как раз боль перестала чувствовать и глаза слегка видели! Сейчас мне просто жарко! Так вот, – Лиза нервничала и сбилась на другую тему. – Он очнулся через пару минут! – в голосе девушки чувствовалась искренняя радость. – И вроде заплакать хотел, но потом есть начал, да так жадно! Сам за грудь схватился... – у юноши, как всегда мелькнула похабная мысль, но он задавил ее в зародыше. – И я обрадовалась! Сейчас вот иду, а он все грудь сосет... Даже не укакался... Жрет, как маленький поросенок! – молодая счастливая мать сто процентов улыбалась, а заслушавшийся адскими страстями Дима внезапно понял, что ему жарко, но не больно, а серо-голубые глаза почти вернули былую остроту.

Он пусть нечетко, но видел загоревшее лицо действительно улыбающейся Лизы с выгоревшими от безумных солнц волосами, блестящим коричневым телом и такого же цвета ребенком, привычно сосущим красивую тяжелую грудь, на которой взгляд задержался дольше.

– А ты все не меняешься! – грустно улыбнулась девчонка, позвякивая при ходьбе цепью. – Кобель!

– Ничего не могу с собой поделать! – Дима без сожаления дернул плечами, осторожно взглянув на цокающего рядом здоровенного черта, шерстинки которого четко виднелись и сильно блестели. – В этом все мужики! Если убрать из человека чувства, то он станет призраком в материальном теле. Какой в этом смысл? Подавление инстинктов необходимо, но в разумных пределах! Люди – особые животные!

– Кто ты такой, Дим? – без какого-либо предисловия внезапно спросила девушка, аккуратно поправив своего маленького негртенка. – Кто? Почему они... – она обвела лицом звероподобных чертей, верещащих сатиров и проходящих мимо жителей Рынка, косящихся на человеческий скот. – Не называют тебя с друзьями... – Лкетинг с Такеши одновременно вывернули шеи, вежливо кивнув милой даме с отличными сиськами. – Животными? Хотя... – Лиза едва заметно усмехнулась, словно желая что-то добавить. – Ну да ладно! – не стала заканчивать она новую мысль, заставившую засмущаться юношу, чей половой орган пребывал в беспамятстве от чудовищной жары. – Я помню то, что ты рассказывал, но неужели все так серьезно? Ты действительно так ненавидишь людей? Но, как тогда спасешь их, если не любишь?! Как можно помогать кому-либо, не чувствуя жалости?! – ее карие глаза пронзительно смотрели на него через безмолвных правоверных, превратившихся в совсем черных и теперь точно не боящихся жары.

Худой, как палка мальчишка нахмурился и опустил серо-голубые глаза, не желая разговаривать на эту тему, монотонно двигаясь за Такеши и Лкетингом. Четыре вереницы «мычащего» человеческого скота шли вдоль залитого ярчайшим и красноватым солнечным светом адского побережья, заставленного множеством судов различных форм и размеров, по прекрасно уложенной мостовой, широкой и чистой. Плиты были гладкими, идеально подогнанными друг к другу и дышали древностью. Не щадящее ничего и никого время подарило им сети маленьких трещин, совершенно не портящих здоровенные глыбы, вызывающие ассоциации с тем же древним Египтом...

Все в Аду было крупное, даже неподъемное, как и большая часть наследия предков, когда-либо найденного на Земле... Кто он эти предки? Кем были? Как выглядели? Какими механизмами и знаниями обладали? И почему люди при всем нынешнем техническом совер-

шенстве до сих пор не могут повторить их огромнейшие творения? Ответов нет, однако человечеству плавать, ведь оно венец творения Божий, которому незачем думать, ибо требуется потреблять!

Само побережье было грязным и узким, состоящим из крупной разноцветной и острой гальки, а бескрайняя, шелестящая волнами Река Мертвых сильно блестела из-за двух солнц, располагающихся по разные стороны света. Одно было белое-пребелое и крупное – крупней земного, а второе меньше, примерно с Луну и тускло-красное, что создавало непривычную игру света и дарило всему по две тени.

Две тени было у любого, живое это существо или предмет – без разницы, то бишь у демонов, кораблей, уродливых зданий, человеческих рабов... А еще оба солнца стояли высоко, а тени были длинные, плюс указывали в противоположные стороны, то есть...

«Если не говорить «противоположные стороны», то сейчас в Аду вечер, а значит прохладно... Расслабляюще прохладно... Все выходят наружу отдохнуть от дневной жары... Вот оно как... Отдыхаем значит...», – у чуть не сгоревшего Дмитрия в животе запорхали перепуганные бабочки, настолько там повеяло холодом от переживаний за завтрашний день. «Хотя с другой стороны, чего я сразу равняюсь на Землю? Может тут наоборот... Вечером жарко, а днем холодно... Два солнца, все дела... Они по особому крутятся, вертятся, гравитация, приливы, отливы, шмаливы, чик-чирик, тыщ-пыдыдщ и тому подобное... Чего я распереживался? Ха-ха-ха! Дурак-дураком!», – парень нутром чувствовал, что сам себя обманывает, но легче стало и оно того стоило, ибо он с чистой совестью продолжил любопытствовать.

Все вокруг: дома, корабли, рогатый люд, черти, набережная – отдавали почти не бросающейся в глаза краснотой, и Дима подумал, что привыкнув, вообще перестанешь замечать данный оттенок, а еще можно смотреть на это, как неотъемлемую часть проклятого мира, и тогда совсем не возникает вопросов, ибо...

Аду очень шел такой оттенок. Это был его оттенок и без него видимый сейчас Ад стал бы другим Адом. Эта легкая и небрежная багровость в почти каждой молекуле проклятого мира, насыщенного человеческими страданиями и пренебрежениям к людским жизням требовалась Геенне Огненной, как красивые ногти каждой девушке, дабы подчеркнуть утонченные кисти. А если кто-то спросит, почему «почти в каждой молекуле», а не в каждой молекуле, то достаточно взглянуть ввысь.

Небо Ада было ярким и бесцветным, точнее белым, как сказал Лкетинг, и на нем отсутствовала какая-либо крылатая живность. Ни облачка, ни пташки... Оно было пустым, кроме того его участка, где правил красный карлик, заливающий свою часть небес так идущим Аду оттенком. Дима еще подумал, что если убрать окружающий мир, оставив только небеса, то Геенна Огненная будет мертва. Давно мертва и возможно так оно и есть, ибо в ней отсутствовала духовность, чтобы там не говорили черти о своих извечных поисках Творцов. Рогатые давно никого не ищут, превратившись в скотоводов, фермеров и зоофилов, ежели взглядеться в их нынешнее поведение. Адом правят деньги с похотью, также, как и Землей, а вот какой мир первый пошел этим путем, уже отдельный вопрос.

Выжегший глаза ярчайший свет совсем не ощущался и скажи Диме, что видимое им недавно лишило его зрения, он бы заплевал наглого болтуна насмерть. Все было просто красноватым, и пусть очень светлым, но по яркости вполне терпимым, видимо сгоревшие глаза адаптировались к Аду, благоразумно вырастив новые светофильтры... Так думал мальчишка, а как на самом деле... Наверное никто, кроме самих чертей не знает, да и то тех, что поумней, остальные же, наверняка копии землян, желающих в ЕС и кружевнее трусики.

А еще тело... Его новое, видоизменившееся тело. Как только Дима увидел коричневую Лизу с идентичным малышом, то сразу же решил рассмотреть себя, но забылся и вспомнил

лишь сейчас. Его ноги, руки, живот, грудь, все было темно-коричневого цвета. Кожа приятно и сильно отблескивала, пыша недюжинным здоровьем и отталкивая солидную часть безумного света, пытающегося сожрать свежее мясо, привезенное на Рынок Ада. Короче впечатлений – море, и если бы не цепи на шеях, рогатые по бокам, рогатые на грязной набережной, рогатые из окон уродливых, раскаленных домов, то жизнь казалась бы прекрасной.

Дмитрий тяжело вздохнул, уставившись в мускулистую спину масаи и видя худые ноги коричневого японца, ошалело крутящего лохматой головой, цвет волос которой оставался неизменно черным и не поддающимся безумным солнцам. Любопытство Такеши было понятно, ведь вокруг столько нового, чудесного и пугающего грядущими ужасами, что хотелось насмотреться на две жизни вперед, а потом закрыть глаза и уснуть, дабы не участвовать в продолжение «банкета».

Четыре унылые, почти чернокожие человеческие вереницы так и шли по набережной или пристани – непонятно, как на деле она называется – где стояли на приколе редующие суда, среди которых отсутствовали ржавые гробоподобные посудины, подобные доставившей людской скот на Рынок, однако это ничего не меняло. Все корабли, мимо которых проходили изнеможенные Адом рабы были хоть и вполне чистыми, но не сказать, что красивыми. Множество форм, от простых до изысканно сложных, но ужасно негармоничных, пестрили перед напуганными глазами, отвлекая от пребывания в ужасной Геенне Огненной. А еще все, как одно плавательные средства, порожденные фантазией рогатых конструкторов, исполнялись из красноватого металла, коим так богат Ад, а по их палубам расхаживали ярко одетые черти, как ни странно с козлиными, бараными и кабаньими головами.

«Правильно я подумал, что нет никакой связи между божествами древних египтян и местными жителями... Если в Хароне они бедные, то это не значит, что здесь будут такими же...», – перед серо-голубыми глазами Димы промелькнул возвышающееся над другими судно, на палубе которого стоял крупный ящер без одежды и вторичных половых признаков, даже не повернувший водянистых глаз на ведомых по пристани рабов. «Интересно... А у Джумоука есть яхта? Наверное, да... Почему бы и нет? Он богатый, работающий, не на этом же ржавом корыте ему плавать... Иногда отпуск берет и тискает в каюте молодых козочек или дорогих ящериц... Натягивает втихую рогатых и чешуйчатых красоток...», – его размышления прервал голос Лизы.

– Ты ответишь мне Дим? Что такого в моем вопросе? – только пережившая кошмар девушка вопросительно смотрела на него, ее же коричневый ребенок чавкал наливной сиськой, не обращая внимания на лучи сумасшедших солнц, как и исхудающий юноша, чувствующий просто жар на коже.

– Да! – он ответил ей спокойным взглядом, но в груди стало горячее. – Я не люблю людей! Не всех конечно, но подавляющее большинство! Если ты назовешь хоть одну причину, за что их любить, то возможно я соглашусь, но разве ты не видишь, как они себя ведут? – он высказал личное мнение, переживая, лишь о том, чтобы в разговор не встряли жирные и беспрерывно орущие сатиры.

– Разойдись! Посторонись! Не трогай рабов! Кому сказал отойти! В стороны! В стороны! – крики толстожопых карликов с зазубренными клинками разносились по всей набережной, залитой безумными солнцами и заполненной разномастным адским людом. – Не трогай рабов! Убрали лапы! Сначала купи, потом щупай! – гнусавые вопли разбавлялись громогласным ревом Варгха, напарник которого орал за двоих, но даже не охрип, ибо перед ним величаво цокал Джумоук, любящий активных помощников, а не бездельников. – Разойдись! Разойдись! В стороны! Дорогу, господину Джумоуку! Дорогу! – распинался вдалеке гнусавый демон, чем-то походивший на преданного пса.

– Ну, здесь-то понятно... – шмыгнула шелушащимся носом девушка. – Но ведь ты и на Земле их не любил, еще до смерти... Как ты вообще жил среди людей? Вот я, напри-

мер, только здесь... – она сглотнула. – В Аду могу тебя понять, но до смерти не обращала на это внимания. Были у меня подружки, которые нравились, были, которых недолюбливала, но считала подружками. Были хорошие парни, были плохие, но я всегда считала, что они и должны быть разными! Это же люди! А ты получается всегда жил отдельно от человеческого общества... Каково это жить, не чувствуя себя частью социума? – она моргнула карими глазами, метнув взгляд на безмолвно-орущих, брызжущих слюнями демонов.

– Нормально! – грубо ответил напрягшийся парень, не любящий, когда лезут в душу, и успевающий разглядывать мелькающих сплошь и рядом местных жителей с огромными рогами, видимо от хорошего питания. – Я когда бухал, всегда являлся частью социума, а пил я круглосуточно! Сами поиски выпивки заставляли меня быть частью общества, так как приходилось общаться с людьми! Например, стрелять мелочь в особо трудные времена, каким бы это позором не казалось! Зато, когда жил трезво, видел мир совершенно иначе! Никому не пожелаю такого видения! – сатир позади резко заткнулся, натужно закашлявшись, и зло ткнул Диму кончиком мачете в спину, видимо от раздражения, по-другому никак.

– Потихе там! Кха! Кха! Кха! – свин захлебывался надрывным кашлем, сбивая размеренное цоканье и вопли не умолкающего собрата. – Разговорился на повышенных тонах! Кха! Кха! Кха! Отличная... Кха! Задница! Кха! – похотливый поросенок не забывал оглядывать ягодицы Лизы, совершенно не смущавшейся этого. – Скоро придем, там и поговорите! Кха! – раздался самый сильный отголосок кашля, и в спину парня с силой стукнулось что-то мокрое, наверное, сатир выкашлял попавшую в пасть гадость, может адскую муху, но Дима промолчал, не комментируя сие непотребство, по крайней мере, вслух.

«Проклятый карлик, чтоб ему пусто было... Насмерть бы подавился... Но с другой стороны даже повезло... Не очень-то я хотел объяснить, как видел мир...», – прервавший их диалог свин вновь раскрыл клыкастый рот, заполнив раскаленный воздух Ада гнусавыми воплями, перемешанными с вонью из луженой глотки, Дима же облегчено разглядывал местные достопримечательности, как и Лкетинг с Такеши.

Противоположная побережью сторона города состояла из уродливо исполненных домов, сильно напоминающих, да что там напоминающих... Копирующих унылые жилища тусклого Харона! Словно выпиленные из цельного куска огромного камня дома были темными, серыми и с прорубленными в понравившихся местах окнами. Если Рынок и считался в Аду авторитетным местом, то его отличие от Харона состояло в наличии трех и четырех этажах в домах, походящих на гробницы. И все. В остальном это место еще больше вгоняло в тоску, ибо от живущих здесь невозможно ожидать жалости.

Валяющийся всюду мусор, бесконечный шум прибывающих кораблей, болезненные вопли людей и блеющий гам разномастных рогатых – это не добавляло цены портовой недвижимости, но здешние обитатели, будто наслаждались сей какофонией, поэтому жили именно тут. В общем, картина Рынка – злобного кусочка Ада, по которому уныло двигались грешники, выглядела, как оглаживаемое Рекой Мертвых красноватое побережье, залитое лучами двух сумасшедших солнц и насыщенное легкой вонью отбросов, «скрашиваемых» бесконечно тянущимися, уродливыми зданиями.

Однако самое интересное – это удивительный и высокотехнологичный метод строительства, так и кричащий о монолитности чертовых жилищ, отчего Дима засомневался, что рогатые лично занимались возведением сиих монументов с безграмотно прорубленными дырами под двери и окна. У него создалось ощущение, что черти и правда пришли на готовое, как говорил Анатон. Появились в мире, полном бесформенных каменных коробок, будто в игре, где сказано: «Развивайся и побеждай!», – вот они и развились. Понаделали дырок и хорош... Если, конечно у них нет поражающей воображение, высокотехнологичной столицы, где обитает сам великий Сатана, однако пока раскрывающийся Ад был уродлив, как и все его обитатели.

Идущие в противоположной стороне от обнаженных грешников жители и гости Рынка выглядели сытыми и довольными жизнью. Все встречающиеся по пути рогатые вполне нормально одевались, пусть не в такие блестящие одежды, как у Джумоука и состоятельных демонов, гуляющих по корабельным палубам, но достаточно симпатичные, без прорех на задницах, что явно бросалось в глаза в нищем Хароне. Много чертей одевалось подобно звероподобным козлоногим, сопровождающих рабов, то бишь в кожаные юбки по вогнутое внутрь колено, причем некоторые с татуировками... Да-да! С татуировками, причем не на колене! Дима не один заметил этот жуткий нюанс, породивший немало человеческих всхлипов и воплей, прервавшихся сильными ударами чертовых кулаков, что слышалось сквозь вопли свиномордых карликов.

Кроме куда-то стремящихся рогатых, мимо проходили богато ряженные, наверняка важные персоны с огромными блестящими рогами и золотыми узорчатыми копытами, чей покой охранялся четырьмя-восемью вооруженными чертями в виде козлов и баранов вперемешку. Одежда телохранителей повторяла все те же кожаные юбки, а вооружение состояло из изогнутых сабель за короткошерстными спинами, что говорило о порядке на Рынке, да и вообще эти козлоногие расслабленно выглядели, не то, что сжатый в пружину отряд сопровождения рабов.

Пару раз мимо проплелись несколько верениц сторбленных узников, погоняемых жирными сатирами и чертями, а одну они обогнали сами, но там едва шаркали несчастные старики и старухи со слезящимися, пустыми взглядами, отчего сердце Дмитрия пронзила жалость.

«Блин! Лучше бы они визжали и кричали: «Долой Сатану! Да здравствует революция!», – тогда бы я их ненавидел, но когда жалкие, побитые... С не оправдавшимися надеждами о счастливой загробной жизни... Аж сердце кровью обливается...», – парень облегчено вздохнул, когда они прошли ряды едва звенящих цепями пожилых людей, ни на что не обращающих внимания.

– Лкетинг! – не успел масаи обернуться, как спину Дмитрия пронзило ощутимая боль, и он подпрыгнул, зазвенев раскаленной цепью. – Бл..ть! – мальчишка непроизвольно обернулся и само собой увидел скалящегося сатира, ранее посадившего ему на спину соплю.

– Я. Сказал. Тебе. Молчать! – прервавший свои вопли свин ловко крутанул тусклым клинком, красиво бликнувшим в лучах двух разных солнц. – Умерь пыл!! Понятно «Спящий»?!! – люто рявкнул он, а похолодевший Дима заткнулся, забыв, зачем окликал туземца, однако метнул мимолетный взор на сочувствующе смотревшую Лизу.

«Шоколадка, ей богу... Как перегревшаяся в солярии гламурная блондинка... Волосы белые, кожа коричневая, одни глаза блестят, да зубы... Хотя сам-то...», – юноша бросил сероголубой взор на свои коричневые руки с полностью выгоревшими волосинками и почесал лохматую голову.

Волосы на ней были сухими и жесткими, но это понятно. В такой сумасшедшей жары с полным отсутствием влажности высохнет все, что угодно, не только волосы, но не он успел додумать, как далекое начало четырех цепей резко повернуло, словно разогнавшийся Варгх напился, и его повело в сторону, однако уродливый монстр быстро выровнялся, четко зная свою работу. Сторбленные рабы профессионально заплыли в поворот, ведущий внутрь небольшого города Рынка и почти смешавшись с парнокопытными жителями, пошли по грязной улочке меж таких же, как и раньше уродливых домов с торчащими из окон, скучающими рогатыми мордами.

Улочка, как случайно назвал ее Дима, на деле являлась широкой улицей, где могли легко разойтись три их рабские колонны, а звонко-цокающих жителей Рынка стало на порядок больше, и все они направлялись в одну сторону, скорее всего за покупками, при мысли о которых в желудок упал огромный кусок сухого льда. С будущими рогатыми покупателями

шли их детки – маленькие козлики, баранчики и кабанчики с любопытством рассматривающие коричневого цвета сутулых узников, с выжженными волосами, среди которых естественно присутствовали и лысые.

«Почему здешние черти, кем бы ни были, все темные, а не белые? Именно серые, коричневые, черные, но никак не светлые... Ведь белое лучше отталкивает солнечный свет...», – прямоугольные дома по обе стороны идеально-выложенной, определенно не ленивыми чертями дороги, были одинаковыми, как доски в заборе и отличались лишь размерами и этажностью.

Во всем остальном даже торчащие из проплывающих окон рогатые морды повторяли друг дружку, словно их чем-то провинившихся владельцев клонировали и навеки привязали к грустным и некрасивым зданиям, как наказание за мелкие грешки.

Глядя на происходящее, не верилось, что этим миром пугают людей. Ну, невозможно представить апатичных рогатых демонов злобными созданиями, насаживающими на вилы бедных грешников, а ведь, скорее всего скучающий в окне черт с проплешиной на вытянутой морде, недавно пришел с тяжелых трудовых суток... Небось занимается воющей человеческой свежатиной на заводе по производству консервов, где отрезает сладкую мякоть с задниц, дабы некто ему подобный продавал изделия их предприятия, торгуясь, подобно коренному одесситу.

А так, уныло-плетущийся по расширяющемуся Рынку человеческий скот мало кого интересовал, ведь подобное происходило сплошь и рядом, хотя и здесь не обходилось без рогатых, оценивающе оглядывающих узников, однако их не трогающих, видимо сатиры и рогатая охрана могли без разговора насадить на клинок, как-никак чужая собственность.

«Да уж... Я вещь, принадлежащая разумному псу, сжигающему людей на раз-два... Дожили... Ладно хоть ценная...», – Дима пошевелил ноздрями, проверяя все ли нормально с чувствительностью разгоряченного лица, так как оно онемело от безумной жары.

Широкая спина Лкетинга с перекатывающимися на ней сухими мышцами немного успокаивала и если долго на нее смотреть, то на секунды забывалось пребывание в проклятом месте, нагретом, словно сковородка с жарящимися котлетами. Так размышлял пошатающийся Дима, заливнув взглядом на покрытом шрамами воине-масаи, чернокожий торс которого покачивался перед глазами, а кольцо на шее отбрасывало едва видимые блики из-за легкой коррозии, не дающей шансов гордому блеску. Сзади, сбоку, короче вокруг, четко слышалось цоканье копыт, звонко отражающееся от гладких плит под бесчувственными ступнями грешников, а по ушам били гнусавые вопли демонов-карликов, разгоняющих и так держащийся в стороне рогатый «люди». Мелькающие же снизу мускулистые икры выносившего Лкетинга легко двигались по разогретым плитам и безмолвный туземец словно не чувствовал жизненных невзгод, отлично гармонируя с Адом.

Дмитрий перевел усталый взор на совсем исхудавшего Такеши, сноровисто семенящего короткими и грязными ногами, не забывая вертеть густоволосой головой в разные стороны. Взгляд азиата был полон боязливости, однако любопытство являлось чересчур сильным, дабы удержаться от него, поэтому Такеши безостановочно крутил шеей, чем выделялся из массы смиренных узников. Эти несчастные с понурыми спинами и испуганными, прыгающими из стороны в сторону глазками, крестили слюнявые чела и шептали, наверное, молитвы, вхолостую разлетающиеся по хохочущему Аду.

Зато радовали взор добровольно вышедшие в цепи мусульмане, женщины и многие другие участники группового похода на третьей и второй цепях. Дима редко обращал на них внимание, ибо они его не привлекали в отличие от истеричных обладателей пятого тавро, прикованных к четвертой цепи и непредсказуемых, как самка игуаны в брачный период.

Мальчишке было дико интересно по каким причинам добровольцы приняли такое решение... Как размышляли? Что толкнуло вперед, навстречу кошмару? Подражание самым

первым храбрецам или внутренняя искра? Дмитрия это реально мучило, ибо он был любопытен, а природа сильных людей притягивает необъяснимой загадочностью иначе работающего разума.

Эти идущие параллельно грешники без каких-либо проблем выполняли приказы адских отродий и не выделялись, но каждый из них делал это по каким-то своим причинам. Кто-то от большого ума, кто-то ввиду неизбежности происходящего, а кто-то втайне мечтая сбежать, а еще мучил вопрос, отчего мусульмане так безэмоционально относились к размахивающим клинками свиньям, приказывающим им? Что должны натворить истинные правоверные, дабы подчиниться грязным животным? Жаль не осталось буддистов с их неприятием зла... От этих бы вообще не исходило эмоций... Выполняли бы все и не издали ни звука!

«Да уж... Кабы это, да не то... После драки кулаками не машут, а пепел от лысых узкоглазых уже давным-давно вымели...», – горестно хмыкнул оглуевший от жары мальчишка, втягивая раскаленный воздух, содержащий отнюдь не ласкающие ноздри запахи Рынка и его рогатых жителей, где из всех окружающих людей созданий, не воняли лишь Джумоук и звероподобные черти, но последние – это отдельный разговор и явно о генетических опытах.

Залитая лучами двух разных, но одинаково безумных солнц улица расширялась больше и больше, увеличиваясь по мере продвижения вперед. Уже несколько колонн человеческих грешников двигались параллельно людскому скоту, принадлежащего Джумоуку, как и огромное количество местных жителей с детьми заполонило улицы громко гомонящего Рынка. Крики рабов, вопли сатиров, собакоголовые, ящероподобные, кровь, хруст, цоканье – город становился больше и злей, а шумная набережная, оказывается, являлась родиной тишины.

Вот неподалеку проплыл, не касаясь земли футуристический аппарат, формой и размерами смахивающий на большегрузную фуру, только вместо непроглядываемого контейнера были решетчатые прутья, а в закрытой от солнц кабине сидел меланхоличный толстый черт с бараньей головой и спиленными рогами. Висящая на небольшой высоте в воздухе машина была в длину метров восемь и выглядела, как множество скрепленных меж собой железных прутьев, удерживающих внутри некий гудящий механизм, генерирующий чудоэнергию, позволяющую держаться над землей. Кабина же, где сидел управляющий данной грудой металла рогатый водитель, выглядела чуть надежней, если можно так назвать найденную на свалке кучу железа, которую для удобства более-менее грамотно выпрямили и установили на высокотехнологичную штуковину, давно лежащую на складе.

По крайней мере, Дима именно так рассуждал, ибо не вязался проглядывающий сквозь металлические прорехи двигатель... Хотя нет. Парень в принципе не мог назвать сие произведение искусства двигателем, ибо оно выглядело, как нечто совершенное и не вписывающееся в проклятый, чертов мир, где зазубренные мачете смотрелись верхом творения, поэтому да... Раса рогатых чудовищ определенно пришла на готовое, а вот откуда и как – этого юноша сказать не мог, вследствие чего просто смотрел, забыв про бешеные, напекшие голову солнца, и поражаясь разнообразию Ада.

Сидящий в кабине бараноподобный черт лениво почесывал огромный живот и неспешно, но видно, что умело, дергал рычаги, осторожно продвигаясь перед расступающейся, беспрерывно гомонящей толпой разнообразных рогатых. В самой же, движущейся в полуметре над землей клетке находилось множество буквально вбитых туда детей примерно десяти-двенадцати лет, надрывно воющих в один голос. Их жалостливые, разрывающие барабанные перепонки крики отлично вписывались в общую атмосферу Рынка, где рогатые родители указывали козлоногим детишкам на проплывающий контейнер с маленькими узниками, что-то рассказывая, а те широко раскрыли пасти и чесали щетинистые затылки.

Далее мимо рабской колонны Джумоука прошли пять, одна за одной верениц тяжело шаркающих стариков и старушек, охраняемых минимумом чертей и сатиров, где пожилые, прожившие жизнь люди довольно живо смотрели по сторонам, очумело разглядывая безостановочно мелькающих рогатых, видимых раньше лишь во время белой горячки, да и то не всеми. К одному из шаркающих стариков из детского любопытства подошел маленький козленок с любознательными глазами и две трясущиеся бабки с причитаниями тотчас дернулись в сторону, но храбрый дед не растерялся и пнул юного черта худой ногой, отчего тот горестно заблеял, а проворонивший ребенка сатир неподалеку, запоздало грубо заорал. Рогатый малютка взвыл еще громче, пробиваясь горестными криками сквозь безумную какофонию Рынка, и на помощь малышу пришел отец.

Видевший произошедшее, одетый в короткую набедренную повязку черт степенно подцокал к сатиру, орущему на козлоподобного мальчугана и раскрыл крупную ладонь, прячущую несколько блестящих монет, после чего затрясшийся, как осина старик был незамедлительно отстегнут, и перекочевал на поводок к адской, любящей друг друга семье. Храброго дедулю ожидала незавидная судьба, ибо в оранжевых глазах огромного, широкого в плечах папы маленького черта пылала лютая злоба за ударенного сына, однако жизнь Рынка продолжалась, и сейчас произошел совершенно естественный здесь случай.

Внезапно на частично белом, частично красном небе, удерживающем два диких солнца, с пугающим грохотом пролетело несколько блестящих аппаратов, которые Дима тут же назвал глайдерами, не зная их истинного определения. Троица «Спящих» вздернула головы, как и другие узники, причем не только в скотской колонне Джумоука, но и во всех идущих тем же путем, поразившись неожиданному в Аду зрелищу.

Геенна Огненная все больше напоминала Татуин из Звездных войн, но напоминать – не значит быть, поэтому Дима отбросил эти мысли, понимая насколько неправилен окружающий мир... Он просто напросто не успевал размышлять об истинной его природе... Природе мира, по которому ступали его босые ноги. Мира полного противоречий и не могущего существовать в данном виде, однако он был и успешно принимал вынужденных эмигрантов с Земли, раскрывая объятия с громким искренним приветствием: «Добро пожаловать домой, мясо! С возвращением, скотина!», – отчего прикованный к пыточной лежанке человек начинал кричать.

По гладким плитам расширяющейся улицы двигались полные силы и грации, красивые животные, идентичные виденным в Хароне, однако здесь на них ехали быкообразные черти с огромными мускулами и длинными блестящими мечами, прикрепленными на седла так, чтобы удобней выхватывать. Впечатляющий торс с их представителей Геенны Огненной прятался в ладно скроенных кожаных доспехах, а широкие копыта на мощных, вогнутых внутрь ногах отблескивали сложными серебристыми узорами, отличающимися от ранее видимых большим количеством плавных линий. Весь внешний вид движущихся на огромных хищниках воинов твердил, что они являются выходцами из более суровых земель Ада, совершенно не увязывающихся с расслабленной городской местностью.

Эти огромные рогатые порождения Ада являлись минотаврами, не больше и не меньше! Такими же, как описываются в сказках и легендах, но подробней всего в мифе, герой которого – Тесей – решил убить одноименное чудовище в лабиринте на острове Крит. Убить, дабы туда не отсылали ежегодно жертву из семи человек, коими кормился кровожадный монстр, запертый в запутанных подземельях дворца царя Миноса.

Движущиеся по Рынку потомки или же прадедушки описанного в земном мифе чудовища, буквально изливали нерастрченную мощь, как и их могучие животные, мягко ступающие по дорожным плитам, с каждым шагом вытягивая длинные, стального цвета когти,

способные вцепляться в скалы. Мордами питомцы минотавров походили на быкоподобных хозяев, как и на Хароне, где в родню этих созданий так и напрашивались кошки с быками и хорошо, что огромные пасти зверюг закрывались стальным намордником с красноватым отливом, правда непонятно истинный это оттенок или влияние солнца, но... Намордник был явно необходим, ибо в такой огромной толпе галдящих рогатых может произойти все, что угодно, а подобный зверь, ежели разъярится, растерзает даже молодого гиппопотама, не оставив ни кусочка толстой шкуры, хотя... При желании и мощными лапами разорвет, так что намордник, скорее является формальностью, необходимой для въезда в адский город Рынок.

Дмитрий, выпучив глаза, проводил взглядом едущих по делам или за покупками разумных быков со свирепыми оранжевыми взорами и подумал, что земные легенды действительно не обманывают, а просто красиво перефразируют правду. Скорее всего, жена Миноса – царица Пасифая не спаривалась с быком, в которого ее влюбил Посейдон, а породила такого монстра по другой причине, виновником которой была опять же адская раса, проводившая свои генетические эксперименты, дабы выбраться в человеческую Вселенную. Ведь все описанное в древних книгах, все барельефы на стенах старых храмов и все самые страшные истории рассказывают именно о людях-зверях, которые, оказывается, проживают в Аду и сопровождают человечество на протяжении всей его жизни.

Мимо еле-еле, старательно раздвигая галдящую чертову толпу, проплыл следующий решетчатый контейнер, управляемый худющим чертом, очень похожим на одного из клиентов Низама, но мальчишка отбросил эту мысль, ибо тот был козлом, а этот бараном, правда сильно недокормленным или больным.

«Может глисты адские... Или желтуха, вон глаза какие-то тусклые, совсем не оранжевые... Или печень хреновая... Обьелся земных алкашей и лечись теперь всю жизнь... Хотя... Все, как один черти вроде с «волшебными» капельницами... Тогда, наверное родился такой страшненький или мать противница регенеративных органов, ведь есть на Земле антипрививочники... Короче фиг его знает... Здесь пожить и поработать дольше, а там глядишь к вони привыкнешь, женишься и родишь маленького минотаврика...», – Дима шмыгнул носом, чувствуя, насколько тот горячий, а затем бросил взгляд на опустившую голову Лизу, с нежностью смотрящую на спящего от сытости малыша. «Ребенок должен долго спать... Детский организм адаптируется к Аду... Перестраивается, вон сколько пережил за последнее время... Кожу сменил, чуть не помер... Вырастет еще тот мальчишка... Если вырастет, конечно, а не пойдет на корм местному извращенцу-олигарху...», – шатающийся от безумной жары юноша тоскливо поморщился от гнусавых воплей верещащих позади жирных сатиров и вдохнул горячий воздух Рынка, насыщенный не самыми лучшими запахами.

Второй, плывущий над землей решетчатый контейнер, был также забит детишками, только более младшего возраста – лет шести-восьми и, наверное, их везли на продажу, может даже оптом или на вес, а те громко плакали, видя вокруг рогатых чудовищ, так часто шевелящихся ночью под кроватью, а сейчас звонко-цокающих со всех сторон. Их было так много, этих рогатых жителей и гостей Рынка, что если бы не сатиры и идущие по бокам черти с высокотехнологичными копьями, то человеческих рабов давно бы растащили, а собакоголовый Джумоук ничего бы не поделал даже своим смертельным жезлом. Дима много раз видел, как в сторону обнаженных, закованных в цепи людей, внимательно и жадно посмотрел не один прошедший мимо один черт, а уж на плачущих детишек в зарешеченных контейнерах и подавно. Да... Они действительно ценились в Аду... Только как именно? Ведь способов насладиться детской болью такое множество!

Видящая тоже самое Лиза мрачнела с каждым шагом красивых, загорелых ног. Ее коричневый, отблескивающий здоровой кожей малыш безмятежно спал на сильных материнских руках, закутанный в силу, смелость и любовь. Девушка крепко прижимала ребенка

к аппетитной груди, внутренне пребывая в состоянии сжатой пружины, ибо инстинктивно защищала свою кровь. Она понимала, что есть контейнеры с такими же малютками, как ее красавец и его могут загрузить туда. Эти мысли порождали в карих глазах готовность свернуть младенцу шею при первом протягивании рук косматых чертей, однако сможет ли девчонка пойти на это... Наверное нет.

«Готовность, готовностью, но взять и сломать шею собственного ребенка – это характер требуется и внутренняя жестокость... Все равно, что себе руку отрубить... Тем более она считается единицей товара именно с малышом, а по отдельности здесь таких пруд пруди... Нормально у нее все будет...», – размышлял Дима, искренне сочувствующий грудастой девчонке.

По огромной широкой дороге понуро плелись уже десятки верениц человеческого скота, ведомого ряженными в золото собакоголовыми и ящерами, сопровождение которых состояло из мускулистых чертей, огромных «Варгхов» и, конечно же, жирнозадых сатиров с зазубренными клинками, видимо бывшими популярным среди свиней оружием. Низкорослые карлики истошно верещали, разгоняя рогатый «люди» в стороны, а парнокопытные воины уверенно держали налитые смертью копыта, будучи готовы применить их в любой момент. Ну, а что же трехметровые, уродливые чудища? Они рычали, ревели и держали наготове искрящиеся хлысты, кои нежелательно применять в столь огромной толпе, дабы не зацепить рогатую детвору или какую-нибудь важную персону, чьи телохранители возжелают исправить настроение огорченного хозяина.

Закованные в цепи сотни умерших людей шли, опустив иссушенные жарой головы и беззвучно загребая грязными ногами пыль, ибо множественный цокот вокруг заглушал усталый шаг венцов творения Бога, королей животного мира и единственную разумную жизнь во Вселенной, погоняемую козлами, свиньями и собаками. Да уж... Это смотрелось удивительно грустно и смешно, ведь Ад являлся королевством кривых зеркал, где залитое дикими солнцами человечество не носит галстуки, а учится потреблять друг друга вместо хрустящих «Кириешек».

Кроме длинных верениц человеческого мяса рядом проходили просто трясущиеся, причем не от холода одиночные рабы, идущие на крепких поводках в руках самых разных круторогих чертей, а иногда веселых детишек, коим папа с мамой купили новую игрушку с защитным ртом. Их глаза, источающие лишь слезы, были пусты, если конечно пустота не считается эмоциями, а отлично зажившие ожоги на лбах увековечивали пятое тавро. Получается, так ненавидимые Димой истеричные рабы отлично продавались, как детские ляльки, а не только корм для скота.

«Правильно... Их и ломать можно, и командам обучать, а они никогда не укусят, уж сильно побоев бояться... По крайней мере, по одиночке, а вот толпой... Ну, а толпу таких домой никто и не купит, уж больно тупые, тем более со стадом всяко сложнее, чем с одной овцой... Да и берут их не математике ребенка обучать, а жизни... Жизни в Геенне Огненной, чтобы выросший молодой козленок пришел на адскую скотобойню уже готовым к работе, а не слюнявым стажером, боящимся перерезать глотку воющему мясу...», – парень отчаянно ненавидел истеричных пленников, с которыми приходилось делить поржавевшую цепь, но ничего поделывать не мог, ибо живущий в нем зверь желал вырваться на свободу, пусть даже мыслями.

Он вообще относился к людям ровно так, как они к нему. Один в один, словно общался с зеркалом, поэтому сейчас в Аду они ненавидели его за вполне разумные действия, а он их за непонимание своих поступков и наладить союзнические отношения можно было только в одном случае. Ежели узники Джумоука начнут нормально себя вести, однако пятое тавро на лбах говорило, что сей скот безнадежен.

Естественно эти несчастные до сих пор не знали и не догадывались, ЧТО выжгли на их лбах, поэтому проходящие мимо трясущиеся «покупки» на поводках не наводили ни на какие мысли, кроме животного ужаса, шепчущего на ухо: «Скоро и ты пойдешь... Скоро! Они поведут тебя в уродливый дом, дабы ты украсил его криком боли! Бойся! Бойся!», – а они всхлипывали, но шли и хорошо, что пока за огромным, беспрестанно взреывающим Варгхом.

Четыре цепи, четыре вереницы пленников посреди широчайшей, выложенной гладкими плитами дороги заполненной самыми разными чертями и летающими контейнерами с верещащими детьми... Ну и, конечно же нелегкий путь бесправного мяса сопровождался глайдерами, изредка и с грохотом пролетающими по частично красному, частично белому небу, что абсолютно не мешало спать сытому ребенку, не слышащему даже истошно вопящих сатиров.

Шатающиеся от безумной жары узники шли настолько долго, что коричневые ноги исхудавшего мальчишки превратились в ноющие комки мускулов и кожи, несмотря на регенеративный орган. Наверное, в гениальное творение адских ученых не закладывали функцию убирать усталость, а ограничились обычным заживлением ран, хотя, скорее всего, существует VIP-версия «волшебной» капельницы, не дающая постареть, не то, что уставать. Так думал Дима, не могущий прекратить полеты мыслей в тяжелой раскаленной голове, с трудом волоча измученные конечности, забыв, что это они тянут его. Неустанным среди троих «Спящих» был лишь чернокожий масаи. Такеши же все чаще запинаясь и его детское, узкоглазое лицо почти не поворачивалось, дабы любопытствующе осмотреться, видимо проклятый раскаленный мир высосал из сублильного азиата все силы.

Сколько еще идти – никто из шатающихся рабов не знал и не догадывался. Единственные произошедшие за последние двадцать минут изменения – это поворот на следующую улицу Рынка, которая не расширялась до бесконечности, как предыдущая, однако бросалась в глаза немалыми размерами. Стоящие здесь дома отличались лишь размерами и почти повсеместным отсутствием окон, будучи одно, реже двухэтажными, что напоминало провинциальные городки России, когда сворачиваешь в переулок и попадаешь в начало двадцатого века с повсеместными бараками. На этой улице практически отсутствовали прохладяющиеся зеваки в виде круторогих демонов с детишками и передвигающиеся на быкотиграх черти варварского вида, что расслабляло, да и гнусавые сатиры в кои-то веки перестали вопить, шумно задышав, видимо от усталости.

«Глотки у них, конечно луженые... Столько орать... Полчаса минимум... Без передышки... До сих пор в ушах звенит... Хорошо тем, кто посередине идет, небось ничего не слышали, мне же «повезло»... Да и Лизе с ее мелким... Как он еще не проснулся...», – блаженная тишина разбавлялась мерным цоканьем чертей по бокам, сатиров позади и еле слышным взрыкиванием Варгха далеко впереди.

Местные жители, если и попадались, то старались отбежать в сторону и прижаться к стене убогих домишек, дабы рогатая охрана не подумала чего-нибудь плохого и не отрубила голову, которой еще жрать и жрать. Здешний «люди» кстати, тоже нормально выглядел, будучи одет в приличные тряпки и с сытыми мордами, а издали, да с плохим зрением вообще можно было подумать, что гуляешь по современному Великому Новгороду, правда, здесь дороги лучше.

Считающий собственные шаги Дмитрий ощутил, что становится прохладней, ибо кожа уже не так горела, а может просто адаптировалась, но он все-таки проверил, глянув вверх и прищурившись от бросившегося в глаза света. Безумные солнца действительно опускались, по крайней мере, самое яркое точно, красный же карлик висел на месте, однако судя по всему, он толком не грел, а лишь «скрашивал» адские деньки, по крайней мере, по срав-

нению с основным светилом. Видимо в кровожадном Аду наконец-то темнело, и едва чувствующий находящееся под постоянным воздействием жара лицо Дима внезапно осознал, что их ведут на ночевку и видимо в одно из длинных, проходящих на бараки зданий. Так и было, ибо Варгх, возвышающийся вдаль над сгорбленными рабами, резко дернул цепи вправо, и колонну утомленного солнцами людского скота потащило к серому одноэтажному зданию, источающему ощутимую вонь.

«Опять вонь... Кругом вонь... Где-то меньше, где-то больше... Но везде вонь! Ад – это вонь! Вонь чего угодно! Мяса, говна, гниющих людей, мочи... Всего!», – измочаленные тяжелой дорогой ноги «Спящего» тряслись и подгибались, однако мальчишка держал марку, делая вид, что все идеально, и он вообще не понимает, что надо останавливаться.

– Тормозим! Тормозим! – заверещал выслуживающийся перед «Анубисом» сатир, что еле донеслось до задних узников. – Постепенно! Аккуратненько! Вы же умные животные! Дрессированные! Ха-ха-ха! – он издевательски заржал, а свиномордые карлики позади Димы, как по сигналу с новой силой распахнули луженые глотки. – Не торопиться, скотина! Не торопиться! – послышалось привычное лязганье тусклыми мачете по дорожным плитам, а здоровенные черти сбоку скосили оранжевые глаза, охватывая по несколько узников, дабы контролировать поведение безмозглого мяса. – Тормозим, тормозим, тормозим! Делайте это так, как умеете только вы! Ха-ха-ха! – свинозадые демоны так и сыпали «комплиментами». – Тпру, ретивые! Тпру! – ощущающий себя загнанной лошадейю Дмитрий из последних сил замедлял шаг трясущихся ног, чувствуя, как железное кольцо упирается в затылочную часть шеи, в глазах темнеет, а что происходило с друзьями – он и не видел.

Парнокопытные воины не отставали от жирных сатиров-садистов, изменив обычному поведению, и стимулировали валящихся друг на друга узников замедляться, как можно аккуратно. Кончики высокотехнологичных копий тихо разгорались багровым, что прекрасно отражала быстро наступающая темнота, и когда все рабы замерли, перестав звенеть цепями, то наконечники мгновенно потухли, прибавив настроения сходящим с ума от напряжения, жары и страха людям. Огорченный отсутствием чужой боли Варгх обиженно взрыкнул и с силой бросил поржавевшие цепи на каменную поверхность Ада, что оповестило тяжело дышащих, стонущих рабов о начале игры «Кто замрет, тот не умрет».

Укутанный в золото Джумоук все это время шел наравне с живым товаром и непонятно, то ли от жадности, то ли от переживаний за целостность человеческой скотины, однако сейчас собакоголовый демон поцокал к унылому одноэтажному домишке, располагающемуся рядом с воняющим баракком, что-то произнес напоследок выслуживающемуся сатиру.

«Наверное, спать пошел, а эти постройки все его... Уж слишком по-хозяйски цокает... Маленький, уютный домик шефа и рабский барак... Молодец... Работает наравне с подчиненными, пешком ходит изо дня в день... Грешников набрал, подготовил, продал и заново... Без отпусков и заместителей... Иначе хороший товар растеряешь... Мне его логика понятна... Даже жлобом назвать не могу...», – не понимающий, как еще не свалился без чувств Дима незаметно для себя сочувствовал «Анубису», пока не раздался гнусавый вопль свинообразного карлика и юноша не очнулся, вспомнив, что сам является товаром собакоголового.

– Так скотина! Слушай меня внимательно! – красноглазый демон выпятил грудь, и как смог втянул живот, отчего сумел любяще посмотреть на свой член. – Сейчас вы все зайдете внутрь этого здания! – он взмахнул бликнущим в тускнеющем свете клинком, разрезав засвистевший воздух, и ткнул острым кончиком в уродливое строение напротив. – Не переживайте! Ха-ха-ха! – он непонятно с чего загоготал, а свиноподобные коллеги ему вторили, брызгая липкими слюнями из клыкастых пастей. – Добровольцы не требуются, тут ворота большие и места на всех хватит! – гулко-топающий Варгх, как раз плелся открывать реально огромные створки ворот. – Поэтому стойте смирно и ждите приказа! Кто задерга-

ется – того заткнем! – свин расхаживал в разные стороны, разбрасываясь соплями из грязного пятака, а темнеющий Ад дарил загорелым рабам блаженную прохладу. – Завтра прекрасный день! – и сипло-дышащий Дима верил ему, ибо красное солнце Геенны Огненной делало нынешний адский вечер восхитительным, покрывая окружающий мир удивительно сочным багрянцем. – Большую вашу часть продадут, и вы обретете новых хозяев, а также стабильную жизнь! Ха-ха-ха! А кого-то... – рогатый карлик замолчал и хитро прищурился, нагнетая любопытство, что у него и вышло, ибо сгорбленные, трясущиеся рабы синхронно звякнули цепями, напрягшись в ожидании сюрприза. – Купят ангелы прямо в Рай и таких «счастливчиков» немало! – недовольно рычащий Варгх открыл здоровенные створки ворот, откуда потянуло усилившейся вонью, а жирнозадый сатир гнусаво заржал, как и его собратья позади Димы.

Сгорбленные же люди услышали благую весть и выпрямились! Выпрямились, поняв, что есть Бог в проклятом, раскаленном мире! Не обманывали священники! Правы святые отцы, лишь не знают, что приходится ангелам светлым – воинам Божьим выкупать детей Его у сатанинского войска, но что поделать... Оказывается загробный мир сложнее намного, но ничего! Молиться они будут с Небес, дабы дети их, и внуки их слышали слова их и готовы были к Аду! Терпения дабы более полную чашу испили в церквях благодатных! Смирения дабы вкусили полную лохань! И молились! Молились Господу! Каждый день, час, минуту, секунду!

– Я знал! Я знал, что Он меня не оставит! Спасибо Господи!

– Благословлен, будь Господи! Спасибо Отец Небесный, что забираешь дочь твою!

– Ха-ха-ха! Вот так вам всем, поняли! Он заберет меня к Себе! Заберет!

– Я увижу ангелов! Я так мечтал об этом! Так просил! И теперь увижу!

– И коснутся земли Ада сандалии ангелов, и пройдут белокрылые по огню, превращая в воду!

– Не может сопротивляться Сатана Его воинам! Не может! Слаб Дьявол!

– Думали мы ваша собственность! Нет! Он нас любит, ибо дети мы Его! Сердца наши в огне Его!

– Спасибо пресвятая Богородица, что Сына своего за нами посылаешь! Молюсь тебе!

– Рабы мы Твои Господи! Навеки вечные! Все осанны во имя Твое! Грязь едим во имя Твое!

И вырвался многоголосый гвалт из ртов слюнявых человеческих, радостно изрыгающих фразы сии, но никто не останавливал их, ибо сатиры жирные улыбались, зная что-то им одним известное. И квохтали люди трясущиеся, как куры безмозглые, и лишь добровольно вышедшие собратья их рты держали скрепленными, ибо понимали, что пасти свиные, да не содержат ничего хорошего.

Честно говоря, низкорослые демоны были самыми отвратительными разумными созданиями из всех увиденных Дмитрием в Аду. У него создалось ощущение, что гены сиих мерзких демонов хранят самое мерзкое, что есть в чертовой расе, однако в тоже время толстожопые поросята прекрасно используются на самых грязных работах из-за завидной ловкости и смекалки.

Тем временем недовольно взрыкивающий Варгх притопал к брошенным в кучу цепям, с легкостью поднял их и, натужно взревев, дернул застоявшихся рабов и весь... Именно весь человеческий скот мгновенно пошел за ним, не сопротивляясь, а словно летя на крыльях любви на первое свидание, и это удивительно смотрелось, ведь подобное происходило впервые за столь долгое время неподчинения. Та убогая часть рабов с пятым тавро, что насильно запикивалась на четвертую цепь, сейчас чувствовала себя намного выше остальных, ведь они заслужили награду, спустя немалое количество битв с прислугой Сатаны, забыв о том, что захоти Джумоук, так спалил бы их не задумываясь. Однако сейчас они

устало, но радостно двигались за Варгхом, поглядывая на демонов и земляков полными превосходства взорами, а свиноподобные карлики затаенно ухмылялись, словно плюнули в суп самому Иисусу.

«Это же какими нужно быть дибиллами, чтобы слышать хохот поганых свиней и думать, будто попасть в руки ангелов – прекрасно... Я бы обоссал ноги от огорчения, если бы мне мать с таким хохотом сказала, что мы поедем к бабушке, где мне придется пожить дольше обычного...», – мимолетная мысль о матери пронзила остывающую в вечерней прохладе голову, принеся повторное осознание, что он и при жизни находился с ней в разных мирах, а сейчас тем более.

Если бы Дима встретился с ней спустя это путешествие по Аду... С новыми знаниями и мыслями принесенными из Геенны Огненной, то не сумел бы проговорить и получаса, ибо ее мизерные ценности утонули бы в новом нѐм, растворившись без остатка, а без того немалое духовное расстояние увеличилось минимум в несколько раз... Лучше помнить мать, как женщину, выносившую тебя, как ту, что растила и прощала ошибки, а не как плачущего по тебе человека.

Любовь же... Наверное, нет... Любить он мог тех, кого понимал и кто понимал его... К остальным испытывал лишь физиологическую привязанность.

– Быстрее! Быстрее! – прямоходящему поросенку, словно не хватало собственных гнусавых воплей, и он достал зазубренное мачете, принявшись долбить им по каменным плитам рядом с вонючим баракком, однако это не помогало валящимся с ног обнаженным рабам.

Входящий в распахнутые створки ворот Дмитрий раскачивался, как идущий по пристани пьяный моряк, чувствуя затаившуюся внутри, вполне приемлемую вонь, но ему было плевать. Парень мечтал лечь на землю, камень, железо, куда угодно, лишь бы вытянуть ноги и закрыть глаза, что было бы отличным завершением безумного дня. Неподъемные конечности гудели, как никогда, а пульсирующая внутри боль являлась хорошей болью усталости, однако ее на сегодня было чересчур много.

Широкая спина Лкетинга скрывала сублильного Такеши, но Дима не сомневался, что с друзьями все в порядке, зато полногрудая Лиза, на загорелых руках которой развалился умильно-сопящий малыш, часто спотыкалась, устав до невозможности, ибо тянула двойную ношу. Да и не только она одна цеплялась натруженными ногами за землю, а практически каждый представитель гордого человечества, почувствовав место, где можно упасть и вырубиться, поэтому старательней шевелил дрожащими конечностями под злобные крики мерзких сатиров.

Как все-таки быстро меняются людские ценности, и увеличивается стоимость таких простых удовольствий, как лечь на грязную землю и заснуть, даже не накрывшись. Даже в цепях. Даже в Аду. Лишь бы поспать и пусть весь мир подождет...

И вот четыре сгорбленные вереницы голых рабов вошли в тускло-освещенное, пропахшее людскими испражнениями помещение. Возле боковых стен, примерно за два метра от них, были вырыты длинные канавы на протяжении всего здания, по которым струилась внешне чистая... Вода! Да-да, вода, уходящая во внешний мир, где, наверное, проходила следующий круг циркуляции, дабы вернуться обратно. Пол же, будто созданного для отдыха скота места, покрывала походящая на перемолотые древесные отходы масса, плотно спрессованная и пружинящая под мозолистыми ступнями замученных узников.

Прямо-таки бросившаяся в глаза роскошь поразила каждого раба, даже самого убогого, считающего секунды до встречи с ангелами и обнаженные, измученные люди, заходя-

щие внутрь огромного хлева, шокировано замирали, ведь по сравнению с пережитым здесь был Рай, а как еще назвать место, где тепло, сухо и струится благословенная Богом жидкость? Эдем, мать его так! Да уж... Прошла всего пара адских суток, а переведенные в статус животных выходцы с Земли активно подтверждали это, мечтая поваляться на сене и вдо-стать попить из канавы.

«Вот, что значит чувство самосохранения... Выжить любой ценой... Знакомое ощущение... Чтобы опохмелиться, я был готов достать бутылку из мусорного ведра и выхлебать остатки с вонючим окурком внутри...», – все еще пропитанный жаром двух сумасшедших солнц Дмитрий жадными глазами смотрел на окружающее богатство, как и мускулистый Лкетинг с Такеши, синхронно повернувшие головы с потрескавшимися губами.

Весь товар Джумоука здорово похудел, а как иначе, ежели «волшебная» капельница перерабатывала лишние ресурсы тела, основываясь на заложенной внутрь программе. Ни у кого из видимых мальчишкой рабов не осталось животов и лишних складочек по бокам, если только у изначально полных грешников. Эти чревоугодники не успели израсходовать накопленные на Земле запасы, которые приходилось насильно растрясать в Аду, и еще пара суток голода с жарой им бы не помешала.

Дмитрий опустил пульсирующую голову, дабы внимательно окинуть себя взглядом и скептически хмыкнул. Темно-коричневая блестящая кожа и стремящиеся наружу кости... Впалый живот в кубиках небольших мышц, когда-то зачатых непонравившимся спортом и худые руки с ногами, однако подобие мускулатуры было везде, то бишь тело ее не сожрало.

Распрямив шею и не забывая передвигать вялыми конечностями под пронзительные крики сатиров, мальчишка безразлично устоял на спине воина-масаи, состоящую из чистых мышц без капли жира, как и сама фигура выходца из Африки была словно скопирована с древнегреческого Аполлона. Такеши же так и остался маленьким костлявым азиатом, как большинство японцев по жизни. Данная раса вообще тонкокостная по своей природе, поэтому худоба субтильного азиата в глаза не бросалась, ведь он и до этого особой толщиной не обладал, ну а насчет женщин разум Димы сформировал отдельный разговор, который замученный парень согласился выслушать.

Столь длительный марафон по выжженному безумными солнцами городу Рынку девчонки перенесли по-разному, где некоторые превратились в засушенных вобл из ранее приятательных для плотских утех цыпочек, а жирные, сбросившие вес коровы наоборот про-сились на безжизненно висящий конец. Но это чисто в теории, ибо физически конец желал просто висеть и никаких женщин.

Молодая и несчастная мать по имени Лиза тоже изменилась, но не настолько, как другие и непонятно почему. Мучилась она в два раза больше коллег по цепи, а выглядела приятательней некуда. Живот девчонки втянулся, задница окрепла, так и, напрашиваясь в руки, а грудь вовсе приподнялась, не потеряв тяжелой налитости, попробовав которую, не захочется никакого силикона. От столь красочных мыслей висящий на полшестого конец слабо шевельнулся, но подняться не смог, ввиду чего Дима почувствовал некое облегчение.

«Вот, что спорт и солнце творят с женщинами... Главное в меру... Раньше эти жирные вообще не нравились, зато теперь на любую забраться не откажусь... Хотя от лица тоже многое зависит... Фигура фигурой, а красивую харю всегда хочется видеть...», – пошатывающийся юноша понял, что у него все-таки наливаются кровью чресла и заметил, как спотыкающаяся, тяжело-дышащая Лиза смотрит прямо туда, отчего маленький дядя Дима видимо и надулся.

– Во бабы... – еле слышно пробормотал он. – Как на грудь, так нельзя, а на член можно... – девчонка, словно умея читать по губам и слышать сквозь гнусавые вопли сатиров, быстро отвернула карие глаза, уставившись на безмятежного младенца, шлепающего во сне мелкими губешками.

– Стоять! – в ту же секунду раздался единовременный вопль переднего и задних сатиров, отчего у Димы от испуга отхлынула кровь с нижней части тела, зато ребенок Лизы даже не вздрогнул. – Замерли животные! Замерли! – ни один из закованных рабов не был готов к паузе в идеально отрепетированном шаге, поэтому люди одновременно остановились, что и нарушило гармоничную картину.

Голожопые пленники Джумоука воткнулись друг в друга, принявшись валиться на коленки и соседские спины, вследствие чего образовалась стонущая куча мала. Хорошо, что ворочающиеся и всхлипывающие рабы не перепутались цепями, а еще спасибо мягкому полу под мозолистыми ногами.

Свиномордые демоны, увидевшие, что вышло из обычного злобного окрика захохотали, глядя как смешно копошится мычащий скот, бесстрастные же черти даже не сменили выражения козлиных морд, наблюдая за «порядком». Огромный Варгх, бросивший цепи сразу после воплей сатиров, стоял и злобно рычал, рассматривая пытающихся встать людей.

– Располагайтесь, как удобней! Ха-ха-ха! – стоящий в начале сатир захохотал, тряся тусклым клинком. – Главное в цепях не запутайтесь, а то срезать придется! Ха-ха-ха! – стонущий людской скот закопошился на порядок активней, прибавив беспорядочности в движениях. – Да не вас, а цепи! Ха-ха-ха! – вновь загоготал он, а свинозадые коллеги ему вторили, где стоящий позади Димы брызгал парню на спину слюнями. – Воду сами видите, а еду привезут! – узники, услышав про еду, замерли в позициях, в коих пребывали на данный момент. – Ах да! – то ли шутливо, то ли серьезно хлопнул себе по лбу карликовый демон. – Вы же не хотите есть! Сначала вам принесут специальные таблетки, которые каждый обязан проглотить! – налитые кровью глаза грозно осмотрели рабскую кучу мала. – Просто обязан! – он плашмя поднял мачете и звучно хлопнул им по жирной ладошке. – За этим проследят, не беспокойтесь! И ваши желудки заработают, безумно пожелав жрать! Не смотрите, что еда плохо выглядит, вы просто не сможете отказаться! Ха-ха-ха! – издевательски захохотал демон, положив руку на колышущийся от смеха живот. – Дальше будет хуже! Варгх! – рычащий монстр, обязанный подчиняться свиноподобному представителю хозяина, повернулся и вопросительно, с надеждой на избиение людей, захлопал злобными глазками. – Иди за едой! Ты помнишь, где она! Давай Варгх! Давай! – карликовый демон ласково махнул клинком в сторону ворот, а трехметровое чудовище угрюмо взрыкнуло и шумно дыша, потопало мимо выпрямляющихся узников. – Ждите меня, животные! Я принесу лекарства для ваших животов! И добро пожаловать в Ад! На Рынок! Ха-ха-ха! – отвратительный хохот ледяной волной окатил эмигрантов с Земли, а сатир развернулся, закинув мачете за спину и неслышно поцокал по мягкому покрову человеческого хлева.

Глава 3

Помятые новой жизнью узники напряглись, и каждый обладающий силами поднять глаза, выполнил это лишь внешне несложное действие, изучающе оглядевшись по сторонам. В этот адский вечер таких «богатырей» было особенно много из-за немалого количества «счастливчиков», готовых отправиться в лоно Христа на Небеса, где их обнимут ангелы, дабы сопроводить в сверкающие покои.

Лиза же, молодая мать со спящим младенцем постаралась, максимально приблизиться к «Спящим», что не особо получилось, так как путь ей преграждали вторая и третья цепь. Рабы-добровольцы на них тоскливо крутили шеями, выбирая место получше, как всегда забыв договориться друг с другом, но это нормально. Люди остаются людьми в любых условиях, и если нет сдерживающих факторов в виде любимой женщины, ребенка или действующих правил поведения – думают только о своем комфорте.

– Я считаю, что надо идти к той стенке! – сипло произнес Дима, посмотрев направо, ведь там располагалась ближайшая канава с водой. – Туда ближе! – устало уточнил он и, увидев кивки японца с масаи, натянул цепь, не забыв посмотреть на Лизу, у которой была своя вереница голых, не знающих, куда направиться баб. – Если хочешь быть рядом, тяни их в нашу сторону, пока передние не выбрали направление! – у девчонки заблестели глаза, и она покрепче прижав младенца, кивнула, а поржавевшее кольцо на шее Дмитрия тем временем сдавило горло от усилий.

Ненавидящие «Спящих» рабы с пятым тавро никогда в жизни не пошли бы за ними без пинков и «нравоучений» огромных чертей, но умный парень на рогатых и надеялся. Мускулистый Лкетинг с надувшим щеки Такеши натянули цепь, упершись в мягкий, проваливающийся пол, однако подавляющая масса «нормальных» рабов увидела, что троица нелюдей тянет на себя и завопила:

- Тут у каждого есть мнение!
- Опять вы?! Да ни за что!
- Надоели уже уроды! Вечно лезете, никого не спрашивая!
- Чтобы вы себе шеи посворачивали! Никто никуда не пойдет!
- Тужьтесь! Тужьтесь! Вам нас не сдвинуть!

Три другие набитые рабами цепи замерли, решив понаблюдать за увлекательным процессом, в который отчего-то не вмешивался ни один из парнокопытных рогатых, хотя «Спящим» было тяжело, ибо узники с пятым тавро не собирались сдаваться и легко тянули их на себя. Причем тянули не к ближней канаве с водой, как желал еле дышащий Дима, а наоборот, делая плохо себе и им. Именно так выглядит ненависть, не дающая свободы логическим размышлениям, и заставляющая двигаться вниз, когда есть путь вверх.

– Да помогите же! – прохрипел задыхающийся мальчишка, буксующий в перепрелой, зассаной массе под загорелыми, дрожащими ногами. – Жалко, что ли?! – он умоляюще вперился в налитые кровью глаза ближайшего сатира, наблюдающего за «игрой в перетягивание каната» со злобным любопытством. – Мудак ты! – юношу тянуло назад, как и туземца с Такеши, понимающих, что почти сотня трусливых рабов намного сильнее их. – Толстый ублюдок! Чтоб ты сдох! – серо-голубые глаза покрылись сеточкой потрескавшихся от напряжения, но мгновенно заживших капилляров, а мольба во взоре сменилась на ничем неприкрытую злобу.

Толстожопый сатир, услышавший столь наглое оскорбление от расхрабрившегося на последнем издыхании юноши, вскипел и, приподняв верхнюю губу, с легким скрежетом вытащил из-за спины зазубренный клинок.

– Ты совсем обнаглел, «Спящий»! – демон неуклюже подцокал к Диме по проваливающейся массе под мелкими копытами и приблизил злобную морду к тужащемуся изо всех сил парню, утягиваемому назад скотом с пятым тавро. – Если бы ты не стоил так дорого, я бы давно тебя зарубил! – юноша хрипел, слушая рогатого карлика и пытаясь делать безуспешные шаги, но ноги вспахивали поверхность людского хлева. – Однако... – мерзкая харя прямоходящей свиньи расплылась в обозначающей радость гримасе. – Мне нравится твоя наглость! – его слюни попали Дмитрию на загоревшие лоб и щеки. – Без таких, как вы «Спящие», мы бы давно сдохли от скуки! Помогите им! – он махнул тусклым клинком звероподобным чертям, а Дима прохрипел:

– Спасибо! – трясущиеся ноги перестали рыхлить прелый пол, а сзади или спереди – уже не понять – послышались вопли боли.

Юноша чувствующий, как сдавленное горло быстро приходит в норму, со свистом дыша, обернулся, и его черствое сердце налилось злобной радостью. Огромные черти с мощными, вогнутыми внутрь ногами, не используя никакого оружия, раздавали хрустящие затрешины слабоумным рабам, желающим перетянуть цепь, куда угодно, лишь бы не по желанию инакомыслящих «Спящих».

Дима помнил недюжинную силу в мускулистой лапе козлоподобного рогатого, оставившего его во время спуска с гробоподобной посуды, поэтому четко представлял ощущения идиотов, мечтающих воссоединиться с Христом в лоне Господа.

Другие три вереницы рабов, где количество здравомыслящих превышало истеричных мудаков, увидев произошедшее, моментально снялись с занятых мест, как стая потревоженных голубей и сноровисто распределились возле канавы с водой на противоположной стороне не без помощи, конечно, всегда готовых «подсобить» сатиров.

Все выглядело так быстро, что не успел изможденный Дмитрий глазом моргнуть, а свиномордые демоны уже дали команду парнокопытным воинам и те умело, одними лишь оранжевыми взглядами направили сторбленных в страхе узников по правильному пути. Огромные, мускулистые черти внимательно проследили, дабы тупоголовый людской скот без излишней суеты и толкотни проследовал на выбранные для него места и это вышло так быстро, что стало непонятно, зачем требовалось затевать издевательское шоу с игрой в потягушки.

Следующей цепью стала женская и круторогие воины с мордами козлов направили всхлипывающее бабье на ту сторону человеческого хлева, куда изначально положил глаз мальчишка, а проходящая мимо него Лиза, ободряюще кивнула. Парень ей ответил и на секунду повернулся в сторону заткнувшихся «бунтарей», получивших порцию крепких затрешин, вследствие чего ухмыльнулся, увидев одни лишь ненавидящие взгляды на слюнявых харях, перекошенных от чертовых ударов.

– Не улыбайся «Спящий»! Лучше учишься плакать, как тебе сказали! – кончик поросычьего клинка воткнулся в его дернувшуюся от боли спину, что породило ответные ухмылки избитых соседей по цепи. – А вы вообще рты закройте! Скотина, мать вашу! – люто рявкнул свин, что стало сигналом для молниеносно-двигающихся рогатых, тут же раздавших новую порцию утяжеленных оплеух. – Давайте двигайтесь! Шевелите ногами «Спящие»! – острый клинок сделал в Диме новую, малюсенькую дырку, тот ойкнул, а сатир гнусаво всхототнул, жутко радуясь своим грубым шуткам. – Иди к своей подружке художопый! – издевательски произнес карликовый демон, а его коллега смешливо всхрюкнул, и вроде даже крепко пернул, ибо не лучший запах хлева прибавил «громкости».

Мальчишке же от грубых слов прямоходящей свиньи стало легче, и он подумал, что пусть маленький безымянный черт издевается, ежели ему так нравится, зато он посидит в хорошей компании.

«Лкетинг здесь, Такеши рядом... Что еще надо? Естественно, красotka с большими сиськами!», – немного вернувшие былую силу ноги сами поволокли в сторону Лизы, а побитые пленники позади, звенели цепями, проклиная весь его род, семья и моля Бога, чтобы «Спящий» сдох.

Звероподобные черти с красноглазыми сатирами внимательно следили за передвижением самой нестабильной цепи, готовясь утихомиривать смутьянов крепкой лапой, а где надо и сталью, но все прошло хорошо и парень с друзьями сел на стороне канавы, противоположной от молодой матери. Буквально рухнувший на прелый пол Такеши облегченно вздохнул и блаженно закрыл глаза, словно удачно опохмелившийся алкоголик, масаи же недвижимо замер, делая вид, что ни капельки не устал, однако почти невидимая дрожь по чернокожему телу выдавала иное.

«Пусть притворяется... Он говорил, что воин не должен показывать слабость... Пусть не показывает, если так хочет... Мы вместе, но одновременно сами по себе... У нас могут быть лишь общие цели, но жизнь никогда...», – полногрудая мать тем временем жадно пила, стараясь аккуратно зачерпывать вроде чистую воду, поэтому он тоже решил попробовать, хотя насчет попробовать – слабо сказано.

Соседки Лизы не слишком обрадовались соседству нелюдей, а может просто постеснялись выставить напоказ разномастные сиськи с заросшими лобками, поэтому, когда напротив расположились любимые демонами «Спящие», то они мигом опустили немые головы, словно говоря: «Мы в домике!»

– Здравствуйте! – Такеши, будто не заметил нежелание знакомиться и раскрыл прищуренные глаза, в которых плавало блаженство отдыха. – Всем хорошего вечера! – он слегка склонил голову, не забывая о принятых в его мире правилах приличия, и скрестил ноги, выставив на всеобщее обозрение грязные, мозолистые пятки и японский причиндал, которого совершенно не стеснялся.

Далее он принялся степенно зачерпывать воду и бесшумно всасывать ее узким ртом, не обращая внимания на женский коллектив, а те не очень-то и хотели, хотя глаза некоторых нет-нет, но прыгали на заморский «аппарат», ведь любознательность женщин не знает границ.

– Ты красивая! – белоснежная, искренняя улыбка туземца осветила лицо другой девицы, и та робко подняла глаза непонятного цвета, услышав столь непривычные в Аду слова. – Не бойся Лкетинга! Лкетинг хороший! – рабыня в ответ что-то неслышно пробормотала и спрятала взгляд под растрепанной гривой волос, так и не удостоив вниманием достоинство Такеши.

Неглупый масаи понял, что девушка стесняется и принял это, как данность, моментально переведя внимание на воду. Чернокожий выходец из Африки зачерпнул дарующую жизнь жидкость полной горстью, понюхал, и лишь затем принялся втягивать, шумно фыркая. Остальные узники до этого бившиеся за место под солнцем у стены, где отсутствовала какая-либо вода, утоляли жажду, совершенно не стесняясь собственного поведения, будто не было борьбы за худшие условия. Что тут говорить... В большинстве своем люди – это отвратительные создания без гордости, везде и всегда делающие вид, что требуется именно так.

– Ну как ты? – сыто вздохнул утоливший первичную, самую сильную жажду Дмитрий, спросив Лизу, словно старую подругу, та же настороженно глядела за его спину, неподалеку от которой замерли парнокопытные воины и парочка гнусавых карликов, где один почесывал шерстистый зад, а другой скреб лобок.

– Наверное, нормально... Если в Аду так говорят, – она передернула плечами и дунула под нос, пытаясь стряхнуть повисшую на его кончике каплю, ее же соседка зябко вздрогнула. – За завтрашний день переживаю после увиденного снаружи... В этом кошмарном

городе с ужасной жарой... – девушка помрачнела и любяще посмотрела на загорелого, как шоколадка, спящего малыша. – Он такой сильный родился! Мало кричит и много спит! – Дима в ответ скептически наморщил губы, а Такеши с теоретически невозмутимым Лектингом вовсе «заморозили» ладони с водой возле ртов, будто услышав глупую сказку. – Ест и спит... – она ласково гладила спящего малютку по голове с прозрачными волосками, а парень озадаченно думал, что мало орет – это, ну ОЧЕНЬ мелко сказано.

– Угу! Тихоня еще тот... – произнес мальчишка, сумев избежать немалой толики сарказма, которую прямо-таки желал вложить в ответ. – Поражаюсь... – он вновь приложился к отдающей железом и чем-то противным воде, что совершенно его не смущало, ибо вкусом никогда не пробовал.

Глоток за глотком Дмитрий поглощал живительную влагу, чувствуя, как надувается провалившийся до спины живот и становится холодно телу, забывшему об адской жаре, поэтому сумел отвалиться от канавы, лишь, когда захотелось выbleвать все обратно. Он с шумным пытением и чавканьем, подобно насытившемуся поросенку, закончил повторное утоление жажды и звучно отрыгнулся, абсолютно не стесняясь окружающих женщин.

– Извиняюсь! – вполне искренне, однако не чувствуя за собой плохого произнес Дима и снова отрыгнулся, сам того не желая. – Я не такой! – серо-голубые глаза любопытствующе прошлись по видимой части женского пола, а те прятались от любопытствующего взгляда «Спящего», опуская лица. – Ну, ничего! Не хотите говорить, не надо! – он вернулся туманным взором к задумчиво смотрящей на ребенка Лизе, но решил не беспокоить размышляющую девчонку. – Хорошо-то как! – и забыв обо всем, рухнул спиной на мягкую поверхность обоссаного тысячами рабов пола, чувствуя, что вот она жизнь, однако идиллию мигом разрушил недавно ушедший за пилюлями и так некстати вернувшийся сатир, держащий небольшую коробку с ржавым оттенком.

– Эй, «Спящий»! Хватит валяться! – острое копыто незамедлительно вонзилось в тощий бок, обдав Диму резкой болью. – Поспишь, когда пожрешь, а пока таблетку глотай! – парень подскочил, похолодев от внезапности появления противного черта. – Чего вылупился?! Жри давай! – жирная рука протянула маленький белый, совсем, как на Земле кругляшек, и вернувшийся в исходное положение юноша ухватил его, да и как не ухватить, ежели рядом с карликовым свином стояли два серьезных черта с налитыми багровой смертью копытами.

Засунув адскую пилюлю в полный слюны рот, он зачерпнул грязной ладонью воду, запив лекарственное средство для восстановления работоспособности желудка. Таблетка оказалась безвкусной или же он просто не успел ее распробовать, но так как дело было совсем не в ее вкусе, Дима решил ждать эффекта. Он верил шутнику-сатиру, поэтому знал, что обещанное скоро начнется, а тем временем по женской стороне пошел другой свиномордый карлик с идентичной коробкой, непонятно, когда успевший получить ее от собрата.

Таким образом, два злобных поросенка, проваливаясь в мягкий пол, неуклюже двигались по обоим рядам пленников, кормя лекарствами всех поочередно, и никто не отказывался, ибо привычку есть из человека выбить очень сложно. Были, правда, несколько человек – одна боевая женщина и «бунтари» – категорически отказавшиеся принимать сатанинское зелье, но недаром рядом скучающе шествовали вымуштрованные черти, умело раскрывающие запертые рты, вследствие чего таблеток наелись все.

Вторая и третья цепи были пройдены еще быстрее, ибо там никто не выделялся, смирившись с судьбой-злодейкой и держа плохие мысли с эмоциями внутри себя, поэтому таблетки расхватывались на «ура», третий же сатир скучающе ковырялся пальцем в грязном пятке, задумчиво помаргивая.

Вывернувший голову и засмотревшийся на процесс «лечения» таблетками Дмитрий почувствовал в животе первый бульк, затем второй, а после третий. Это выглядело и ощу-

шалось, как начинающий заводиться автомобиль, не могущий прочихаться из-за трехлетнего стояния в гараже. Желудок издавал мерзкие звуки, дергался и всхлипывал, делая узлы из кишок, а напрягшийся парень чувствовал, как внутри целеустремленно пробирается зверский голод.

– Дима-сан! Дима-сан! – раздался тонкий голос Такеши. – Ты тоже чувствуешь, что очень хочется кушать? – маленький японец страдальчески морщился, держась за впалый, загорелый живот.

– Ну не то, чтобы очень сильно... Но... Начинается... – напряженно пробормотал юноша, поглядывая на скромно опустившую голову Лизу, бульканье живота которой звучало громче, чем звуки пузырящейся джакузи в доме опального олигарха.

– Лкетинг тоже хочет есть! Лкетинг готов съесть буйвола! С рогами и копытами! – ярко-голубые глаза масаи голодно обшаривали вонючее помещение адского хлева, где из еды были только огромные черти, да пара сотен записанных в скот людей.

– И я хочу! – подняла карий взор девушка со спящим младенцем, стесняющаяся звучного бульканья своего желудка больше, чем вываленной на всеобщее обозрение груди и лобка, выбритого еще на Земле перед родами. – Чего бы я только не съела... Даже вон того поросенка... – расхрабрившаяся Лиза голодно облизнулась, уставившись на жирного сатира, презрительно оглядывающего массу скованных рабов.

– И я... – раздался голос косматой скромницы, которую одарил комплиментом воин-масаи и это простое желание есть, словно раскрыло морально сжатых Адом людей, искренне обрадовавшихся еще одной, вернувшейся способности, за которую многие оказывается сильно переживали.

– Есть хочу! Хочу есть! Как же хочется есть, Господи!

– Слава Богу, захотелось кушать! Спасибо Боже!

– Как хочется еды! Да побольше!

– Хочу много-много еды! О Боже, пошли мне пищи!

– Наконец-то голод! Славься Господи!

Фразы, раздающиеся из разных концов пропахшего людскими экскрементами помещения восхваляли Господа, хотя Его рука здесь отсутствовала, а если и была, то в виде жирной поросычей, где ее хозяин сам того не замечая, покачивал тусклым зазубренным клинком. Однако умершие для жизни люди, словно пропустили сей момент, продолжая осыпать благодарностями Того, кто давно забыл их, и лишь единицы молчали, терпя нахлынувшее чувство голода и просто ожидая, когда их накормят.

Более не желающие куда-либо ходить по проваливающемуся полу сатиры внимательно зыркали налитыми кровью глазами, удовлетворенно прислушиваясь к обнаженным рабам, видимо этого и ожидая, а мускулистые, широкоплечие черти, рассредоточившиеся по периметру хлева, внимательно наблюдали за узниками бесстрастными оранжевыми глазами. Сию картину нарушили гулкие шаги огромного, кровожадного Варгха и непонятное лязганье металла, заставившие обернуться наиболее храбрых рабов, запомнивших, что утыканный шипами монстр ушел за едой.

Так оно было или же нет, могло показать лишь время, а возвращенный Адом Франкенштейн, будто специально медленно и совершенно не напрягаясь, тащил две помятые, ржавые бочки литров по двести, плюс грязное подобие ведра. Эта так сказать «тара с посудой» ехала на жутко-лязгающей тележке, легко пропахивающей мягкий пол хлева и выглядящей древним монстром, пережившим динозавров и рождение Ада.

«Сколько живу, а везде экономят... Я, конечно, понимаю, что заработанные своими руками... лапами деньги чувствуются иначе, нежели просто зарплата за протирание задницы, но однажды эта хрень на колесах развалится, и упавшие бочки раздавят с десятков

узников...», – ноздри Дмитрия пытались нащупать хоть какой-нибудь запах пищи, теоретически должный тянуться из двух огромных посудин.

Видимо не одному ему пришла в голову подобная идея и многие, умирающие от звериного голода рабы зашевелили крыльями ноздрей, пытаясь унюхать пищу подобно голодным псам, но хлевная вонь перебивала любые запахи, если они были.

– Как же хочется есть... – жадно пробормотал втягивающий и вытягивающий впалое брюхо Такеши, которому для полноты страданий не хватало стекающей изо рта слюны, Лкетинг же был невозмутим, как удав, однако ярко-голубые глаза блестели голодом и готовностью похоронить за двойную пайку.

И не у одного сублильного азиата вырвалось такое бормотание, а почти у всех и людской хлев заполнился звуками голосов, изливающихся желанием наестся и уснуть, ибо творящееся в животах спать не даст точно. Лично по ощущениям Дмитрия в данный момент желудок кусал сам себя, урча и рыча, громогласно требуя пищи, причем какой угодно, однако безмозглый Варгх не торопился. Он недовольно порывивая дошел до центра помещения, построенного для временного отдыха умерших грешников и только там остановился, дабы отвернуть крышки ржавых бочек.

Троица сатиров тем временем скооперировалась, и неуклюже вышагивая проваливающимися в прелый пол копытцами, направилась в еле освещенный правый угол, где проглядывалась... Дима прищурился, напрягая отличное зрение и не поверил с первого раза! Там действительно проглядывалась неаккуратно сложенная гора грубо исполненных тарелок из вездесущего красноватого металла, так популярного в Аду.

Подошедшие к ней запыхавшиеся и дюже злые свиньи, внешне, словно принявшие участие в супермарафоне для самых толстых задниц Геены Огненной, гнусаво завопили, а точнее завопил, ибо силы дышать остались лишь у одного – самого болтливого демона, которого голодный Дима узнавал с закрытыми глазами.

– Принимай посуду животные, и берегите головы! Ха-ха-ха! – толстожопый болтун ухватил первую массивную тарелку и с силой, ловко метнул, а затем за дело взялись его с трудом дышащие коллеги, не сумевшие отказаться от подобного развлечения, ведь для этого сюда и шли.

Может по жизни они и являлись злобными, мерзкими созданиями, но их умение метать коряво исполненную посуду было великолепно, и требовало золотых медалей каждому из красноглазой жирной троицы. Свиномордые демоны не сговариваясь, поделили скованных узников, и металлические тарелки полетели в каждого истощенного представителя Земли.

Рабы, сумевшие поймать летящую с огромной скоростью посуду, почти отсутствовали, лишь пара десятков человек, которые наверняка уделяли при жизни немало время спорту, вследствие чего и обладали завидной ловкостью. Лично Дима не то, чтобы не успел, он даже не понял, когда полетела первая посуда, причем сразу в него, видимо как самого наглого, хотя мальчишка считал, что ведет себя естественно. И хорошо, что края тарелок были закруглены, иначе бы ему срезало полголовы, а так раздался звонкий «бденьс» об крепкий череп, у него потемнело в глазах, однако сознание осталось на месте, да и емкость для пищи упала рядом.

Ощущающий явный звон в голове парень поднял «подарок» и распрямился, заметив, что Лиза с тревогой на него взглянула, сам же глупо улыбнулся, ощущая себя Иванушкой-дурачком и думая: «Вот это да... Звенит так, будто я самый настоящий Царь-колокол...», – однако «волшебная» капельница быстро исполняла заложенную в нее программу и звон в ушах с глупыми мыслями быстро сошел на нет.

Лкетинг же с Такеши в отличие от Дмитрия поймали посуду по счету раз, но ежели насчет возвращенного джунглями воина-масаи понятно, то маленький японец сумел ухва-

тить пикирующую сверху посудину, выполнив движение, которому мог позавидовать Нео из «Матрицы», но больше он удивил не этим, а вторым своим действием.

Тарелки, бросаемые весело-хрюкающим сатиром по женщинам, целеустремленно летели в немых, растрепанных дам, однако низкорослый азиат молниеносно поймал первые четыре, спася Лизу и трех ее товарок от гулкого звона в черепных коробках. До сих пор моргающий от удара в голову Дима очумело посмотрел на него, а Лкетинг широко и белозубо улыбнулся.

– Желтый брат ловкий, как пантера! Та-ке-ши быстрее, чем воин-масаи! – на что азиат зарделся, спрятав узкоглазый взор меж грязных ног спасенной им девахи.

– Это обычная гимнастика. Я много занимался в детстве, в школе побеждал на соревнованиях, так что удивляться нечему... Ловкость рук и никакой фантазии, – он поднял кисти и пошевелил хрупкими пальцами, положив тарелку на голые коленки, и стеснительно уставился в нее, старательно вымытую, а может просто отлично вылизанную прежним временным хозяином.

Остальные сидящие на четвертой цепи узники Ада получали по головам все, как один, без права на помилование от хохочущих сатиров, профессионально метящих тяжелую посуду, заставляя плакать и вскрикивать обнаженных рабов. Искренние вопли боли, звуки ударов об черепные коробки и безвольно обваливающиеся тела создавали несмешное шоу, за которым наблюдали огромные черти, чьи глаза были немного больше, чем внимательные, ибо в них изредка мелькали пляшущие под веселую музыку бесята.

Конечно, когда Такеши поймал свою тарелку и другие женские, то кидающийся тяжелой посудой жирный сатир обратил на это внимание, азартно оскалив свиную пасть и принявшись метать еще быстрее, но как раз в тот момент ловкий японец перестал спасать соседей, ввиду короткой длины цепи. Вот тогда-то визгливые соседи японца, то бишь самые наглые узники, не дающие спокойно жить «Спящим», да и другому живому товару Джумоука получили в дурные головы крепче братьев по разуму.

Кровожадный Варг, закончивший отворачивать скрипящие крышки огромных бочек, часто-часто моргал, наблюдая за летающей по всему хлеву посудой, будто пытаясь проследить за каждой тарелкой, но у него не очень хорошо получалось, поэтому, когда все закончилось, он грустно взрыкнул и посмотрел на аппетитных сатиров. Утыканный шипами монстр последнее время пребывал в задумчивости, будто впад в депрессию от того, что его не кормили сладкими и ужасно орущими людьми. Последний раз был, наверное, в Хароне, когда всем делали операцию и больше ароматной человечинкой он полакомиться не смог, ведь на Рынке уже нельзя, ибо людской скот идет на продажу.

Скорее всего, этот, когда-то бывший гадким человечешкой монстр больше всего любит Сортировочную, уж там-то можно вдосталь голов пооткусывать, рук поотрывать, да попить горячей крови... Огромное, неповоротливое чудовище тяжело вздохнуло, и жадно поглядело на спящего в руках Лизы ребенка, что было мигом замечено грудастой девчонкой, мгновенно превратившейся из коричневой в серую, настолько она побледнела.

– Я тебе его не отдам!! – крикнула она с такой силой, что не только Дима, но и Лкетинг с Такеши подскочили, зазвенев звеньями цепи. – Ты слышал меня!? Слышал?! – она привстала на колени, сверкнув бритым лобком и карими глазами полными храброй ярости. – Не отдам!! Никогда!! – младенец зачавкал маленьким ротиком, словно собираясь проснуться, но видимо организм еще набирался сил после выращенной заново кожи и решил продолжить отдых. – И вам тоже!! – она, хрустнув костями и колыхнув притягивающей грудью, резко повернулась и уставилась в налитые кровью глаза сатиров, издевательски смотрящих на нее и огромных рогатых, чьи оранжевые взгляды были непроницаемы. – Не отдам... Ни за что... – она бессильно села, будто вложив последние силы в эти выкрики и произ-

неся последнюю фразу уже полупрошепотом, а малыш все-таки открыл маленькие, блестящие глазки-бусинки.

– Не отдашь Лиза... Не отдашь... – не очень-то веря самому себе, произнес Дмитрий, грустно глядя на девушку, будто опустошенную кратковременной истерикой.

– Ли-за должна быть сильной! Ребенку нужна сильная мать! – четко выговорил Лкетинг, внимательно рассматривающий ее пронзительным взором. – Ты будешь жить! И он будет жить! – глаза масаи мерцали странным огнем, а Лиза уставилась в них, словно взор покрытого шрамами туземца засасывал, но ее малютка заорал, и взгляд Лкетинг потух, словно чернокожего воина отпустило нечто, дающее знания о будущем.

– Ты еще и провидец?! – не слишком уверенно спросил Дима, сквозь закладывающий уши рев очнувшегося от безмятежного сна младенца, а татуированный негр непонимающе уставился на него. – А-а-а! – парень, исхудавший до размеров не очень толстой жерди в хлипком заборе, вспомнил, что тот не понимает многих слов. – Видишь будущее?! То, что произойдет?!

– Да! – величаво кивнул мускулистый воин, внимательно взглянув на проницательного парня. – Лкетинг видит будущее, но не часто! Лкетинг должен был стать шаманом! – страдающий от голода Такеши прислушивался к их диалогу, однако судя по его виду, пища волновала японца намного больше. – Только очень мало и редко! – туземец уныло приподнял уголки мясистых губ и дернул крепкими плечами, между делом звякнув поржавевшей цепью. – Как говорит шаман масаи, нить легко рвется! Картинки пропадают! Малыш Лизы... – он ободряюще кивнул страдальчески кривящейся девушке, а та отсутствующе улыбнулась, покачивая верещащего на весь хлев ребенка. – Проснулся и все! Не вижу! – негр развел руками, однако тут раскрыл голодный рот Такеши, не знающий куда сунуться, то ли в разговор, то ли молча ждать пищу.

– А как ты это видишь?! – страдальческий вой младенца разрывал уши, а чуть не плачущая Лиза пыталась его успокоить, суя под нос налитую сиську, но тому, оказывается, требовалось не это, ибо внезапно потянуло вонью, разбавившей и так не благоухающую скотскую стоянку, а девчонка как-то облегченно вздохнула, поняв, что ее обоссали.

– Разные картинки! – зашевелил крыльями носа Лкетинг и развел руками, где мускулистая правая легонько всколыхнула воздух перед лицом вздрогнувшего Дмитрия. – Без голосов и слов! Я видел, что она... – он ткнул пальцем в загорелую девушку, прислушивающуюся к его словам и аккуратно кладущую обделавшегося малыша на коленки. – И он... – его палец ткнул в орущего ребенка, заставляющего кривиться и нервничать всех уроженцев Земли с Адом. – Будут жить! Я видел их и много песка! Видел их и много воды! Видел их и много домов! – говорил масаи, а взор Лизы наполнялся надеждой на более-менее нормальное существование. – А дальше пусто! Малыш заплакал! – лицо туземца искренне погрузнело, и он моргнул ярко-голубыми глазами.

Тем временем соседки Лизы, будучи безвозмездно и совсем не за красивые фигуры спасены от летающих тарелок, стали смотреть на троицу «Спящих» понежней, и сейчас прислушивались к разговору между странными рабами, глупо раскрыв рты, и совершенно не кривя хари от вони и воя малыша.

– Хочу есть! – произнес Такеши, словно не было вопросов к воину-масаи, объясняющему принципы своего видения будущего. – Чего они там застыли?! – судя по наглости, увеличивающейся пропорционально чувству голода, маленький японец являлся еще тем проглотом. – Варгх стоит и ничего не делает, а эти свиньи к нему идут... – все больше храбреющий азиат называл трехметрового монстра по имени, будто тот был наглым пьяницей-соседом, любящим обоссать подъезд после чекушки самогонки. – Как они нас кормить будут?! Когда?! – но ответа ему никто не давал.

Сатиры, улучшившие настроение путем разбрасывания тяжелой посуды по «гостям» с Земли, пошли обратно, проваливаясь в прелый от старости пол в сторону Варгха, угрюмого и надутого, как огромный, обиженный мопс. Каждый из жирных поросят гнусаво ругался, проклиная наваленный в таком количестве растительный мусор и круглосуточно срущихся рабов-животных и вообще, судя по услышанному, ранее, когда деревья были молодыми, голожопые узники спали под открытым небом, не то, что сейчас разнежились, как продажные самки неких гуписов.

«Да-а-а-а... Клянусь, чем угодно, раньше Ад представлял, как ужасное, фантазмагорическое место, где все серьезно аж пи..дец... Очнулся ты такой, а рядом стоит куча чертей-бездельников, ожидающих именно твоего прихода, ведь ты такой ценный, да и типа каждый человек на Земле ценный, что демоны ждут его и никак не дождутся... И вот очнулся ты, а они радостно тебя режут, сдирают кожу, жарят, варят, бьют... Без слов, без эмоций, лишь чистая, незамутненная чувствами и желаниями работа... И так из столетия в столетие... Бессмысленные мучения, бессмысленный Ад... Это я сейчас понимаю, что если такой мир и существует, то где-то очень далеко и создан он могущественным существом, ненавидящим людей из-за некой душевной травмы, отчего мстит каждому представителю человеческой расы, да и то... Где он их берет? В астрале вылавливает, пока к чертям не улетели? Нанял работников с сачками для душ, которые сидят, курят, да перехватывают адские посылки... Это вряд ли, конечно... Люди не настолько хороши, дабы сильно запомниться... Но вот здесь, в Геенне Огненной я понимаю... Все при деле, работают, чего-то хотят, дом, рогатые детишки, охота, рыбалка и само собой недовольство жизнью...», – коричневым, даже почти черный благодаря сумасшедшим солнцам Ада парень понял, что сейчас кому-то придется наполнить грязное подобие ведра, дабы нести его к желающей жрать человеческой скотине.

И наступила тишина. Этакий момент истины, когда замирает гулко бьющееся сердце, предвкушая что-то давным-давно желаемое, и вот оно рядом, еще немного и упадет в трясущиеся от вождения руки... Грязные, не отмывшиеся кисти голодных рабов на всех цепях крепче ухватили тяжелую посуду для чего-то съедобного, сейчас неважно, лишь бы набить желудок, а уж потом подумать, что съел.

– Наполняй ведро Варгх! – подобие вышеуказанной емкости, как понял Дмитрий, оказывается так и называлось. – И иди кормить животных! – тяжело-пыхтящий свин командно посмотрел на недовольного монстра и обвел сопящим пятакон сгорбившихся узников, попавших в поле зрения налитого кровью взгляда. – Сил моих больше нет! Ненавижу! – свиномордый карлик люто зыркнул на не виноватых в ужасной судьбе рабов и плюхнулся шерстистой задницей на мягкий пол хлеба.

Огромный, покрытый железными шипами страшила не менее тяжело вздохнул, добавив вони в затхлый воздух и поднял грязное, литров на двадцать ведро, чтобы зачерпнуть из первой бочки некую питательную массу, а затем огляделся, видимо прикидывая, куда сначала идти. Что в этот момент происходило в уродливой голове, откуда предварительно забрали большую часть мозгов – неизвестно, однако кровожадное чудовище решительно двинулось в сторону второй и третьей цепи, что вызвало у Такеши подобие стога.

– За что мне такое наказание? – загоревшие руки субтильного азиата горестно опустили уже мысленно наполненную миску, а молодая женщина напротив него громко задала вопрос сквозь бесконечные вопли младенца, которого Лиза заботливо отмывала перед обедом, благо воды хватало.

– Неужели ты так хочешь есть?! Любишь кушать, наверное?! – ее симпатичное, когда отмытое лицо также выражало страдания, причем именно голодные, да и рычание живота не могло обманывать, но она в отличие от мучающегося вслух японца не выражала чувства так ярко.

– Угу... – жалостливо кивнул Такеши, держась за втянутый до позвоночника живот. – Очень! Еда – это моя страсть! Иногда мне кажется, что я родился кушать! – его ноздри легонько пошевелились, видимо запах младенческих какашек перемешанных с вонью хлева ему не нравился, в особенности с разговорами о любимом занятии. – Я может и худой, но поесть люблю! – азиат застенчиво улыбнулся и тяжело вздохнул, удивленно озадачив последними словами Дмитрия.

– Понятно! – устало кивнула женщина и замолчала, японец же страдальчески сглатывал слюну и нервно водил тонкими пальцами по поверхности помятой, наверное, об чужие лбы тарелкой.

Лиза, тем временем аккуратно зачерпывая воду, отмыла от говна верещащего ребенка, не забывая напряженно осматриваться и громко булькать изголодавшимся животом, а после ополоснула свои ноги, великолепные груди, загорелый живот и поочередно руки.

«Как же быстро люди привыкают к плохому... На самом-то деле для счастья достаточно побольше воды... А этот вонючий хлев, покрытый мягкой гниющей массой, так и вовсе пристанище бродячих королей... Что самое интересное, я совсем не скучаю по Земле, осталось лишь желание предупредить людей, как-то рассказать им об Аде, и возможно в будущем ни у кого на лбу не будет пятого тавро... Они поумнеют, станут лучше и всем будет намного легче... Хотя и слабо верится, что человечество готово поумнеть...», – Дима внимательно наблюдал за кровожадным Варгхом, подходящим к каждому рабу на противоположной стороне хлева, а трясущиеся люди зачерпывали из грязного ведра белесую массу с красными прожилками, ибо грызущий желудок голод был непередаваем.

Внутренности юноши, будто бились в непрекращающейся истерике, и требовалось обладать немалой силой воли, дабы перебороть всепоглощающее желание ЖРАТЬ, исходящее от зверя, живущего внутри каждого человека. Поэтому обнаженные люди и выбирали между тряской от ужаса и опусканием помятой тарелки в ведро с непрезентабельной биомассой. И судя по количеству «непонятно чего», вычерпываемого изголодавшимися рабами, угрюмому Варгху придется не раз и не два сходить к помятой бочке, благо посуду скоту дали чуть больше литра, а каждый его представитель наливал по краю.

«Как я понимаю заворота кишок и запора после столь длительного голодания не ожидается... Жрать хочется так, что теоретически всосется сразу в кровь...», – скептически размышлял желающий погрызть хоть копыто парень, морщась от криков ребенка, которого Лиза подняла на неутомимые руки, отмыв от стекших на прелый пол какашек.

Бедный Такеши вывернул лохматую голову так сильно, что его было жаль. Тощий японец, наверняка подсчитывал, когда подойдет нерасторопный Варгх и, судя по прищуренным блестящим глазам, получалось неприлично долго. Лкетинг в свою очередь задумчиво рассматривал воду в канаве, скрестив чернокожие ноги и вывалив мужское достоинство перед любопытными женщинами. Те же, хоть и прятали пугливые глаза от троицы «Спящих», да и в принципе любых других рабов, стеснясь то ли своей наготы, то ли разлохмаченных причесок, но на весомый причиндал масаи любознательно посматривали и во взорах мелькало вожделение.

А как иначе, ежели изживание животных инстинктов настолько тяжелая и упорная работа, что ни один Ад не сможет выбить это из людей. Можно лишь подавить их через ежедневные, ежечасные и ежеминутные избиения, голод, жажду, но стоит вернуться более-менее хорошему самочувствию и все повторится. Тело восстановится и потребует временно забытое старое, совсем ненужное на время выживания, ведь ради него человеческий организм с легкостью подавляет любые чувства и эмоции.

Толстожопые сатиры дружной компанией развалились на мягком полу, выпятив волосатые животы и отбросив в стороны зазубренные клинки, а бесстрастные черти, рассредоточившиеся по периметру людского хлева, как всегда ничего не делали, будучи готовыми в любой момент успокоить бунтующую толпу. Все-таки человеческая раса является еще теми отбросами, которые требуется долго бить, дабы вычистить придурь и ересь, селящиеся в головах с рождения и жиреющие с годами.

Варгх же тем временем накормил...

– Двадцать человек! Всего двадцать человек! – горестно всплеснул руками, зазвеневший цепью Такеши, считающий мгновения, когда ему навалят жрать, да побольше.

Каждый из счастличиков, виденных мучающимся азиатом, недолго размышлял употребить ему в пищу бесформенное содержимое тяжелой тарелки или отбросить в сторону, гордо выпрямившись и произнеся: «Я человек, а не животное!», – нет, ничего подобного. Пару мгновений «внимательного» осмотра и грязная рука трясущегося от страха и голода раба, уверенно ныряла в емкую посудину, дабы отправить в рот полную горсть белесой массы.

«Что там за хрень такая? Запаха нет, хотя через здешнюю вонь вряд ли учуешь, однако жрут так, что за щеками трещит, да еще чавкают, как свиньи...», – мысленно воюющий со свихнувшимся желудком Дима отчетливо видел и слышал, как голодные пленники уминают наваленное в тарелки противное нечто и сам был не прочь испробовать его.

Покрытый шипами Варгх в это время неторопливо развернулся и пошел обратно к бочкам. Видимо грязное, пожеванное жизнью ведро опустело быстрее некуда, а как еще, ведь озверевшие люди старались черпать с горкой, стараясь не обделить себя ни в чем. Правовверные мусульмане и вовсе не задумались, разрешит ли им Аллах употребить в пищу нечто с прожилками, как у сала – нет! Они зачерпнули столько, словно собирались поделиться с женами и детьми, стоящим где-то за уже закрытыми воротами, спрятавшими рабов от ночного багрового Ада, отлично видимого через крупные щели.

Трехметровый Франкенштейн поднял толстую, усиленную железом лапу и вновь заполнил ведро мерзкой на вид массой. Огромные ступни совсем не проваливались, когда неповоротливое чудовище с электрическим кнутом возвращалось «угощать» сереющих при его приближении рабов, однако по безмозглому монстру явно виднелось, что хоть данная работа ему и не по нраву, но кровавое веселье в Сортировочной отбивало весь полученный негатив. Возвращенное Адом чудовище нехотя продолжало неуклюжую кормежку голожопых узников, трясущихся от страха перед встречей с огромным уродом-официантом, но в тоже время готовящих миски, видя, как в экстазе чавкают соседи.

Малыш Лизы внезапно замолчал, и Дима моментально вывернул шею, дабы полюбопытствовать, что произошло с маленьким горлопаном, затыкающимся только во время сна или еды, и действительно... Все оказалось банально просто. Девушка каким-то образом засунула в маленький рот счастличика весомую сиську и отощавший юноша непроизвольно облизнул губы, что не осталось незамеченным молодой сексуальной матерью, но обошлось без едких комментариев.

Честно говоря, на сексуально-озабоченного парня навалилось странное состояние, когда жутко хочется спать, но есть хочется еще больше, а голова тяжелая-претяжелая, но это понятно, ведь столько пережив, разум требует обработки информации, что без крепкого сна невыполнимо. Таким образом, совокупность данных ощущений отбивала какое-либо желание разговаривать и сто процентов не только у него, ибо бульканье, рычание и «плач» желудков всех рабов и рабынь Ада слышались, как массовое кваканье лягушек.

– Сорок два! – раздался тонкий, страдальческий голос Такеши, жующего щеки, а спасенные от тарелок женщины посмотрели на него, грустно вздохнув, что вполне естественно, ведь любая девушка инстинктивно хочет накормить голодного парня, тем более ее героя.

Вот только потчевать бедного японца было нечем, поэтому приходилось просто сочувствовать ему. Все-таки удивительно, каким разным может быть человек... Обладать огромной силой воли, пройти столь нелегкий путь, измочалив ноги о неровные камни и пережив плети с мощными ударами током, однако пускать голодные слюни при виде тарелки с едой и переживать за нее, как ребенок.

«Такеси, Такеси... Смотри миску не сгрызи...», – мысленно улыбнулся уставший донельзя Дима, представив с какой жадностью будет утолять голод азиат, а видимо отразившиеся на лице положительные эмоции, не остались упущенными успокоившейся Лизой.

– Чего улыбаешься? – привыкающая к странностям «Спящего» девушка наслаждалась тишиной от чавкающего ребенка и страдальчески переживала чувство голода, о котором громко «плакал» желудок.

– Да так... Подумал кое о чем... – с запинкой пробормотал Дима, желающий как можно быстрее пожрать и вырубиться, дабы снять напряжение с тяжелой головы и уставших глаз. – Настроение такое поганое... – последние слова прозвучали глупо, ибо худой парень находился в Геенне Огненной.

– Ого! – расширила карие глаза Лиза. – Не буду спрашивать, насколько оно плохое, если до этого, оказывается, было нормальное! – девушка озадаченно потрясла немойтой головой, не понимая улыбаться ей или нет. – Как вижу я, здесь ни у кого нет хорошего, а знала бы, что все мои проблемы на Земле окажутся ничем по сравнению с нынешней жизнью, даже не переживала бы о них... – она нежно посмотрела на своего маленького проглоты, которому отчаянно завидовал Такеси.

– А Лкетингу нравится! – оторвавшийся от воды воин-масаи разбавил их диалог. – В Африке Лкетинг привык! Все знал! А здесь Лкетинг неуязвим и силен! – покрытый сухими мышцами туземец искренне радовался новому качеству, дающему ему больше возможностей.

– Честно говоря, мне тоже лучше, чем на Земле... – неуверенно пробормотал Дима, а Лиза ахнула, откровенно колыхнув грудями, что заставило скривиться чуть не взывшего малыша, но молодая мать даже не заметила своей оплошности.

– Лучше? Как здесь может быть лучше? – шокировано спросила она, не забывая следить за рогатой братией, а растрепанные женщины рядом с ней удивленно захлопали глазами, буквально отпрянув назад.

– Ну... – Дима открыл рот и замолчал, не зная, как обосновать свои чувства, однако покрутив пальцами в воздухе, нашелся. – Еще живой... – он вновь замолчал, хмыкнув, понимая, как это странно звучит. – На Земле я не понимал зачем живу и смысл в собственном рождении... Все люди, как люди! Работают, заводят детей, платят кредиты, бухают по выходным и прекрасно себя чувствуют, а мне их радости вообще по барабану, зато здесь я себя чувствую намного уютней, а они наоборот нет! – он повернул шею, пройдясь серо-голубым взором по уходящим метров на сорок узникам с пятым тавро.

– Честно говоря, Дима-сан, среди них... – японец соизволил оторвать голодный взор от адского Франкенштейна, неторопливо кормящего голожопых рабов и сейчас пошедшего за следующей порцией. – Ты как раз и считаешься безумцем, но лично мне твое мнение импонирует! Я сколько жил, только и думал о рисовании, однако мои желания ломались вечной работой! Проклятой зависимостью от денег! – азиат сжал маленькие кисти на помятых гранях тарелки. – В Лондоне сам стиль жизни такой, что связан лишь с работой! Безработные там очень плохо живут, – он шмыгнул носом, кинув страдальческий взор на трехметрового монстра, зачерпывающего грязным ведром из бочки. – Им нечем платить за газ, электричество и еду. Они мерзнут и вечно болеют, а любые навязчивые мысли лечат антидепрессантами, что часто приводит к самоубийствам... – азиат вздохнул и сглотнул слюну. – Я сам пил антидепрессанты, но стал медленно думать... – Такеси яростно зачесал голову,

словно показывая, как он ее ускорял. – Поэтому бросил, а начинал их пить, так как видел кошмарные сны... – он вздрогнул. – Которые перерисовывал в обеденное время на работе... Коллеги надо мной смеялись, хоть и говорили, что я хорошо рисую, однако современный мир не понимает этих ценностей! Людей с детства учат, что нужно заводить банковский счет, учиться тому, что преподают в школе, а если ребенок туда не ходит, то штрафуют его родителей... У моей семьи не было иного выхода, кроме как работать, ведь жить и кормить большую семью очень тяжело, а в Японии еще хуже... – азиат грустно уставился в воду, временно забыв о воющем желудке. – Люди умирают от инфарктов по дороге домой... Ты прав Дима-сан! Здесь лучше, потому что я чувствую, как становлюсь самим собой, и ко мне возвращается желание жить и удивляться! Сейчас я понимаю, что вернись обратно в прошлое с новыми мыслями – переехал бы куда-нибудь в глушь, где радовался бы жизни, рисуя картины и зарабатывая на жизнь через интернет, пусть немного, но мне бы хватало... – Такеши моргнул раскосыми глазами, а Лиза, ее соседки и несколько сидящих рядом узников уставились на него и, наверное, только Дмитрий с бесстрастным масаи точно понимали, что именно пытался донести маленький японец.

– Что-то в твоих словах есть, я не спорю... – задумчиво пробормотала девушка, с любовью глядя на морщащегося от удовольствия малыша. – Просто я об этом никогда не задумывалась... У меня была своя жизнь, со своими интересами и ценностями, – она облизнула пухлые губы, отчего глумной, как валенок Дмитрий почувствовал легкий толчок крови в паху, быстро сошедший на нет. – Как я понимаю, вы трое мыслите одинаково, поэтому спорить с вами бесполезно, но тогда скажите мне, пожалуйста! – она повысила голос, не забыв зыркнуть по сторонам, дабы не привлечь внимание адской братии. – А что делать нам?! – Лиза, взявшая ответственность за человечество, обвела рукой его представителей в хлеву, звучно чавкающих и слегка похрюкивающих в процессе пожирания бесформенной, отвратительной на вид массы. – Тем, кого они... – она кивнула в сторону ближайшего рогатого, мгновенно устремившего на нее оранжевый взор, однако быстро убравшего, ибо не заметил за девицей ничего плохого. – Называют животными?! Они называют скотом и животными нас – людей! Делают с нами все, что пожелают! – ее голос желал сорваться на крик, но умная девушка умело сдерживала себя от глупого поступка. – Что делать мне, если нас с сыном разлучат, и я не буду знать, куда направится он и я сама? Может мне придется раздвигать ноги перед чертями... – она вздрогнула и передернула плечами, а ее косматые соседки закрыли рты, словно в рвотных позывах. – А его скормят адским богачам! Или продадут в сексуальнее рабство, где разорвут пополам... – ее срывающийся голос затих, из карих глаз полились слезы, а ощущающий ком в горле Дима не знал, чем ей помочь, нервно водя пальцами по миске.

И не то, чтобы ей... Он не знал, как помочь самому себе, будучи не в курсе своей дальнейшей судьбы, ибо мог только предполагать. Как объяснил старый Анатон, ангелам его не продадут, на корм рабам или жителям Геены Огненной тоже, а насчет неких скрытых способностей «Спящих» ничего не знал, а мог лишь догадываться. Даже, если что и проскальзывало – это ни о чем не говорило, ведь чего-то определенного не было. Это Лкетинг – шаман и умелец разговоров с животными, да и subtilный Такеши непонятно почему «Спящий»... Не только же от умения рисовать сказочные миры, да и вообще рисовать? Должны же у него... Даже не у него! У них троих обязаны быть иные тайны, кроме той, что они прибыли на Землю, дабы нести людям свет.

– Я не знаю! – честно признался он, озадаченно нахмурившийся, оглядев тех «рычащих» животами рабов, до которых мог дотянуться серо-голубым взором. – Я не виноват, что мы настолько разные! Это не воспитание, а часть души! Когда я умер, то не знал, что со мной будут обращаться лучше, хоть и жил хуже многих... – он замолчал и как-то виновато посмотрел на Лизу, поглаживающую по маленькой головке оторвавшегося от сиски младенца. – Тебе просто не повезло, но тебя никто и не учил, что может произойти подоб-

ное! Здесь некого винить! Никого из нас на Земле не учили, что смерть выглядит именно так, поэтому необходимо смириться и постараться стать сильнее! Ничего иного не остается! Посмотри на него, – он кивнул на прямого спиной Лкетинга, выглядящего хозяином людского хлева. – Знаешь в чем его отличие? – разговорившийся мальчишка забыл, что хотел спать и есть, обведя головой женскую цепь и не желая тратить время на свою. – В том, что он не боится и для него это нормально, хотя еще недавно считал происходящее сном! – масаи недовольно поджал мясистые губы, отлично помня оплошность, вследствие которой считал Диму с Такеши глупцами. – Этот человек – дитя природы, гармоничное с любым миром и не старающееся сбежать от реальности в отличие от всех, кого я вижу! – парень раздувал ноздри, яростно выговаривая наболевшее. – Тех, кто старается спрятаться от Ада, но не может, так как продолжает жить, как на Земле! Я не знаю, что будет со мной и он... – набрав мерзкого воздуха, парень кивнул на японца, поглядывающего на Варгха, кормящего рабов на другой стороне хлева. – Не знает, и он... – загорелая рука коснулась покрытого шрамами туземца, внимательно слушающего его монолог. – Тут все порядком насмотрелись ужасов и понимают, что будет нелегко, а очень больно, но я уверен, что люди, вышедшие в цепи добровольно, получают лучшее... – он на мгновение задумался. – Не постесняюсь этого слова – существование, чем те, кого ждет действительно Ад! – выговорившийся парень замолчал, жадно дыша хлевной вонью.

Его пламенная речь, какие-никакие, но результаты дала. Человек шесть женщин взбодрились, будучи храбрыми добровольцами, а вот узники, прикованные после пускающего голодные слюни Такеши помрачнели и сгорбились еще больше, а один вовсе глухо завыл.

– Отпустите меня! Пожалуйста! Или убейте! Я не хочу жить в Аду! Не хочу существовать! Пожалуйста! – жалобный, походящий на детский плач вой заставил сытого младенца на мгновение повернуться в сторону внешнего раздражителя, видимо малыш подумал, что где-то рядом ищет сиську юный собрат, но не найдя, вернулся к бессмысленному хлопанью глазенками.

Один из блаженно развалившихся на мягком полу сатиров раздраженно поднял рогатую голову со свиным пятакон, дабы взглянуть, кто мешает заслуженному отдыху и увидел истерично-воющего раба, дергающего цепи, как ни странно тихих собратьев.

– Да чтоб тебя! – гнусавый голос свинорылого демона вспорол тишину, заполненную звуками голодных желудков. – Кто-нибудь успокойте его! Поздно выть скотина! В Сортировочной надо было! – один из ближайших рогатых, услышав приказ-просьбу жирного помощника Джумоука, двинулся к верещащему рабу на широких копытах, почти не проваливаясь в прелую поверхность хлева, а дойдя, просто взял и слегка придушил бугрящейся мышцами лапой.

Плаксивый вой прервался также быстро, как и начался, а истеричка мужского пола посинела и задрыгала ногами, ухватившись тощими руками за толстое запястье черта, пытаясь разжать мощную кисть, но все попытки были безуспешны, да этого и не требовалось. Рогатый воин сам знал, когда разжать практически стальную пятерню, и угомонившийся узник освобождено захрипел, обвалившись, как тюфяк с навозом.

– Вот так-то! – довольно прогнусавил полулежащий на боку сатир и, засунув в клыкастую пасть неизвестно, где найденную соломинку, завалился обратно на спину, а блестящий оранжевыми глазами черт неспешно двинулся обратно, помахивая лысым хвостом из-под кожаной юбки.

Неторопливый Варгх тем временем, как раз накормил обе цепи счастливых на другой стороне, что мгновенно прокомментировал непрерывно следящий за сиим действием Такеши.

– Сейчас принесут еду! – маленькое лицо с узкими глазами засветилось счастьем, тощие руки крепко сжали тарелку, а японское брюхо заурчало, как разъяренный кот. – Сей-

час поем и спать завалюсь! – он радостно смотрел на Лкетинга с Димой, словно вокруг был не Ад, а парк Нью-Йорка и жареные сосиски.

– Лкетинг тоже голоден! – еще раз пропел свою песню белозубо улыбающийся масаи. – Сильно-сильно! Буйвола съем! – он с силой хлопнул кулаком по крепкому животу, глаза же сидящих напротив и рядом рабов с рабынями также загорались, видя, как трехметровый монстр движется в их сторону.

Варгха в детстве определенно не учили правилу: «Женщины вперед!», – поэтому кровожадный монстр начал с Димы, подойдя к нему и чуть не воткнув в глаз длинный шип, торчащий из толстой ноги. Две его огромные ступни замерли возле худющего юноши, ощутившего, как потяжелели конечности, а сердце пустило адреналин в кровь, ибо злобный взгляд трехметрового монстра не выражал любви.

Высокое ведро правильной формы, но грязное, помятое и в липких разводах, содержало белесую массу с красными прожилками густой консистенции, а Дмитрий еще подумал, что вблизи она выглядит намного хуже, чем издалика, однако осторожно зачерпнул тарелкой по самые края. Рабская пища без какого-либо запаха заполнила красноватые внутренности железной посуды, а голодный мальчишка со страхом вздохнул и поставил ее рядом, зачем-то кивнув чудовищу.

Варгх в ответ прищурил маленькие глазки и злобно зарычал, отчего юноша нервно дернулся, но адский Годзилла уже шагнул к не обращающему на него внимания Лкетингу. Такеши же, судя по его бесстрашному виду, и вовсе забыл, как впервые впал в беспамятство при виде монстра, ибо вожаденно смотрел на ведро в усиленной железом лапище, а также на полную тарелку у ног Дмитрия. Судя по лицу японца, он был готов украсть тарелку товарища, сожрать и не посчитать это заторным. Да уж... У всех свои слабости.

Лкетинг тем временем не глядя на Варгха, зачерпнул по самые края еды скорее для поросят, чем людей и поставил тяжелую миску на скрещенные ноги. Кровожадного монстра это видимо оскорбило, ведь его редко кто игнорировал и он гулко зарычал, подняв ведро мощной лапой. Далее мстительное чудовище сделало большой шаг мимо туземца, будто случайно ударив его двадцатилитровой посудой по спине, отчего немного так называемой еды плеснуло масаи на голову с шеей. Туземец от подобной наглости посерел, но промолчал, стоически вытерпев выходку генетически-сконструированного чудовища, удовлетворенно заворчавшего и поставившего ведро рядом с ошарашенным его приходом японцем.

Изголодавшийся Такеши затрясся, как закрытый в подвале кот, съевший за неделю всего одну мышь с двумя гнилыми луковицами, и ходящими ходуном руками засунул миску в полную жратвы тару, не забыв опустить внутрь маленькие кисти. Прожорливый азиат руководствовался принципом «попозже слижу», и ежели, когда глубокая миска опускалась, его руки тряслись, как с перепоя, то обратно он их вытаскивал с хладнокровностью бильярди-ста, участвующего в чемпионате мира.

Как азиат и желал, помятая тарелка оказалась наполнена с маленькой горочкой, и он аккуратно поставил ее на скрещенные коленки, зачерпнув горстью правой руки густую, отвратительно выглядящую жижу. Преобразившийся лицом японец напоминал дорвавшегося до опохмелки алкаша, жадно всосав содержимое ладошки, а наблюдающий за ним Дмитрий жутко хотел сделать так сам, но был терпелив до невозможности, правда сам не понимал, зачем терпит.

Почему не ел масаи – отдельный вопрос, но скорее всего мускулистым туземцем владела звериная ярость, наполнившая война после поступка кровожадного Варгха, удалившегося к трясущимся при его приближении рабам, но при этом жадно опускающим миски в ведро. Лкетинг же недвижимо сидел, уставившись в воду ярко-голубым взором, и судя по всему, она была просто обязана закипеть.

Субтильный азиат чавкал так, что за ушами трещало, и двое сатиров приподнялись взглянуть, кто посмел составлять конкуренцию их земной родне, ладонь же Такеши мелькала с такой скоростью, что было невозможно уследить, видимо сказывались тренировки в детстве. Женщины напротив зачарованно за ним наблюдали, ведь каждая нормальная баба любит наблюдать, как ест изголодавшийся мужик, а уж этот похожий на подростка тип, спасший их от тарелок в голову, жрет так, что любо-дорого глядеть.

Димин живот вновь истошно взвыл, и парень вздохнул, решив его послушаться. Грязная ладонь опустилась в глубокую миску, и он ощутил ее содержимое, чем-то похожее на желе, которое мать готовила ему в детстве. Сжав пальцы горстью, он вытащил заполненную «вкуснямбой» ладонь и отправил ничем не пахнущую, мерзкую массу в рот, пожевал, однако вкус практически отсутствовал. Если только совсем чуть-чуть сладко, почти не ощущимо. Парень напряженно проглотил это, желудок удовлетворенно хрюкнул и тогда Дмитрий смелей взялся за дело, начав махать ладонью, как Такеши, правда, прилично отставая в скорости. С каждым глотком питательной массы, которая, как говорил Анатон, состояла из людей и иной белковой дряни, ему становилось легче и легче. Плевать, что человеческих рабов кормят человечинной, ведь можно представить, что ее совсем мало, но умереть от голода из-за нежелания есть – это смешно.

Никто не спорит, что вышестоящие морали требуют не пожирать себе подобных, однако Дима считал, что ради выживания можно позволить себе и не такое, тем более он не убивал, да и не смог бы убить человека ради еды. А переработанные люди, смешанные с адскими жуками, крысами, сдохшими чертями и еще кем-нибудь, уже не люди, а питательная масса. Обычное мертвое тело с отсутствием души или сознанием – кто что заслужил. Тем более с такими таблетками, как дали всем рабам, через некоторое время началось бы стремительное возрождение каннибализма внутри их тусовки, поэтому безвкусная белковая масса наилучший вариант питания. Мусульманский Коран гласит, что если правверный умрет от голода, обладая возможностью съесть мясо грязного животного, то не попадет в Рай, ибо мог спастись, ведь в тяготах и лишениях позволено очень многое.

Парень жадно дохлебал безвкусное содержимое миски и, собрав пальцами остатки – облизал их, извиняющееся взглянув на Лизу, отчаянно ему завидующую. В животе стало хорошо-хорошо, а идущее из него тепло равномерно распределялось по телу, наполняя разум сытой сонливостью и Дмитрий, забыв обо всем, улегся на мягкий, прелый пол, до предела натянув цепь на шее масаи. Конечно, проскользнула мысль, что надо бы поделиться с молодой матерью, ущемив себя, а потом забрать порцию девушки, но он эгоистично отбросил ее, решив, что сие мелкое облегчение тяжелого креста Лизы ничего не даст.

Неподалеку развалились жирные, наверняка не собирающиеся вставать сатиры, недовольно рычал гигант-Варгх, сделавший следующую ходку до бочонка с едой, а за общим спокойствием в вонючем помещении следили бесстрастные черти, прекрасно отрабатывающие свои деньги или чем им там платят. Узники на второй и третьей цепях почти все завалились спать, но внутри белковой массы определенно отсутствовало снотворное, просто измотанные тела желали восстановиться, наконец-то получив питательные вещества. Тяжелый адский день с двумя солнцами, сгоревшим кожным покровом, огромной усталостью и множественными переживаниями делал свое дело и все засыпали.

Сыто отрыгнувшийся Лкетинг не обратил внимания на все еще голодных женщин, жадными глазами рассматривающих жрущих, как поросята мужчин, зато, будто только сейчас заметил, что завалившийся спать Дима натянул кольцо на его шее и недолго думая, блаженно рухнул рядом. Его движение повлекло натяжение цепи Такеши, но японец не повел

глазом, ибо грустил над пустой тарелкой с уже склоненной головой, что-то шепча себе под нос, масаи же довольно улыбался.

– Лкетинг будет спать! Хороший день! Хорошо поел! Все хорошо! – воин-масаи чувствовал себя лучше кого бы то ни было, не думая о завтра, ибо жил жизнью воина, а не крестьянина, заботящегося о посевах, поэтому не считал нужным смотреть вперед.

Унылый же Такеши еще с минуту смотрел в глубокую, пустую миску, видимо горюя из-за отсутствия чудес, среди которых вся посуда бесконечна, а еда волшебная на вкус, однако долго это продолжаться не могло, поэтому он смиренно лег на спину, сложив руки на вздувшемся животе.

– Хорошо-то как... Не чувствовал себя так прекрасно с тех пор, как пошел в школу... – он блаженно вздохнул и закрыл узкие глаза, не обращая внимания на узников с пятым тавро, ненавидящих его с друзьями и немых женщин, коим понесли еду, правда с другого конца от Лизы, но тупого «официанта» потому и звали Варгхом, что у него отсутствовала логика.

– Так мало нужно... Еда, вода, мягкая поверхность и сон... Как же мы недалеко ушли от животных... – засыпая, пробормотал Дима, комментирую высказывание японца. – Надеюсь, пока мы будем спать, ничего не произойдет, да и не должны черти дать нас в обиду, как бы глупо это не звучало, – он издал легкий хмык, слыша громогласное бульканье в животе зверски голодной Лизы. – Хорошо, когда дорого стоишь... – он погрузился в полную беспорядочных картинок тьму, а Лкетинг уже громко храпел, и если он также спал в джунглях, то странно, почему туземца не сожрали раньше, чем он рухнул в пропасть.

– Ага... – невнятно пробормотал Такеши, облизнувший узкие губы. – Всем спокойной ночи, – и уснул.

Многие их спутники поневоле, прикованные к той же цепи, сонно помаргивая, смотрели на злейших врагов, коих можно было придушить, а те бы и не заметили, однако они помнили о перевитых мускулами чертях, внимательно их рассматривающих, поэтому откинули мерзкие желания и как бы не боялись – ложились спать и моментально вырубались.

Ну, а женщины дождались своих порций и съели их намного жадней, чем спящая мужская половина, поняв, что можно никого не стесняться. Чавканье и всасывание еды с грязных рук наполнило человеческий хлев, и красивая Лиза ела так жадно и громко, что Такеши мог позавидовать, однако это вполне естественно. Женские туалеты в общественных местах выглядят столь отвратительно, будто туда ходят безмозглые животные и это является проклятием уборщиц, но так как мужчины уснули, то не сумели увидеть истинных лиц настоящих, проголодавшихся женщин, готовых на все ради еды.

Глава 4

...Дмитрий моргнул и оказался сидящим на все том же песчаном пляже... Замершем во времени пляже, на котором, то ли живет, то ли бродит его престарелая Совесть, и он отчетливо помнил все их прошлые встречи с болезненными завершениями, слившиеся в непрерывный калейдоскоп, где между кипящей водой и приятным теплым песком отсутствовали темные места.

«Отлично... Значит там я жив и вновь пришел отдохнуть... Просто замечательно... Но все-таки... Как получается, что в реальности я нахожусь в Аду, но не помню происходящее здесь, зато, когда просыпаюсь тут, ничего не помню про там... Хотя это нельзя точно утверждать, ведь, если здесь я не помню про там, то не могу говорить, что там не помню про здесь... Бред какой-то... Главное не запутаться, да и вообще не задавать себе таких вопросов... Ну, если только разочек... Еще одно маленькое предположение... Так вот... Кричат же люди во снах, но когда их будят, то понятия не имеют, что орали... Наверное, и у меня также.... Ведь, что бы Совесть не рассказывала, но хотелось бы дойти до всего своим умом...», – он с усилием поднялся на ноги, выпрямив ломящую, словно от недавних мышечных нагрузок спину и отряхнув затертые до дыр джинсы, двинулся на поиски лавки, пиная разлетающийся песок, пока не выпнул свернутую в трубочку газету.

– Вот ты где! – ничуть не удивленно произнес парень, наклонившись за чтивом, принесенным ему Совестью. – Газета для тех, кому надо проснуться! Ну и чего там? – он с разгорающимся азартом развернул ее и увидел название статьи «Жизнь выбор, а не судьба!», а под ней четко различимые буквы. – Наконец-то! Итак... Что тут такого особенного написано? – Дима бухнулся задницей на мягкий пляж, однако понял, что мешает некая выпуклость.

Он повернулся, и пошевелили задом, дабы рассмотреть взявшийся ниоткуда внешний раздражитель под ягодицами и увидел одетого в белоснежный костюм и шляпу старика, а сам сел, оказывается на его ботинок.

– Привет, – буркнул ничуть не удивившийся юноша и уставился обратно в газету, собираясь узнать истину, однако острая коленка надоедливого деда воткнулась в болящую спину, создавая отчетливый дискомфорт. – Блин! – Дмитрий зло подскочил. – Ты же буквально всучил ее мне! Типа держи, вот-вот прочитаешь, и будешь знать все обо всем, а теперь наоборот мешаешься? – он, яростно сопя, уставился на благообразного старичка.

– И тебе привет! – улыбнулся дедуля, как всегда, не обращая внимания на его вопли. – Каждый раз, когда я прихожу, ты начинаешь с криков, а прошлые два раза вовсе швырялся песком. Ты вообще когда-нибудь бываешь в хорошем настроении? – на взгляд разозлившегося парня Совесть задала глупый вопрос, ведь сама должна знать ответ.

– Как я могу быть в настроении, если пребывание здесь – это непрерывная череда кипящих морских волн, кошмарной боли, а затем нового сидения на песке, но самое раздражающее, что между всем этим я ничего не помню!! – взвился парень, с силой кинув газету под ноги, ибо обсыпание деда песком было бессмысленно. – Плюс ты еще рассказал, что здесь зарыта та моя плохая часть, которую я всю жизнь с любовью воспитывал, а потом лично похоронил! Мне до сих пор жутко от давно забытого того, что я когда-то натворил! Да чего уж там!! – Дима зло и смачно плюнул вдаль. – Твои такие обычные и будто естественные рассказы о моем добровольном исправлении на Земле и нынешнем нахождении в Аду! Разве человек может такое выдержать?! Все, что ты мне рассказываешь?! Да любой другой свихнулся бы, а я принимаю, как данность и затем ныряю в кипящее море, чтобы вновь оказаться тут! – юноша напряженно сопел, не спуская серо-голубых глаз с вни-

мательно слушающего его старика. – А теперь и читать не даешь! Я начал видеть буквы! Понял! Ха. Ха. Ха, – он направил в морщинистое лицо указательный палец.

– Молодец! – искренне обрадовался благообразный старик, не обратив внимания на грубый жест и издевательский смех мальчишки. – Если сумел разглядеть буквы, то скоро увидишь слова! Значит там... – он направил взор вниз. – Ты меняешься! Становишься другим! Наступит время, и ты начнешь помнить происходящее в обоих местах, – Совесть бодряще подмигнула и направилась лавке. – Жарко здесь! – дед присел и снял шляпу, открыв солнцу блестящую лысину.

Озадаченный Дима тем временем поднял газету и раскрыл. Старик, как всегда оказался прав. Буквы были четкими, вот только не содержали смысла, ибо были вперемешку напечатаны.

– Угу... Понятно, что ничего не понятно... – он огорченно бросил «волшебную» прессу на теплый песок пляжа и присыпал, дабы не унесло в море, прекрасно понимая, что никуда она не денется, ведь это место придумано им самим, как этакий душевный санаторий. – И чего там меняется? – парень ткнул исхудававшим пальцем вниз, да и руки были отощавшими, однако он не обратил на это внимания. – Расскажи мне хоть немного, что происходит... – он с усилием сглотнул и уселся рядом с Совестью. – В Аду, – старик же в ответ тяжело вздохнул, и еще раз обмахнув шляпой лицо, водрузил ее на голову.

– Не могу! Ты отлично знаешь, что любая совесть отталкивается от воспоминаний, начиная давить именно на них, а как я могу рассказывать о том, чего не знаешь ты сам, а точнее запрещаешь себе знать. Я могу сказать лишь одно! Там... – старческий палец снова указал вниз. – Тебя не мучают никакие угрызения совести, ибо ты считаешь, что все делаешь правильно! Становишься самим собой! Рожденным для подобного!

– Для Ада?! Я родился для Ада?! Что за бред ты несешь?! – Дима скептически посмотрел на заговаривающегося дедулю, покрутив пальцем у виска, но тот снисходительно улыбнулся.

– Все рождаются для жизни, но какой? Большинство этого не знает, живя бессмысленно, без какой-либо цели и лишь редкие индивидуумы однажды решаются вырасти... Стать действительно взрослыми! – Совесть остро взглянула на Дмитрия, а парень нервно моргнул, ощутив дрожь по позвоночнику. – И тогда они набираются храбрости и покидают отчий дом! Покидают, понимая... – старик сверлил пронзительными глазами мальчишку, съездившегося от холодной дрожи уже по всему телу. – Что обязаны вырасти, и обратного пути нет! Посмотри на себя! Посмотри! – юноша непроизвольно уставился на живот, скрытый грязной футболкой, понимая, что выглядит глупо. – Судя по созданию, закопанному здесь, – благообразный дедуля неопределенно кивнул на пляжный песок, а нахмурившийся Дима встал, засунув руки в карманы джинсов, и отвернулся на красноватый закат. – Ты очень давно покинул свой настоящий дом...

– Как я понимаю существует возможность, что она или оно, как его там, проснется и вылезет... И тогда я стану другим... – он на мгновение замолчал. – Человеком... Да? – он вопросительно посмотрел на облокотившуюся о спинку лавки Совесть.

– Заданный тобою вопрос имеет два ответа, – неопределенно улыбнулся старик, подтянув светлую штанину и закинув ногу на ногу. – Она может выбраться, во-первых... – дед ткнул пальцем в безоблачное небо, заостря внимание на своих словах. – Если ты сам этого захочешь, а во-вторых, если там... – старческий палец изменил направление на землю, а скорее под нее. – Ты не сумеешь контролировать свои низменные инстинкты, что происходит довольно часто и тут главное не перейти определенные границы, – дед усмехнулся, а юноша наоборот нахмурился, не видя ничего смешного. – Последние свои жизни ты учился существовать среди людей, не пытаясь влиться в их общество, отвергающее тебя не в первый раз. Оно примет тебя лишь тогда, когда ты согласишься играть по его правилам, но этот

путь тебе противен, ведь тогда от твоего истинного «Я» ничего не останется, как и сдохнет закопанная здесь Тварь, да и я тоже... – теперь уже как-то уныло хмыкнул дед. – Игра по общественным правилам – это превращение в пустышку, марионетку, когда твоими ниточками являются нормы поведения и бездумное копирование интересов окружающих. Ты сам прекрасно знаешь, как выглядит жизнь по шаблону и отличный пример – твоя мать, боящаяся хоть капельку отличаться от соседей, не в обиду будет сказано, – Совесть откинулась на нагретую спинку, а Дмитрий бесстрастно кивнул и, вытащив руки из карманов, уселся на теплый песок вместо лавки. – Так вот. На следующие сотни и сотни лет, если сумеешь вернуться из Ада... – парень недоуменно моргнул, но дед продолжал говорить. – У тебя остается только один вариант жизни... Постоянно контролировать его – Зверя внутри, беспокойно-спящего до поры до времени, – неопределенный кивок морщинистого дедули указал на восхитительный пляж, омываемый безбрежным, ласковым морем.

– Рассказал бы кто-нибудь подобную ересь мне раньше, плюнул бы ему в лицо, но сейчас... Я отлично помню, что когда меня первый раз накрыло кипящим морем... – удобно сидящий на песке перед лавкой парень зябко передернул костлявыми плечами. – Я увидел черта! Настоящего! Такого же, как их описывают алкаши, да и вообще изображают по всему миру! Огромного и рогатого... – костлявые плечи мальчишки вновь зябко дернулись. – Стоящего в уродливой, будто древней, маленькой комнате... Это меня там мучили? Да? – сглотнул ком в горле парень и уставился на задумчивого старика, а тот бесстрастно кивнул. – И почему я раньше во снах никогда не помнил про это место и тебя, а только последние разы?! Почему лишь после... Как ты говоришь смерти, я могу помнить наши разговоры?!

– Потому, что ты начал слушать меня... – грустно вымолвила Совесть, приподняв старческий подбородок, дабы коснуться им вечернего солнца. – Ты никогда не желал разговаривать со мной, в особенности, после того, как закопал ее... Ты растил меня, да! Но нормально общаться... Это выше твоего предела... – он с горечью взглянул на виновато уставившегося в ноги мальчишку. – Все то время, что мы вместе, причем заметь, по твоей инициативе! – дед обвиняющее ткнул пальцем в сгорбленного юношу. – Ты бежишь от себя, меня и прячешься от людей, ибо каждая твоя попытка подарить кому-либо своей, непохожей на другие, искренней любви и получить взаимную – заканчивались плачевно. Только с закопанным здесь созданием у тебя что-то получилось, пусть даже после каждого выслушанного ее совета ты терял частичку настоящего себя, а со мной... – Совесть горестно хмыкнула и махнула рукой. – Вспомни себя маленького. Ты родился, жил, развивался, но угрызения настоящей совести стали мучить тебя годам к одиннадцати, не ранее. Все мои более ранние советы, это так... Детский лепет, а вот потом, когда ты постепенно вырос, и поступки ухудшались с каждым годом, то старался сбежать туда, где уютно и защищено, – старик охватил рукой пляж с морем. – В место, созданное внутри себя тобой же, где ты сам выбираешь – слушать меня или нет. Поэтому, как только ты умер и протрезвел, то сразу пришел в чувство и с повинной головой решил выслушать меня, инстинктивно вернувшись в свой маленький мирок, – Дима нахмурил брови, но промолчал, решив отбросить эмоции куда подальше. – Это только с виду все выглядит довольно запутанным, на деле же очень просто. Как люди прячутся от совести? Употребляют алкоголь и наркотики, дабы провалиться в насильное беспмятство, но мало кто из них знает, что совесть все равно наведывается в их сны, туда, где они прячутся от жизни в материальном мире, ничего о нем не помня.

– Вот значит как... – задумчиво пробормотал отощавший мальчишка, нырнув тощей пятерней в подмышку и с наслаждением скребя там. – Понятно почти все, кроме одного. Какой все-таки смысл твоего появления в моих снах, если ты все равно не помнишь происходящее за ними?

– *Разговоры! Совсем недавно мы с тобой это уже обсуждали, – ласково улыбнулся старик. – Тем более, как раз ты и запрещаешь пользоваться своей памятью, вследствие чего я могу лишь отвечать на вопросы и говорить о наболевшем, надоедая тебе, – Совесть усмехнулась и чуть поправила старческий зад на твердой лавке. – Допустим, помочь решить ту или иную проблему, тем более, где еще как не во снах, искать ответы? Ты же знаешь пословицу: «Утро вечера мудренее», – и ведь действительно! Часто просыпаясь по утрам, уже видишь ответ на интересовавший тебя вчера вопрос.*

– *Хочешь сказать, что любой, кто хоть как-то провинился перед самим собой, разговаривает по ночам с совестью? А, если ее нет? – парень задал встречный вопрос, желая разобрать сумбура в голове*

– *Если ее нет... – старик замер и замысловато постучал узловатыми пальцами по деревянной лавке. – Значит, миниатюрное подобие закопанного тобой создания до сих пор идет рядом с этим любимым, убаюкивая его на ночь ласковыми колыбельными, в которых поется, что он герой и делает все, как надо. Таким людям намного проще жить, ведь у них одна сторона совести, а вот у хорошего человека всегда две... Чтобы воспитать себя, требуется перерастить желание легко жить, ибо только оно – желание легкой жизни толкает на низменные поступки, и в тот день, когда ты взял лопату, позвав Тварь с собой копать яму, ты осознал, что растешь не в ту сторону.*

– *Опять растешь... Непрерывное ощущение дежавю... – ссутулившийся Дима набрал в горсть теплого песка и высыпал сквозь худые пальцы, горестно хмыкнув. – Вся моя жизнь связана с ростом. Сколько себя помню, всегда стремился вверх, в места абсолютно не интересующие остальных потому, что они в них не верят. Так странно... – его мысли потянулись вдаль от основной темы. – Помню всю свою жизнь до момента, как с похмелья пошел за бутылкой пива и встал в тени здания, а потом все! Короткая боль, темнота и я здесь... На этом пляже рядом с тихим морем, где капает на мозги ты, а потом легкий отрывочек в виде здорового, вроде старого черта и опять этот пляж... Четвертый раз! А в другой реальности я, оказывается, нахожусь в Аду и не знаю, что там происходит... – мальчишка раздраженно пнул ни в чем неповинный песок и поднял серо-голубой взор на Совесть.*

– *Хм... Все о чем знаю я, знаешь ты, поэтому просто напомню... – старик почесал висок и прищурил глаза, словно защищаясь от дуящего с моря ласкового бриза. – Реальность человеческого существования такова, что почти все люди живут двумя жизнями в нескольких мирах. Человеческие сны – это места, куда отправляется другая частица тебя, дабы накопить много опыта и знаний, найти решения на вопросы без ответа. Она развивается в сновидениях, а ты наоборот наяву, и кто из этих двух более реален – должен понять ты сам, не забывая, что они оба одинаково важны, – Дмитрий задумчиво жевал нижнюю губу, пытаясь переварить массу чересчур философской информации и пока получалось. – Неужели ты считаешь, что прикованные к капельнице, находящиеся в коме «овоци» несчастны? О, нет! Ха-ха-ха! – радостно рассмеялся старик, а после поправил чуть съехавшую шляпу. – Мир, в котором живут они, намного более реальный, чем тот, где эти, так называемые больные ходят под себя. Большинство снов, когда от кого-то бегаешь, что-то ищешь и встречаешься с разными людьми на самом деле самая, что ни на есть правда! Вот, например ты! Постоянно читаешь в сновидениях книги, которых ни разу в глаза не видел, однако они настолько хорошо написаны, что сам поражаешься, правильно? – Совесть вопросительно взглянула на задумчивого парня, перебирающего теплый песок, а тот на мгновение замерев, кивнул. – И как ты сам думаешь, что это за книги?*

– *Не знаю... – неуверенно пожал плечами мальчишка. – Как-то не было время поразмышлять, да не очень-то и хотелось... Про книги мне только на пьяную голову снилось. Не могу утверждать ничего конкретного, тем более я очень много читал, мало ли... Наслоения какие-нибудь, плюс моя фантазия...*

– Это твои книги! Ты их пишешь во снах, а только что сказанному сам не веришь, не правда ли?! – горящим взором уставился на него приподнявшийся старик, а действительно не верящий Дима удивленно и впервые приподнял правую бровь, чего у него никогда не получалось.

– Мои? Я писатель? Честно говоря, всегда хотел писать, но думал, что это не мое, а приходящее в голову – бред, поэтому и не пробовал... – глупо улыбнулся он, с хрустом наклонив шею в разные стороны. – Только пил и мечтал о других мирах, обожал фильмы про супергероев, а оказывается вот оно что... – огорченно пробормотал парень и полностью улегся на мягкий песок, глядя на замершее предзакатное солнце. – Теперь я еще больше запутался! Ты рассказал, будто я закопал здесь нечто очень плохое – это раз. Затем ты говоришь, что я держусь подальше от человеческого общества, ибо оно может превратить меня в пустышку – это два. После ты утверждаешь, что я прожил много жизней и пришел на Землю разгрести ее грязь – три. Четвертое – это будто я умер и пребываю в Аду. Ну и пятое – я ни много, ни мало – талантливый писатель, и все это, на мой взгляд, определенно связано. Так? – Дмитрий оторвал от пляжа голову и уставился на Совесть, а та в ответ кивнула, обмахиваясь шляпой.

– В точку юноша! В самую, что ни на есть точку! Теперь сложи куски данной мозаики в целостную картину и посмотри на нее, задуманную тобой самим! Ты намного умнее окружающего тебя большинства и пусть даже сильно недолюбишь людей, однако придумал, как помочь им, не вливаясь в общество! И знаешь, где ты все это придумал?! В сновидениях! Именно в них! Сидя в одиночестве и не желая ни с кем разговаривать. Твои упрямство, таланты и социопат внутри делают тебя тем, кого люди будут слушать оттого, что ненавидят! Обсуждать и осуждать, проклиная твое имя из-за злобы, вложенной в их обучение! Как же они ненавидят жестокую правду, смывающую красивую изморозь с окон, через которые смотрят на мир, не видя настоящей реальности! И как сильно боятся боли, что сдавливает разум при чтении тобою написанных строк! Ведь свойство правды таково, что она заставляет закрывать глаза и не смотреть на нее, дабы не резало ослепляющим светом, однако ты умеешь делать это столько изоциренно, что становится лишь интересней, хоть ледяная дрожь по телу и говорит обратное. Тот самый страх, неслышно, но беспрестанно твердящий в ухо: «А вдруг на самом деле?», – и этот шепот не смолкает ни днем, ни ночью. Ты сам пришел на Землю разгрести грязь, не представляя, как будешь делать это, но все давно заложено внутри тебя, главное к этому вернуться. Ни один раз ты умирал, но с каждым разом все больше и больше менял суть человечества! Пусть какие-то твои жизни являлись бессмысленными, ибо ты сам не желал что-либо делать, постыдно отчаявшись, однако каждый шаг приближал тебя к своему истинному «Я» – ТВОРИТЬ! Быть той самой частичкой Бога, отправившейся на поиски себя, дабы вырасти и перерасти Его! Стать больше и лучше Отца, доказав Ему на что ты способен! И сделать такими же всех людей! Вести их к Нему, пробуждая, делая лучше и чище, через боль и страдания, заключенные, конечно же, в злобной правде! Тебя будут ненавидеть, проклинать, обсуждать и желать растоптать лицо с телом, но написанные твоею рукой слова разойдутся по всей Земле, ибо многие хоть и не проснулись, но распахивают глаза! Ты не раз был в Аду и не раз возвращался, каждый раз преподнося рассказы о нем в новом свете! Их переписывали, пересказывали, переделывали, но всякий раз ты приносил новые и новые, внося хаос в уже измененный разум людей. Ты вернешься и в этот раз, дабы облечь их в форму, наиболее подходящую современному обществу и пусть оно снова вздрогнет! – дедуля гордо встал, расправив грудь, словно наслаждаясь сумятицей, творящейся в серо-голубых глазах Дмитрия, с дрожью вслушивающегося в каждое слово Совести, бьющее его ощущением дежавю.

– Да кто я такой?! О чем ты таком говоришь?! – он шокировано смотрел на замолчавшего старика в белоснежном костюме, надевшего шляпу и счастливо улыбающегося. – **КТО Я ТАКОЙ?!** – зло заорал он, подскочив к сухонькому дедуле и желая толкнуть обратно на лавку, но в этот раз ярость не помогла, и тощий мальчишка врезался в невидимую стену, рухнув на песок.

– Ты тот, кто ты есть! – Совесть усмехнулась. – В следующий раз ты сумеешь прочесть газету и тогда поймешь! Тебя ждет еще множество воспоминаний, ведущих к себе настоящему, и тогда ты окончательно проснешься, осознав смысл жизни, а пока счастливо оставайся! – полный сюрпризов, благообразный старичок растворился в воздухе, а Дима почувствовал приближающийся сзади жар и, обернувшись, увидел огромную тень от кипящей морской волны, которая тут же накрыла его с головой.

«Это ненадолго... Всего мгновенье...», – подумал заживо варящийся мальчишка, не могущий даже захлебнуться распухшим горлом и растворился в болезненной темноте.

– ...ем!! Подъем!! Подъем!! – гнусавые вопли рогатого поросенка с силой разрывали одеяло крепкого, как абсент и темного, словно Марианская впадина сна без каких-либо образов.

Моментально распахнувший глаза и пришедший в себя Дмитрий отлично выспался и, судя по положению окостеневшего тела, как рухнул, так и провалялся все время, отведенное на заслуженный отдых. Свиномордый черт тем временем не унимался и, достав зазубренное мачете, застучал по бочке со скотской похлебкой, разнося по людскому хлеву звонкие «Бом-бом-бом!»

«А вот пожрать было бы неплохо...», – желудок парня застенчиво квакнул, словно девственница, желающая еще один малюсенький разочек, и Дима уселся, выпрямив спину и хрустя шейей.

Растрепанные женщины напротив суетливо поднимались, протирая глаза, звеня цепями и быстро зачерпывая воду из канавы, дабы ополоснуть сонные лица, плюс попить, как-никак земные привычки, да и сама чистоплюйская натура слабого пола быстро исчезать не собирались. Лиза, спавшая калачиком в защищающей младенца позе, поднялась быстрее всех, как и ее моментально взывший, незамедлительно обосравшийся ребенок, видимо так своеобразно пожелавший всем доброго утра.

– Привет! – криво поморщился Дима от пронзительных воплей младенца, «подаренной» им вони и лязганья клинка сатира, не унимающегося с гнусавыми криками. – Как спалось?! – он уставился на помятое лицо грудастой Лизы, выглядящее довольно мило. – Говорят, если девушка спросонья хорошо выглядит, то с косметикой она вообще богиня! – крик раззадоривающегося малыша бил по ушам подобно режущей камень болгарке, а парень обернулся на уже голодно смотрящего в сторону бочки Такеши и будто не спавшего Лкетинга, прямого, как трость английского джентльмена. – Да, парни? Хорошо же она выглядит? – юноша искренне желал подбодрить девицу, зная, что ничего не красит женщин лучше, чем искренний комплимент, пусть даже в столь жутком месте.

– Конечно, Дима-сан! – вежливый и зачарованный бочкой японец сто процентов не слышал о чем речь, но всегда был готов поддержать друга, масаи же повернул ярко-синие глаза и произнес:

– Ты прав белый брат! Ли-за очень красивая женщина! Жена вождя! – он белозубо улыбнулся.

– Умеете вы... «Спящие»... – молодая мать с запинкой назвала их, как называли демоны, наверное, проявляя уважение. – Найти время и место для комплиментов! – растрепанная Лиза страдальчески оглядывала испачканные в говне загорелые руки с плоским животом. – Откуда из него столько выходит... Какашки за косметику не сойдут, не? –

она насильно растянула пухлые губы в улыбке и положила верещащего пацана на мягкую поверхность хлева, чтобы смыть говно с себя и с него.

– Без вариантов! – полностью проснувшийся юноша оптимистично ухмыльнулся, понимая, что любая шутка в Аду поднимает уровень выживания и обратил внимание на тишину от толстого сатира, переставшего молотить по бочке, однако и орущего младенца хватало выше крыши.

Глядя на чертей, охраняющих рабов, казалось, что они всю адскую ночь стояли, не двигаясь и Дима легко в это верил, сатиры же, судя по оплывшим свиным мордам беспробудно храпели, как и моментально вырубившиеся узники. Чем занимался кровожадный Варгх неизвестно, но сейчас кровожадное чудовище стояло в ближнем к выходу углу человеческого хлева и угрюмо ворчало под еле видимый на уродливой морде нос, будто обидевшись. Кто и как сумел огорчить подобное создание, навсегда останется загадкой, судя по его неумению внятно разговаривать, однако, скорее всего дело было в отсутствии работы по избиению голожопых рабов.

Сейчас внутренности адского хлева напоминали содержимое вокзала провинциального городка после холодной ночи, когда попавшие в некую переделку люди, едущие в далекие города на электричках вместо поездов, просыпаются, а по самому вокзалу начинает бродить милиция, будя не желающих вставать храпунов.

Сам Дмитрий провел на железнодорожных вокзалах не одну ночь, и как ни странно, всегда чувствовал себя там, словно дома. Человеческий гвалт, без конца сменяющиеся пассажиры, время от времени включающийся громкоговоритель... Все это на его взгляд создавало очень уютную атмосферу, олицетворяющую не стоящий на месте мир. Честно говоря, если бы Диму спросили, почему ему там нравится спать, он бы ответил, что чувствует себя движущимся вперед, хотя, конечно же, это была иллюзия. Самообман за счет наблюдения за другими счастливыми, ведь, что может быть лучше поездки на поезде на протяжении нескольких дней, когда отдыхают душа и тело, летящие сквозь мир без всяких усилий... Именно сейчас юноша осознал, что в этом-то и состоит его любовь к вокзалам. В иллюзии движения сквозь мир...

– Ну что скотина, все проснулись?! – задал глупый вопрос сатир, буквально пять секунд закончивший долбить тусклым клинком по второму, полному еды бочонку, а его коллеги уже сами морщились от грохота, создаваемого вставшим не с той ноги земляком. – Утро в Аду начинается!! Ха-ха-ха! И еще раз добро пожаловать на наш великолепный Рынок! Место, где цена каждого представителя человеческого скота давно известна! – жирный карлик злобно и одновременно радостно посмотрел на угрюмых рабов, не поленившись крутнуться по часовой стрелке. – Сейчас ваш любимый... Ха-ха-ха! – язвительный хохот вновь заполнил немалое помещение, а низкорослый свин тряс волосатым пузом. – Варгх всех накормит, а потом пора торговать! Ха-ха-ха! – маленький черт издевался над недавно проснувшимися узниками, вгоняя их в еще большую панику, отчего раздались множественные всхлипы.

Лиза, как раз домыла истерично-орущего мальчугана и затряслась, наверное, вспомнив ужасные картины с решетчатыми контейнерами, полными плачущих детишек. Она подняла заблестевший карий взор на воина-масаи, невозмутимо рассматривающего женщин, тут же прячущих от него лица.

– Ты сказал, мы выживем! Он и я! А что дальше?! Что с нами будет дальше?! Скажи, пожалуйста! – она просяще потянулась к Лкетингу через канаву с водой, а тот прижал палец к губам и выставил вперед ладонь, показывая, что не следует привлекать внимание.

– Тш-ш-ш! – он заговорил с девушкой, как с неразумным дитем. – Ты желаешь убить ребенка! Это очень большое зло! Так его не спасешь! Он выбран родиться здесь! Он выжи-

вет! Ты выживешь! Так лучше! Больше Лкетинг не знает! Малыш заплакал, и нить оборвалась! – покрытый шрамами туземец убрал мускулистую руку, а девушка вдруг успокоилась, словно туземец ее загипнотизировал и, прижав мальчугана к груди, с новой силой засюсюкала, пытаясь засунуть сиську в маленький рот.

– Ты, правда это видел Лкетинг? – прожорливый японец собрал в кулак всю силу воли и перевел взор с влекущего бочонка на воина-масаи. – Ее будущее? А наше? Ты знаешь мое, свое или Димы-сана? – он с любопытством смотрел на непроницаемого негра, не обращая внимания на вопли младенца.

– Лкетинг видит картинки! Они сами появляются, сами улетают! Они не говорят, Лкетинг просто видит! – он замолчал, а Дима, ковыряющий ногтем засохшие крупички в тарелке, замер.

– Так, что насчет нашего будущего? Скажи Лкетинг! – последнее предложение было невежливым, но простой туземец пытался увильнуть от вопроса Такеши, отчего парень произвольно нагло переспросил.

– Лкетинг не видит наше будущее! Его нет! Нет будущего желтого брата, белого брата и Лкетинга, – туземец прямо и честно взглянул на спутников, удивленно захлопавших ресницами, по крайней мере, Такеши, Дмитрий же задумался, словно что-то вспомнил.

– Как нет?! Что это значит?! – японец резко забыл про хорошие манеры. – У всех есть будущее! Почему ты не видишь наше? – он непонимающе уставился на масаи.

– Мне кажется, я понимаю, что он хочет сказать... – серо-голубые глаза мальчишки смотрели в тарелку. – Мы сами строим будущее, которое пожелаем? Да Лкетинг? Поэтому его и нет? – он не отрывал глаз от красноватых внутренностей миски, полной маленьких, засохших потеков слизи, а Такеши молчал, как и Лиза, все-таки заткнувшая неугомонного малыша сиськой.

– Лкетинг был совсем маленьким, когда узнал, что у многих людей нет будущего. Они свободны от мира! Так сказал шаман племени масаи – великий человек! – покрытый татуировками туземец грустно моргнул, а женщины напротив, сидели, склонив головы, но наверняка развесив любопытные уши. – Поэтому Лкетинг не знает будущее братьев. Мы одинаковые! Желтый брат, белый брат и масаи – люди без будущего, – он спокойно произнес последнюю фразу, словно советуя смириться с этой данностью.

– А это хорошо или плохо? – влезла в диалог «Спящих» Лиза, а пара ее соседок подняли глаза, дабы узнать, кого именно спрашивает сисястая вертихвостка, ибо жадность до годной в сплетни информации не давала бабам спокойно сидеть на месте. – Если нельзя ничего предсказать?

– Как тебе объяснить... – Дима оторвал задумчивый взор от глубокой миски. – Это говорит, что у нас есть выбор, как жить и чем заняться, причем я думаю, мы ощущаем его с раннего детства. Нам – «Спящим» бессмысленно что-либо указывать, ибо мы мыслим сами, и ничто не может вмешаться в нашу судьбу, так как она зависит только от нас. Любой наш выбор превращается в стену, за которую не пробиться внешним обстоятельствам, то есть, например я при желании могу всю жизнь лежать на диване, и мне всегда будет хватать денег на растворимую вермишель, чай, сигареты, но не более того. Однако в тот момент, когда я пожелаю что-то изменить, Вселенная тут же начнет формироваться согласно моим мыслям. Как-то так... – он замолчал и посмотрел девушке в глаза, впервые пропустив грудь.

– Хочешь сказать, что происходящее с тобой сейчас, является твоим выбором? Желанием изменить свою жизнь? Так? – неуверенно усмехнулась девушка, с нежностью разглядывающая чавкающего младенца, а Диму после ее слов, словно ударило током.

– Думаю да... Я не случайно выбрал место, где погиб и скорее всего Вселенная закрутилась согласно моим желаниям, ведь я хотел измениться, но не знал, как это сделать, но... Мои мысли реализовались... – мальчишка почесал затылок коричневой рукой, приподнял

голову и заметил, что Варгх как-то быстро заканчивает с кормлением противоположной стороны хлева. – Ты права Лиза... Лиза-Лиза-Лизавета... – пропел он и грустно улыбнулся, а девушка ответила ему тем же. – Я сам выбрал этот путь потому, что не умею правильно формулировать желания, как и Такеши с Лкетингом! – он повернул шею на спутников. – Вспомните свою жизнь и что вы хотели от нее! Вспомните и поймете, что в тот день, когда отчаялись, не видя никаких изменений, тут же умерли! – масаи с японцем одновременно нахмурили лбы, где Такеши на время забыл о движущейся в их сторону еде.

– А ты прав, Дима-сан! – возбужденно произнес внешне поправившийся азиат. – В то утро, когда я собирался на опостылевшую... Тьфу! – он раздраженно сплюнул. – Работу, то решил, что мне точно необходимо изменить жизнь, вот только не видел решения. Да и вообще подобные мысли часто приходили мне в голову последнее время... Все надоело! Каждый день был проклятьем! Этот постылый пасмурный Лондон, вечно спешащие люди, грязные улицы и контрастирующий со всем миром белоснежный офис с сотрудниками, выслуживающимися перед начальством! Лично мне было плевать на карьерный рост и хотелось просто стабильности, однако руководство постоянно ломало мои мечты! Каждый день новые, противоречащие друг другу приказы и в тоже время каждый день повторяет предыдущий... – Такеши шмыгнул носом, и вернул прищуренный взор в сторону Варгха, еле идущего в их сторону, жадно сглотнув голодную слюну. – Ты прав Дима-сан! Ты, как всегда чертовски прав! – ближайший парнокопытный воин моргнул оранжевым глазом, а японец испуганно вздрогнул, поняв, что не к месту упомянул черта и тут открыл рот задумавшийся туземец.

– Лкетинг рассказывал, что должен стать шаманом, но он не хотел. Лкетинг хотел смотреть на мир, но законы масаи не разрешали, а не слушать законы – стать изгоем! Когда Лкетинг охотился на баранов, то думал, что хочет быть свободным! Жить и никого не слушать! Лкетинг знал, что нужен племени, но не хотел! Лкетинг мечтал освободиться и умер! И теперь здесь! Не боится ран! – он с любовью окинул взглядом свой мускулистый торс. – С желтым и белым братом! Ди-мой и Та-ке-ши! – туземец осветил вонючий хлев белозубой улыбкой, но тут их идиллию прервал тяжело шагающий и сердито рычащий Варгх с ведром, полным белковой массы.

Японец возбужденно затрясся от близости столь желанной, хоть и безобразно выглядящей пищи, желудок Димы жалобно квакнул, а моментально спрятавший улыбку Лкетинг сделал вид, что никого не замечает, если только вроде сильнее завоняло, отчего ноздри туземца отчетливо дернулись... Огромное, истыканное шипами чудище в свою очередь посмотрело именно на заносчивого африканца, но обнаружив категорический бойкот, злобно взрыкнуло, испугав сжавшихся женщин, в особенности Лизу, прячущую младенца в налитой груди.

Остальные узники на четвертой цепи вели себя более-менее нормально, без истеричных воплей и жалостливых молитв, количество которых уменьшалось с каждым часом пребывания в Геенне Огненной. По сравнению с творящимся в Сортировочной, больше напоминающим молящееся столпотворение во время схода с небес благодатного огня, нынешняя обстановка ассоциировалась со сборищем еще не пришедших к Богу, только начинающих верить мирян. Редкие, робкие молитвы, сжавшиеся в неудобных позах тела, бегающие глаза и пустые миски в руках. Правда сейчас в отощавших телах было намного больше страха и тряски, ведь одно дело, когда таскаешься с демонами, к которым привык и подобно дурному псу получаешь наказание за одни и те же проступки, а другое, когда должен сменить хозяина, чей характер является загадкой.

Чувствующий озноб по коже Дмитрий осторожно поднял глаза и, сглотнув неизменный ком в горле, засунул глубокую тарелку в опущенное перед ним ведро, удерживаемое усиленной железом лапой. Прямо перед загорелым лицом юноши торчал шип, которому не хватало

пары сантиметров для входа в глаз «Спящего», однако создатели Варгха соображали, как правильно делать чудовищ, не калечащих скот по случайности.

«Что точно, то точно... Поэтому на его шипы никто до сих пор не наткнулся...», – железная колючка перед лицом застенчиво блестела, а парень сделал вид, будто он и на Земле так завтракал, вследствие чего без видимых эмоций вытащил миску полную белесой массы, благоразумно не кивая огромному монстру во избежание инцидентов, ведь, как говорится: «Утро добрым не бывает».

Лкетинг в свою очередь так не сумел унять гордость с негодованием, поэтому, не удостоив адского Франкенштейна испуганным взглядом, да и вообще взглядом, бесстрастно заполнил тарелку и аккуратно поставил меж скрещенных ног. Мстительное и злобное чудовище не могло не ответить на столь наглое игнорирование, как никак зачатками разума обладало и, делая тяжелый шаг к изголодавшемуся Такеши, вывернуло массивную ногу так, чтобы по чернокожей спине масаи прошелся острый шип, образовавший глубокую, рваную рану, но... Туземец, словно ожидал этого и не изменился в лице, лишь яростней засветились ярко-голубые глаза, однако огорченный бесстрастностью наглого раба Варгх их уже не видел, ибо сердито взрыкнул, продолжив полуметровый путь к японцу.

Сидящие напротив, сторбленные женщины испуганно наблюдали за происходящим, не понимая, каким образом можно вести себя так в месте, где плещется океан страданий и кошмарных чудес, а плохое поведение отдается болью, однако на взгляд воина-масаи, быстро ушедшая боль являлась прекрасной платой за моральное удовлетворение.

Дима был не настолько физически устойчив, по крайней мере, всегда себе это говорил, поэтому при вгоняющем в дрожь Варгхе старался не выделялся, хоть и не очень получалось, а японец наоборот расхрабрился, вконец забыв об осторожности и потянулся к ведру, не успело трехметровое чудовище остановиться. Адский Франкенштейн от столь наплевательского отношения к своему внешнему виду огорчился еще больше и яростно взрыкнул, дернув посудиной, отчего полетели брызги и завизжали перепуганные женщины. Такеши же внезапно вспомнил, что спешка требуется лишь при ловле блох и замер, покладисто опустив узкие глаза, но не усмирил голодный блеск на их поверхности.

Успокаивающийся Варгх посопел, порычал и поставил ведро на прелый пол, а переставшие болтать сатиры, устали на него, дабы узнать, отчего нервничает хозяйский питомец, однако, не обнаружив ничего серьезного, отвернулись, продолжив прерванное занятие.

Мальчишка успел заметить в их жирных руках такие же миски, как у рабов, полные безобразной питательной массы и непонятно, когда заполненные, ведь он всегда успевал смотреть по сторонам. А вот в какое время ели, ходили в туалет и спали рогатые воины, охраняющие человеческий скот – оставалось загадкой, на которую Дмитрий не знал ответа, однако дисциплина и выдержка козлоногих вызывали восхищение, хотя любой священник скажет, что брать пример с чертей не богоугодное занятие.

Трясущийся, скорее всего от жадности Такеши, вновь, но уже аккуратно и сдержанно зачерпнул миской, причем опять с небольшой горочкой, а прищуренный взор яростно заблестел, делая его похожим на сексуального маньяка, преследующего симпатичную цыпочку, однако это была всего лишь еда.

«Обалдеть... Если такие, как мы приходят на Землю для свершения великих дел, на экскурсию, либо пожить в материальном теле, то Такеши целенаправленно шел есть, а точнее жрать, запросив в виде бонуса не толстеющее тело... Вон, как наворачивает...», – более сдержанный в отношении пищи юноша сжал в горсть ладонь и зачерпнул первую порцию, дабы заполнить сочащийся слюной рот.

Вкус, как и в прошлый раз, отсутствовал, зато, когда едва-едва, чисто символически пережеванная пища отправилась в желудок, то там сразу потеплело и перестало жалобно

квакать. Именно ради таких моментов стоило жить... С наслаждением есть, пить, сладко спать, когда это действительно необходимо, а не просто так, превращая жизнь в череду походов за пищей, до кровати и в сортир. Кто бы мог подумать, что тысячи раз проклятая в людских сказаниях Геенна Огненная подарит давно забытое ощущение счастья, выражающегося в элементарных вещах...

Следующая порция мерзкой на вид пищи упала в захлебывающееся от радости брюхо, и внутри потеплело, будто от стакана водки. Дима пережевывал совсем по чуть-чуть, отправляя густую массу в быстрое путешествие по пищеводу, дабы жадно зачерпнуть следующую горсть. Лкетинг, как и он, ел аккуратно, видимо тоже наслаждаясь какой-никакой едой и радуясь минутам беспечности, когда никого не гонят электрокнутом или копьем, полным смертоносной энергии.

«Сколько я уже на ногах и сколько пережил... Даже не знаю сколько времени прошло, а прошлые события и вовсе подернулись дымкой, будто их не было... Таких кошмарных и болезненных... Бр-р-р!», – юноша проглотил следующую порцию, мельком глянув на Лизу, малыш которой блаженно сосал сиську, наверняка не помня, как недавно потерял кожу. «Вот кому хорошо, так это ребенку... Жрет да спит, жрет да спит, и не знает, что находится в проклятом мире, куда желают отправиться злейшим врагам, а мамка умудрилась его здесь родить... Растяпа еще та... Хм.. Пусть даже случайно...», – сама девушка ласково смотрела на любимого кроху, давно смирившись с тем, что маленький человечек может появиться на свет и в подобном месте.

Внезапно наслаждающийся пищей Дима насторожился, ибо от жадно пожирающего утреннюю пайку Такеши перестало доноситься отчетливое чавканье, с легкостью затмевающее подобные звуки от других рабов. Парень, не переставая жевать, повернул всклокоченную голову, тут же поняв, что погорячился, ибо беспокоиться за прожорливого японца не стоило, ведь дело заключалось в опустевшей миске, и сейчас ее временный владелец грустно осматривался.

Прикованные после него рабы с пятым тавро разнились, как доски в заборе цыганского дома, обладая в своих рядах и неторопливыми потомками черепах, сторбившими спины и блаженно щурящимися, когда в рот попадала манна небесная из Ада, и обжоры, могущие дать фору недокормленному азиату, однако это ничего не меняло. Субтильный японец был голоден, что явно показывал впалый, как всегда живот.

– Такеши! – окликнул его Дмитрий, а тот с надеждой повернулся, видимо ожидая, что юноша отдаст ему свою еду. – Неужели ты настолько любишь есть? Честно говоря, не ожидал! – мальчишка зачерпнул подходящие к концу остатки еды и отправил в рот, а японец проводил их жалостливым взглядом. – Ты такой... Как сказать, чтобы не обидеть... – парень блаженно жевал, Такеши же, чуть не плача глядел ему в рот. – Маленький и хрупкий, а ешь больше Лкетинга! – прислушивающийся к их диалогу масаи почти доедал свою порцию, но вдруг остановился и протянул остатки неверяще распахнувшему глаза спутнику.

– Бери желтый брат! Ди-ма не понимает! – туземец широко и добро улыбнулся, а ошарашенный азиат ухватил миску и подчистил ее со скоростью разгулявшегося смерча.

– Честно говоря... – Такеши открыл рот, лишь удостоверившись, что тарелка пуста, а во рту не затесалось драгоценных остатков еды, облизав зубы и щеки изнутри. – У меня в детстве глистов искали и солитеров, но ничего не нашли, ведь я просто люблю есть! И все! – он улыбнулся, не забывая с надеждой оглядываться, но больше его никто не собирався подкармливать, а многие женщины пока еще и не принялись за свои порции.

Два толстозадых сатира тем временем бросили свои миски под небольшие копыта и, проваливаясь в прелый пол по вогнутое внутрь колено, с руганью двинулись в сторону выхода из хлева. Добравшись до высоких створок ворот, они хмуρο посмотрели на оставше-

гося позади напарника, по теории являющегося правой рукой Джумоука, а тот развел жирными конечностями, показывая, что все на мне, не могу отлучиться. Сатиры промолчали, оставив слова в налитых кровью глазах и, поднатужившись, распахнули скрипящие врата, впуслав свежий влажный воздух и красноватый свет.

«Наверное, второе солнце только встает и пока все освещается красным карликом, поэтому внутри хлева прохладно... Интересно, сколько в Аду времени в сутках?», – вопросы, вопросы, вопросы непрерывно тревожили голову Дмитрия, но он привык.

Юноша поднял глаза и посмотрел на ссутулившуюся Лизу, оторвавшуюся от поевшего и уснувшего младенца, и теперь с урчанием в животе ожидающую, когда гулко-топающий Варгх подойдет к ней, дабы накормить, но неповоротливому монстру требовалось сделать ходку назад.

Половина женской цепи уже жадно чавкала и мужчины «наслаждались» истинным лицом голодных баб, совершенно не стесняющихся своей животной сути. Брызги от звенящих цепью и порывающихся от наслаждения голодных теток летели в разные стороны, а японец чуть не плакал из-за пропадающих попусту капель еды. Почему растрепанные рабыни так неаккуратно ели – неясно, но часть белковой массы падала на прелый пол, и Такеши вздрагивал, как осина на порывистом ветру.

«Свиньи – свиньями... Все-таки правду говорят, что основная грязь в туалете от женщин, да и трубы забиваются от их прокладок с тампонами... Несут говно из дома на работу... Во веселуха... Чего им в родном окружении не встретя... Наверное, мужиков своих стесняются... Я же, типа нежное ранимое создание, какою розами и радугой, а сама на улицу выходит сшибать людей жирными бедрами... Этакая, летящая над землей принцесса со стокилограммовой жопой...», – Дима наморщившись, наблюдал за чавкающим стадом изголодавшихся баб, сравнивая их с собой красивым, аккуратно черпающим из почти закончившейся миски.

Варгх же, заново заполнив ведро, непонятно с чего пошел на другую сторону женской цепи, не забыв яростно поглядеть на Лкетинга злобными глазками. Он, угрюмо рыча, встал рядом с посеревшей от ужаса Лизой, мигом спрятавшей младенца в тяжелых грудях, однако создание с вшитыми под толстую кожу шипами не обратило на малютку никакого внимания. Судя по поведению уродливого монстра, его отлично адрессировали, запретив прикасаться к узникам, пока не скажут: «Фас!», – а так его злобные глазки нет-нет, но выдавали желание попить горячей кровушки или почавкать свежим окороком.

Трясущаяся девушка осторожно, стараясь не делать резких движений, взяла тарелку и хоть ее карие глаза выдавали огромное желание утолить голод, но она не торопясь опустила ее в глубокое ведро, пытаясь не обращать внимания на блестящий шип возле милого лица. Далее она не дыша, медленно вытащила полную до краев миску, и поставила рядом, то бишь между собой и ссутулившейся соседкой, ожидавшей Варгха, как второго пришествия Христа, судя по взору, мельком брошенному на пайку Лизы. Монстр же сделал следующий шаг, лишь убедившись, что молодая мать зачерпнула пищи, и только тогда двинулся «осчастливливать» следующую голодающую.

Дима завершил трапезу, тщательно выбрав остатки белковой массы из миски, и обнаружил, что мускулистый Лкетинг пытается прожечь взглядом Варгха. Туземец пронзительно вглядывался в адского Франкенштейна, занимающегося не подходящим ему кормлением людей, многим из которых Ад был просто-напросто необходим, как отличное место для перевоспитания.

Такеши в отличие от мстительного масаи, в это время жадно рассматривал рты чавкающих женщин напротив, только начавших прием пищи, остальные же узники безмолвно ковыряли пальцами ногти на грязных ногах или тихо перешептывались, но таких было немного, ибо даже легкого гула голосов им добиться не удалось. Сатиры, приоткрывшие

врата и вышедшие за них, там и находились, непонятно, чем занимаясь, ибо слышалось лишь неразборчивое бормотание и явный свист зазубренных клинков...

«Свист клинков? Толстожопые свиньи по утрам тренируются? Никогда бы не подумал...», – насытившийся Дмитрий расширил глаза, донельзя удивившись, ведь чего-чего, а подобного от жирных поросят не ожидал, считая, что тусклые мачете им больше для угроз и неотработанных ударов, однако...

Слышимое юношей в данный момент походило именно на это. Гнусавое бормотание карликовых демонов сопровождалось яростным пыхтением и действительно свистом, создающимся именно от режущих воздух клинков. Получается, они уже минут пять, как тренировались, а вот их болтливый коллега расселся на мягком полу, оперевшись на бочку с едой и ковыряясь в зубах где-то найденной соломинкой. Наверное, так они и должны выглядеть в мифах... Безмятежно, сыто, умиротворенно.

Сидящий возле дерева толстопузый свин с маленькими рожками и травинкой в зубах, отрывающий лепестки от восхитительного цветка и шепчущий под влажный пятак: «Любит, не любит, любит, не любит...», – мечтая о недоступной нимфе из соседнего леса с крепкой задницей и грудью третьего размера, сексуально подпрыгивающей при беге к ручью. И нет зазубренного клинка за волосатой спиной, но есть дудочка в толстой руке... И вместо налитых кровью глаз, наоборот ласковый, затянутый паволокой взор, немного пьяный от хмельного меда, принесенного дикими пчелами...

Дима вынырнул из созданной воображением умильной картины и бросил сероголубой взор на Лизу. Та относительно аккуратно чавкала, если слово «аккуратно» подходит к «чавкала», остальные ее соседки были также хороши и от девушки не отставали, японец же несчастными глазами смотрел на них, жадно поглощающих безобразную пищу. Прожорливый азиат, скорее всего мстительно представлял, как в следующий раз тяжелая посуда полетит прямоком в голожопых жадин, а угрюмый Варгх тем временем закончил и до основания вдавливая мягкий пол, двинулся обратно на раздутых от мутаций ступнях.

Сидящая напротив Такеши женщина, будто прочитала его мысли и замерла, дабы застенчиво передать остатки сублильному азиатцу. Тот со скоростью молнии ухватил манящую тарелку и склонился перед доброй самаритянкой, чуть не хлебнув воды из канавы.

– Спасибо тебе! Просто... Просто... – дрожащий японец запинаясь от счастья, не находя нужных слов. – Не знаю, что и сказать! Это такая страсть, еда эта! Такая страсть! – он нырнул в миску трясущейся от волнения пятерней и вытащил оттуда горку белковой массы, дабы отправить ее в жадный рот, а Дима, увидев происходящее, улыбнулся, понимая, что сей пример подействует на других девиц, и таки да.

Еще две девушки отдали остатки еды, отчего тот засветился от счастья.

– Спасибо, что спас нас тогда! Когда они... – их взгляды прыгнули в сторону распахнутых ворот, где пыхтели свинозадые карлики. – Кидались по нам! – они скромно улыбнулись и сдвинули коленки, пряча случайно раскрытые во время приема пищи промежности.

«Все это, конечно, хорошо... Но как насчет ходить в туалет? Судя по запаху, тут срались, срутся и будут сраяться...», – зря Дмитрий так подумал, ибо в кишках раздалось угрожающее бульканье.

Тип подобных звуков относился ни много, ни мало к поносу и поносу серьезному, давно не веселящемуся на просторах девственного кишечника, ибо переедание после столь долгого воздержания от пищи не слишком благоприятно сказалось на работе желудка.

Раздался следующий злобный бульк, потом второй, третий и Дима мрачно понял, что в течение минуты его прорвет так, что мало не покажется, а мерзкий запах какашек младенца будет вспоминаться, как божественный аромат. Честно говоря, до нынешних напря-

женных мгновений у него промелькивали бессмысленные надежды на то, что Ад освобождает от естественных надобностей, но этот мир не мог существовать без говна, хотя сие было очевидно с самого начала.

Невозможно полностью вникнуть в страдания, не испачкавшись в испражнениях, а Геенна Огненная на сто процентов гарантировала вышеперечисленное, поэтому парень затравленно огляделся, ведь земные привычки диктовали обязательные прятки во время опустошения желудка, однако... Бежать было некуда, а женщины на противоположной стороне еще чавкали и он решительно подумал: «Не было печали, уходило лето! Будь, что будет!»

Мальчишка отодвинул костлявую задницу и принялся раскапывать пол, в большинстве своем сухой, но изрядно пахивающий застарелой мочой и говнецом. Трудлюбивые руки быстро наткнулись на твердую землю, закопавшись всего лишь по локоть, и что удивительно никуда не вляпались.

– Зачем ты копаешь? – уплетающая слизеобразную пищу Лиза, удивленно посмотрела на юношу, поглаживая спящего малыша. – Что-то потерял? – она задала глупый вопрос, блаженно двигая челюстями и совсем не задумываясь, что голышом терять нечего.

– Я сейчас обделаюсь! – более-менее прилично и без тени стеснения выразился Дмитрий, туземец же наблюдающий за происходящим, произнес:

– Лкетинг тоже хочет, но терпит! Мужчина должен терпеть! – он звучно стукнул кулаком в широкую грудь, а напряженный мальчишка отрешенно пробормотал:

– А вот здесь Лкетинг очень не прав... Лучше нормально высраться, чем по дороге осрамиться! Это будет большим позором, чем если ты сделаешь это в яму, которую сразу же закопаешь! – он сноровисто зачерпнул миской воду, сполоснул перепачканные руки и, чувствуя приближение переваренной пищи к выходу, переместил задницу на творение своих рук.

Масаи, выслушав вполне разумные доводы и увидев сноровистый бросок ягодиц, с мрачным лицом оглядел опустивших глаза женщин и поступил, как Дима, принявшись рыть яму, отодвинувшись чуть назад, а нервно-моргающий Такеши также не выдержал, решившись высказать свое мнение.

– Честно говоря, я тоже хочу, но воспитание не позволяет при людях, в особенности девушках... Даже не знаю, что делать! – горестно произнес азиат, доевший гуманитарную помощь.

– Обделаешься и расскажешь про воспитание! Хотя можешь не рассказывать – сами увидят! – скептически хмыкнул Дима, из-под которого раздавались неприличные звуки, и отвратительно тянуло, зато загорелое лицо выражало высшую степень блаженства.

Туземец тем временем закончил копать личную яму, поместив крепкий зад точно над ней и, выпучив смотрящие никуда глаза, испустил звуки африканского грома, отлично сочетаемые с тамтамами мальчишки, что создало музыку, могущую родиться только в Аду. Несчастный японец в свою очередь также не сумел удержаться, ибо резко сместил ягодицы, принявшись усердно копать, и не он один.

Оказывается, очень многие хотели выполнить дела, являющиеся естественными, но считающиеся неприличными, однако Геенна Огненная громко хохотала, слыша этот бред, а правила поведения вовсе не имели значения, ведь тело требовательно кричало: «Считаю до десяти! Раз! Два! Три! Четыре!», – и руки начинали копать. Представительницы слабого пола уже не думая, а видя прекрасный пример перед собой, отодвигали широкие задницы, профессионально роя прелый пол, дабы быстро плюхнуться на творения рук своих и насладиться еще одной приятной мелочью, подаренной Адом.

Сие подобие игры в песочницу являлось наиболее приличным действием, ведь многие рабы с пятым тавро, не знающие о моральях еще с Земли, раскорячивались и облегченно испражнялись, совершенно не задумываясь о комфорте спутников. Идущая из-под

них, ничем не скрываема вонь вызывала желание облежаться, но множественные отродья земного мира не стесняясь, вываливали из себя все больше и больше жидкого кала. Человеческий хлев заполнился отвратными запахами и замечательно, что разминающиеся снаружи сатиры открыли ворота, за которыми становилось все светлей и красней, иначе внутри было бы невозможно дышать, как и в «гостях» у Низама.

Облегчившийся Дима, чувствующий, как уходит прилившая к лицу кровь, закончил сброс кала и осмотрелся, стараясь дышать только ртом. Он понимал и видел, что его пример не на всех подействовал, ибо самые «умные» обладали проблемами с брезгливостью и, не используя мисок, набирали воду из канавы руками, мыли грязные задницы, а затем теми же ладонями черпали снова. Они или не думали об этом или же их истинная суть была именно такой, и земные нормы просто сдерживали ее, не давая свободы внутреннему животному.

Единственным общим в этих моральных уродах было «украшавшее» их лбы пятое тавро и все они находились на четвертой цепи. Жаль, что их не разместили отдельно, а прицепили к «Спящим», но тогда бы рабская колонна выглядела не столь равнозначной, ну почти... Все-таки число грешников на каждой из цепей немного разнилось, но это лучше, чем явное отличие.

Загорелый по самый не балуй парень стеснительно приподнял задницу и, стараясь не смотреть на взаимно спрятавших глаза женщин, опустил левую руку в канаву и, набрав благословенной влаги, перелил в горсть правой, дабы ополоснуть грязный зад. Данная операция была повторена несколько раз, а затем он вымыл руку идентичным образом. Следующим его действием стал засыпанная яма, а уж потом он с чувством выполненного долга уселся на нее, и поглядел на вновь испачканные руки.

– Ага... – пробормотал юноша. – Ага... – он бросил взгляд на миску, и принял новое решение. – Подумаешь, забыл, – пробормотал он, набрав воды в посудину, прополоскав там руки и вылив позади себя. – Уф! – парень неуверенно произнес слово облегчения, но судя по им увиденному, остальные рабы или испражнялись, или занимались тем же, что и он.

Масаи так вообще профессионально выполнил те же действия, что и Дима, но его учителем была Африка, где оставленное говно означало громкий крик: «Здесь был я!», – поэтому Лкетинг выполнил уборку, как прямую обязанность. Такеси в отличие от их двоих, только закончил задумчиво восседать на ямке, где спрятав прищуренные глаза между худых ног, делал серьезный вид.

О женщинах можно было и не говорить, ибо, зачем повторяться. Представительницы слабого пола выполняли идентичную «работу», правда, стесняясь так, словно ни разу за жизнь не срали, а только слышали об этом загадочном и мерзком действе, а тут прочувствовали на себе и да! Ужас! Воняет, вроде бы из канализационного отстойника, а на деле, оказывается из них, отчего выпученные глаза застенчиво блестели, а широкие задницы подбрасывало при каждом новом выхлопе, что заставляло глупо улыбаться, а уж когда пришло время споласкивать анус...

Вот тут-то и образовалась масса отрешенных харь, размышляющих о смысле бытия, да и вообще тайнах Вселенной, где все находящееся вокруг – атомы, разделенные огромными расстояниями! Обычная пустота... Да, пустота! Женщины бесстрастно полоскали грязные задницы, внушив себе, что их нет, поэтому выполняли это легко и непринужденно, как дома в запертой ванной, что особенно смешно смотрелось на Лизе с малышом, делающей вид, будто она не в курсе, где ковыряется ее рука.

Среди этих косматых представительниц Земли естественно нашлись и такие, что не утрудили себя копанием ямки, а повторили за уродами, опорожняющимися в раскоряку, но этот действительно скот относился к истеричной компании, загнанной в цепь копыями.

«Блин! И эти мерзкие подоби́я людей хаю́т обоссанных алкашей, сами же гадят еще хуже, причем на трезвую голову и, отвечая за свои действия в отличие от случайно затянутых в алкогольную пучину несчастных...», – вполне разумные размышления Дмитрия превалились привычным гнусавым воплем.

– Как я вижу, скотина поела и сделала свои дела, причем раньше времени! – жирный демон поводил поддергивающимся пятакoм на брезгливой свиной морде и лениво крутанул тусклым клинком. – Каждый раз, глядя на людей, я понимаю, что вы намного хуже животных, коими являетесь! Редкий зверь гадит там, где спит, а ведь ему не требуется предполагать, что придется отвечать, но никто из вас об этом и не подумал, не так ли?! – последние слова сатира повеяли холодом на каждого человеческого недоделка и обошли справивших нужду приличным способом. – Мне бы очень хотелось, чтобы насравшие рядом с собой, убрали это, иначе... – и так мерзкий голос жирного поросенка приобрел угрожающий оттенок, клинок завораживающие загудел, а Варгх яростно взревел, положив массивную лапу на заискрившийся хлыст. – Иначе вы съедите свои испражнения! – зазубренный мачете упал обратно в жирную руку, а вторая приподнялась, успокаивая трехметрового монстра. – Считаю до пяти! Раз! – налитые кровью глаза неторопливо осматривали испуганно задышавших узников, искренне не понимающих, отчего в Аду нельзя срать там, где хочется. – Два! – клейменные пятым тавро рабы поняли, что толстый демон не шутит, и ринулись выкапывать ямы, куда решили спрятать воняющие кучи.

– Три! – гнусавый голос приобрел металлический оттенок, клинок тускло блеснул, а торопящиеся пленники брезгливо подсовывали ладошки под «произведения искусства» из вонючей жижи и по частям переносили их в ямы, дабы торопливо засыпать.

– Четыре! – мачете пропел песнь жажды крови, а буквально чувствующие вкус говна в поганых ртах засранцы трусливо оглядывали свежеубранное место, ища малейшие недочеты, но те отсутствовали и пленники собакоголового застывали, раболепно глядя на разъяренного сатира.

– Пять! – произнес виртуозно-машущий клинком свин и люто осмотрел стадо безмозглых животных, по ошибке называющихся людьми. – Каждый раз, когда приходит новая партия скота, им приходится повторять это представление! Каждый раз находятся особи, гадающие там, где спали и плюющие на собратьев! – сторбленные грешники молча сопели, определенно не чувствуя за собой вины, а лишь обиду на жирного черта. – Вы отвратительны! – он взмахнул злобно выглядящим мачете, и вдруг бросил удовлетворительный взгляд на «счастливчиков» с пятым тавро. – Но одно хорошо! – свиная пасть ослабилась в язвительном оскале. – Вас продадут, как уродливых животных, коими большинство и является! Ха-ха-ха! – демон издевательски захохотал, но резко остановился, а парнокопытные воины недвижимо стояли, внимательно взирая на ссутулившихся людей, чувствующих начало ужасного конца трясущимися телами. – А теперь встали! Пора на продажу, животные... – брезгливо процедил рогатый поросенок и со страхом внимающие ему узники принялись расторопно подниматься, ибо в направлении всех цепей сделали движение огромные, перевитые мышцами черти и людоед-Варгх, кнут которого заискрился под стать настроению, испорченному унижительной кормежкой людишек. – Быстрей я сказал! Скоро появится господин Джумоук, и если к этому времени вы не будете уверенно стоять на ногах, я велю выкопать говно и заставлю им давиться! – гнусавый голос не содержал и грамма шутики, поэтому человеческий скот зашевелился, уныло мыча.

Дима поднялся настолько быстро, насколько позволил Лкетинг, а тому Такеши, а уж как вставляли остальные голожопые рабы на их цепи, являлось не критичным. Парень взглянул на побледневшую Лизу и утешающее улыбнулся ей, понимая, что это не самая лучшая гарантия спокойствия, но мог предложить только это. Мускулистый масаи с тощим японцем повторили за ним, не забыв кивнуть ближайшим рабыням, понимая какво сейчас девушкам,

чьи жизненные пути совсем не похожи на мужские, ведь женщин редко покупают работать на шахтах или кормить скотину, а уж мать с младенцем...

– Крепись Елизавета! – Дмитрий повернулся к освещенным красноватым светом створкам ворот, а грудастая девушка вздохнула и любяще взглянула на спящего, сытого младенца.

Вереницы сгорбленных рабов, привыкших к поржавевшим цепям так, словно в них родились, медленно и спотыкающееся, не без помощи круторогих воинов выстраивались в направлении выхода, тянущего нагревающимся воздухом, то есть новый адский день обещал быть жарким.

«Интересно... На здешнем небе бывают облака? И как насчет дождя? Проливного дождя страшной силы... Эх!», – серо-голубой взгляд загорелого парня устремился дальше распахнутых ворот, пытаясь схватиться за кусочек красноватого неба, но неуверенная попытка не увенчалась успехом.

– Братья и сестры! – внезапно раздался истеричный крик сзади, чему мало кто удивился. – Мы ели пищу поданную слугами Сатаны! Мы пили воду, подготовленную слугами Сатаны! И мы не умерли! Мы хорошо себя чувствуем! – Дима смятенно подумал, что ожидал подобных воплей, но сей горлопан клонил дальше, найдя новый поворот нестандартного мышления. – Они боятся нас братья и сестры! Люди сильнее демонов, ибо вера наша заставляет их прислуживать нам! – эксклюзивный бред вызвал восхищение и у сатиров, ибо тренирующаяся на солнышке парочка появилась в поле зрения, раскрыв клыкастые пасти в уродливых улыбках. – Они боятся нас, ибо мы дети Божьи! Под защитой Иисуса мы, Господа нашего! И идем мы по проклятым городам их, и черти расступаются перед нами, даже закованными, страшась нас! – юродивый безумец грамотно и органично соединял увиденные факты, рисуя правдоподобную историю, наполненную непререкаемым смыслом, а уверовавшие грешники с пятым тавро восхищенно ахнули, зазвенев цепью. – Так давайте прикажем им, и они подчинятся! И склонятся демоны перед нами, и вылизут ноги, и поцелуют руки! – свиномордые карлики всхрюкнули, а у одного дернулся хвост, наверное, от непроизвольного выброса газов. – Иди сюда ничтожество! Преклонись передо мной, слуга Дьявола! – сумасшедший горлопан вытянул тощую руку в сторону свинорылого демона, который заставил убирать его кал, а тот вскинул красные глаза и неуклюже двинулся к голожопому безумцу, проваливаясь в прелый пол. – Быстрее тварь дрожащая, не заставляй ждать меня, сына Божьего! – костлявая длань свихнувшегося раба призывающе дернулась, а засунувшая свиные пятки в хлев парочка сатиров всхрюкнула, закинув зазубренные клинки в наспинные ножны.

Все, как один узники с пятым тавро и им подобные женщины увидели чудо из чудес и, вскинув вверх руки, запели на диво слаженным хором, словно неделю репетировали.

– Господи Боже, в Рай нас веди! Дети твои мы, нас Ты люби! Сил подари нам Зло одолеть! Крылья нам дай, чтоб могли улететь! В Небе порхать и Тебя восхвалять! Силой Твоей с Сатаной воевать! Господи Боже, нас защити! Верой живем мы, нас обними! – взывающая к Небесам песня из осипших глоток вилась внутри хлева, а Варгх качался ей в такт, не забывая держать лапу на искрящемся кнуте.

Любопытствующие сатиры не смогли удержаться, и полностью зашли в хлев, тыкая друг друга локтями, и хрюкая изо всех сил, а спятивший узник, возомнивший себя повелителем демонов, вытянул худющую конечность под слюнявую песнь, думая, что манит низкорослого сатира небесной силой.

– Иди сюда! Быстрее сатанинское отродье, а то крестом святым осеню, и рассыплешься в прах! К ноге сукин сын и слушай меня – сына Божьего, твоего нового хозяина! – глаза сумасшедшего раба полыхали огнем безумия, однако покорно бредущий черт доказывал, что его мысли верны, как никогда.

Вывернувший шею Дима раскрыл рот от восхищения, ибо столь ярко выраженного идиотизма не видел даже во время крупных пьянок с массовым привлечением народа. Да, что там говорить... Такого не происходило во время своих и чужих белых горячек в наркологии!

Свиномордый демон тем временем добрался до спятившего раба и рухнул на вогнутые внутрь коленки, покорно шмыгая грязным пятком и развалив зад на мягком полу.

– Что желаешь, господин мой! – гнусаво и жалобно взвыл толстый свин. – Что твой ничтожный раб должен выполнить?! Скажи мне! Все сделаю господин, только не осеняй крестом святым! Боюсь его! Очень боюсь! Пожалей! У меня двое детей! Жена-красавица! – являлось ли это новым мини-шоу или же узник не обезумел, а действительно овладел силой Божьей – никто не знал, потому что...

Потому что никто не знал, а Дима сам замер от неожиданности с мыслью: «А вдруг?»

– Убей своих друзей! Этих ничтожных демонов! Потом убей своего отвратительного господина, и я пощажу твою семью! – узник с пятым тавро видел подчинение черта и полностью осознал собственное могущество, выразив это азартно заблестевшим взором, где пощада чертям определенно отсутствовала. – Или прикажи ему! – он властно кивнул на Варгха, не вникающего в суть происходящего и удивленно-рычащего. – Пусть вонючее чудовище убьет рать сатанинскую! – огромные, вооруженные копьями и саблями парнокопытные воины стояли и не двигались, лишь оранжевые глаза внимательно наблюдали за застывшим человеческим стадом. – Потом вашего повелителя и тебя самого, а дальше освободит людей, кроме тех троих! – перст сына Божьего, сатиров повелителя указал на «Спящих». – Они твари бесноватые, Сатаной поцелованные, а дальше... – он задумался, хозяйски глядя на покорно склонившегося сатира. – Дальше пусть ведет нас в Рай! Охраняет нас! Уничтожает всех смеющих мешать священному походу на Небеса в объятья Господа! – раб от счастья перестал контролировать реальность, забыв, что Варгх ничего не соображает, а может только рычать и убивать, причем людишек. – Выполняй ничтожество! – костлявая рука узника, ведомого Божьей дланью, отечески шлепнула сатира по волосатой щеке, и это испортило так хорошо начавшийся концерт.

– Ах ты, скотина! – толстожопый черт отвернул рогатую голову, ловко вскочил на вогнутые внутрь конечности и, колыхнув массивным пузом, с размаху ударил копытом меж ног безумца, глубоко процарапав бедра. – Я тебе устрою! – вернувшийся в реальность узник загнулся, закричав от боли, а сатир принялся избивать его, оказывается мощными кулаками, заставив отодвинуться других грешников, а ведь они тоже хотели похлопать свиной по щеке. – Скотина! – жирные руки разъяренного поросенка молотили со страшной силой. – Убить говоришь?! – он схватил воющего от боли человека за волосы и ударил рогатой головой в мерзко хрустнувшее лицо, обрызгавшее его горячей кровью. – Поиграли и хватит, животное!! – сатир размашисто ударил ему по коленке небольшим копытцем, та издала жуткий хруст, а прячущий окровавленное лицо узник взвыл еще сильнее. – Ори громче! – маленький демон с силой ухватил его ухо и наполовину оторвал, отчего в страхе вздрогнули рабы, стоящие рядом.

– Что здесь происходит?! – зверское избиение прервалось гавкающим голосом Джумоука, увидевшим воющего человека и буквально убивающего его сатира, а Варгх радостно заскулил и зашевелился, увидев любимого хозяина. – Почему еще не вышли?! Или пойдем, когда будет невозможно протолкнуться? А?! У нас мало времени, скоро нужно возвращаться в Харон! – разозлившийся собакоголовый выхватил из золотых одеяний смертельный жезл, засветившийся красным, прекрасно гармонируя с заползающим в хлев наружным освещением.

– Он поднимал панику! – пытающийся отдышаться сатир моментально среагировал на проявление ярости «Анубиса», узник же регенерировал, не прекращая дико вопить,

но скорее всего по привычке. – Вы же знаете, как бывает! Он и на корабле паниковал, но тогда этот... Спящий его остановил! – свин, нехотя, словно понимая, что обязан лично выполнять данную работу, направил палец на Дмитрия, гордо выпрямившегося и открыто презирающего ненавидевших рабов. – А сейчас опять! – оправдывающийся поросенок закончил гнусавить и бесстрашно выпрямился, ожидая вердикт сурового хозяина.

– Хм... – произнес тот, цокнув вперед, но, не заходя в человеческий хлев, видимо брезгуя или просто зная, что копыта провалятся, а марать золотые узоры в говне не по чину... – Почему так жестоко?! – Джумоук вперил пронзительный взор в налитые кровью глаза болтливой свиньи.

– Если бы вы слышали его, то не останавливали! – мрачно прогнусавил карликовый демон, ссутулив спину с торчащим клинком и виновато понутив рогатую голову.

– Это правда?! – Джумоук величаво повернулся, внимательно взглянув на подчиненных, до которых сумел дотянуться желтыми глазами, и те почти незаметно кивнули. – Хорошо! – удовлетворился демон с угольно-черной головой пса. – Хотя... Хм... А вы? Что скажете вы?! – он вперился одновременно в каждого из «Спящих».

Вздрогнувший юноша недолго молчал, так как привык к частому вниманию «Анубиса», разве что подумал: «Каким же будет наш путь по Аду с такой-то популярностью?», – и, подняв взрослеющие с каждым часом серо-голубые глаза, ответил, почти без труда удерживая их на одном уровне с холодным, нечеловеческим взором собакоголового.

– Мудак он! Причем, второй раз мудак! – пытающийся управлять разумной свиньей узник, действительно являлся тем самым бунтарем с гробоподобного корабля, что Дима обнаружил лишь после оправдывающихся слов сатира, Джумоук же перевел желтый взгляд на Лкетинга, явно взяв на заметку быстрое взросление мальчишки.

– А что скажет высокомерный туземец? Или твой словарный запас столь небогат, что ты только и умеешь обзывать меня трусливым шакалом? – угольно-черная пасть растянулась в звериной улыбке, а кровожадный Варгх грозно зарычал, поняв смысл слов хозяина.

– Лкетинг знает много слов! – выдал моментально вспыхивший масаи, взгляд которого загорелся синим. – И Лкетинг не будет забирать слова про трусливого шакала! – пронзительные глаза яростно ответили собакоголовому, находящему странное удовольствие в игре, где чернокожий воин беспрерывно его оскорблял и открыто презирал. – Но человек, которого бил демон, похожий на больного кабана... Бо-ро-да-воч-ни-ка! – по словам выговорил масаи, а красноглазый сатир, услышав, как его называли, сердито всхрюкнул и выхватил из-за спины мачете, однако быстро понял, что и сделать-то ничего не может, поэтому хмуро вернулся в исходное положение. – Во много раз... – туземец несколько раз сжал и разжал ладони, показывая количество пальцев. – Худший шакал, чем ты – мерзкий демон! Лкетинг не боится демонов! Масаи презирает их! Но Лкетинг не любит и трусливых, злых людей! – он гулко стукнул кулаком в могучую грудь и бесстрашно замер, неистово глядя на укутанного в золото «Анубиса», а тот еще шире осклабил пасть и довольно покрутил налитым смертью жезлом.

– Какой экземпляр! Сердце радуется! – потеплевший от умиления желтый взор переметнулся на опустившего лохматую голову Такеши, Лкетинг же гневно потрянул поржавевшей цепью, на что никто не обратил внимания, кроме огромных чертей, бросивших на пылкого туземца предупреждающие взгляды. – Ну, а что скажешь ты, мой маленький друг из Японии?

– Я не ваш друг! – поднял прищуренные глаза осмелевший японец, узкие губы которого тряслись, как и вылетающие изо рта слова. – И никогда не буду другом торговца людьми, знающего, что их мучают, пожирают, а затем лечат, повторяя эти кошмары заново! – освещение снаружи становилось менее красным, видимо поднималось второе солнце, да и температура росла с каждой минутой. – А вот избитый свиньей... – азиат испуганно поперх-

нулся, а оскорбленный уже дважды сатир плеснул во взгляд еще немного крови и стиснул пальцы на рукоятке тусклого клинка. – Точнее вашим подчиненным... – Такеши исправился, а обидевшийся поросенок яростно сопел, запомнив слова маленького «Спящего» с мерзким ртом. – Человек заслужил этого! Он не понимает, что мешает остальным! Они настолько слабы изнутри, что верят всему, хоть немного отдаляющему от уготованной судьбы, но ложь в его словах так похожа на правду, что убивает намного быстрее этого мира! – разговорившийся азиат красиво закончил свою речь, под конец почти не срывающуюся, а Джумоук захлопал нечеловеческими ладонями, пальцы которых заканчивались когтями пса.

– Молодец Такеши! Молодец! Так тебя зовут, не правда ли? – он уродливо ухмыльнулся, а рабы с пятым тавро ненавидяще прожигали спину субтильного «Спящего» в отличие от братьев на второй и третьей цепях, согласных с японцем, по крайней мере, внешне. – Ты Лкетинг! – он вытянул указующий перст на невозмутимого туземца, перебросив жезл в левую руку. – Ты Дмитрий! Дмитрий Коньков! Ха-ха-ха! – довольно засмеялся Джумоук, показывая длинный розовый, но почти человеческий язык. – Я знаю ваши имена! Знал с самого начала! Для вас троих уготована особая судьба, не такая, как у всех... В ней почти отсутствует надежда на освобождение смертью! – «Анубис» по-собачьи ослабил и вышел наружу, оставив троицу ценных пленников размышлять над загадочными словами, а за ним потянулся с десяток парнокопытных воинов, наверняка для подготовки встречи готовой на продажу скотины.

Прикованные ко второй и третьей цепи узники настороженно уставились на «Спящих», оставаясь на своей стороне хлева, как и женщины напротив, что-то невнятно забормотавшие под разномастные носы. Было видно, что странную троицу боятся из-за отчетливого выделения их собакоголовым, но те сами, как раз и не знали своих особенностей, кроме того, что пришли на Землю помогать людям, чего не могут помнить из-за стертой памяти, да и то... Все это теория и загадочные сны...

Дима выпрямил спину и расправил грудь, легонько звякнув поржавевшей цепью, а за ним повторили Такеши с Лкетингом, а потом и Лиза со спящим малышом, зачарованно рассматривающая тех, кому даже в Аду готовят особенную жизнь, вот только какую, если запрещают умирать?

– Выходим! Выходим! Выходим! Прямоком за господином Джумоуком! – гнусаво заверещал задыхающийся, и с трудом выбравшийся к воротам сатир, бессильно взмахнув в красноватом свете блеснувшим клинком. – Не спать «Спящие»! Ха-ха-ха! – жирный демон заржал над собственной идиотской шуткой, и непонятно, как ему сил хватало, ежели он дышать не мог. – Делайте шаг, иначе скотина сзади даже не подумает двигаться!

– Жизнь меня обсасывала, как мятный леденец... – пробормотал побаивающийся неизвестного будущего Дмитрий и дернулся вперед, а железное кольцо больно впилося в кадык. – Посмотрим, что нам приготовили! – красноватое освещение Ада, почти теряющееся в наступающем белом, звало его наружу, приготовив новые знания о проклятом мире.

Глава 5

– Что-то мне после слов об особенной судьбе легче не стало! – жалобно пропыхтел японец, двигая худыми ногами. – Тут, небось такая особенная, что волком взвоешь и пожалеешь, что родился не сакурой! Не очень-то хочется вечно жить в Аду... – Дима полностью согласился со словами Такеши, не собираясь вступать в словесную перепалку, поэтому молча натягивал цепь, мысленно проклиная еле плетущийся сзади «пример для подражания» с Земли.

– У братьев нет будущего! Демон-шакал не может уготовить судьбу, если братья не хотят! – выразил личное мнение покрытый шрамами туземец. – Братья свободны! А цепи... – он потряс профессионально-склепанными металлическими звеньями. – Цепи скрепляют тела!

– Скреплять-то скрепляют, причем неплохо! – пессимистично парировал парень. – Я тебя полностью понимаю, но мне кажется, что наше будущее строится именно тогда, когда мы движемся к судьбе, придуманной будто бы им... – мальчишка кивнул на золотые одежды, стоящего снаружи собакоголового. – Пусть все идет своим ходом! Не просто же так мы умерли, сами того пожелав! – он грустно вздохнул, жирный сатир заинтересованно оглянулся и первая, то есть четвертая вереница грешников вышла за распахнутые створки хлева, встречаемая парой разумных свиней, чертями и бесстрастным Джумоуком, щурящимся от света двух солнц.

Адское утро позволяло разглядеть их на бледном небе с отсутствующими облаками. Одно небольшое и тускло-красное, выглядящее далеким-предалеким, а второе – поднимающийся, большой бледный круг, лучи которого уже ощутимо обжигали коричневую кожу, за ночь ставшую еще крепче. Да и не только кожа улучшила свои свойства, сами рабские тела поднабрали вес, потерянный за время прогулок по Геенне Огненной. Явно-выпирающие кости немного скрылись под тонким слоем свежего мяса, а мышцы стали более выпуклыми, а уж у масаи так вообще, будто Такеши нарисовал, хотя...

«До сих пор не видел, как творит японец... Забацал бы на песочке мой портрет... Хоть рассмотрел бы, что у меня с лицом творится, а то в полумраке в канаве с водой не видно...», – Дмитрий перевел задумчивый взгляд на как раз подошедшую Лизу с малышом в руках, «подтянувшую» звенящую цепями женскую вереницу.

Два небесных светила Ада все-таки создавали очень красивый свет, где красный оттенок прекрасно гармонировал с коричневым загаром, да и вообще молодая девушка с выгоревшими волосами и отличной фигурой выглядела в Геенне Огненной подобно мифической античной богине. Подобную красоту можно изобразить и на Земле, используя компьютерную графику, но созданная Адом оригинальность выглядела на порядок роскошней.

Остальные женщины были освещены не хуже, но собственной красоты не замечали, ибо прятали глаза, опустив растрепанные и немые головы, стараясь приподнимать их только шагая вперед. Как-никак представительницы слабого пола Земли боялись неземных рогатых существ, к которым давно пора привыкнуть, но... Все они помнили, что их ждет очень нелегкая жизнь после смерти.

Тут подошли вторая и третья цепи, а прикованные к ним грешники мрачно встали параллельно первой и четвертой. Добровольческие ряды выглядели неплохо, по крайней мере, первые пару десятков человек. Выпрямленные спины, прямо смотрящие, но уклоняющиеся от демонов взоры и отчетливое смирение с пребыванием в Аду, что явно виднелось на мусульманах, зато обладатели пятого тавро на четвертой цепи, как всегда оставляли желать лучшего...

Сгорбленные фигуры, бегающие глаза и непонятно, где найденная уверенность в большем уме, чем у остальных грешников поневоле... Откуда тупые, как пробки люди берут снисходительную надменность над кем угодно, будь он ученым, политиком, директором магазина или пишущим стихи соседом – непонятно, однако Земля полна подобных экземпляров и порождает новых каждую секунду.

Представители этой породы получают два высших образования на коммерческой основе и гордятся ими, ничего более в жизни не добившись и тупо не сознавая, что диплом – это всего лишь бумажка с надписью «в полку рабов прибыло». Они воспитываются в церковных традициях, воспринимая все происходящее, как нерушимые догматы Божьей воли, хотя Господь давно не смотрит на уродливый мир Земли. А еще прочитав брошюрку свидетелей Иеговы, они случайно находят буханку хлеба и начинают яростно и бессмысленно верить в Иисуса, молясь ему днем и ночью, выпрашивая хлеб насущный, без усилий падающий в руки.

Они называют себя обществом, с угрозами принуждая вливаться к ним, дабы высосать еще одну, возможно не бессмысленную жизнь. Безмозглое стадо покорных овец, боящихся новых знаний, которые могут разрушить их маленький, закрытый мирок, где необходимая информация льется из телевизоров, дети навязываются, а ненавистная работа обязательна и вся эта глушащая разум какофония преподносится со словами: «Так нужно! Ты главное не думай, ибо все решено!», – и никто не догадывается, что подчинение данной фразе крадет смысл жизни, заставляя бездумно существовать и подчиняться правилам, целенаправленно уничтожающим внутреннюю частицу Бога.

Общество твердит: «Смысл жизни в детях! Мы живем ради них! Все ради маленьких кусочков счастья!», – и все верят в это, ибо сия аксиома внушается из поколения в поколение, однако никто не задумывается, что лично дал своим детям. Что они получают, рождаясь для жизни в бессмысленном мире? Ту же ненавистную родителями круговерть, в которую те искренне веруют, притворяясь, что любят ее, ибо не видели ничего другого? Неужели люди действительно желают передавать по наследству собственное, полное лжи существование? Скорее всего, нет... Они просто механически выбрасывают наивных детишек в жизнь, дабы непроизвольно отомстить за личное отвратительное бытие, заканчивающееся полным болезнью пенсионным возрастом, когда не за что купить бесполезных лекарств...

Сегодняшний мир переполнен информацией, что надо жить ради детей, работать ради детей, брать кредиты ради детей, короче все ради детей, чтобы дети выросли, нарожали детей и делали тоже самое. Бездумно и бесцельно растили уже свои плоть и кровь, поддаваясь рабским иллюзиям, внушенными глупцами-родителями, ведь те, кроме них ничего не оставили, ибо ни капельки не задумываясь, считали полными смысла...

Да уж... Почти никто не понимает, что ребенка требуется растить, внушая ему высокие цели, наполняя моралью, ища таланты и непрерывно твердя, что он должен развиваться умственно и физически, дабы отыскать себя настоящего для выполнения собственного предназначения. Кем вырастут дети, если их голова с рождения забивается тем, что они никто без высшего образования? Выпускников ВУЗов огромные количества, сотни престижных профессий, миллионы амбициозных планов, но пару лет спустя высококвалифицированные специалисты с дипломом счастливо дешево переучиваются на сварщика и устроиться на югославскую стройку.

Если оглянуться вокруг и внимательно присмотреться, то можно увидеть с какой скоростью меняется мир, и сколько новых видов искусств появилось на Земле за последний век! Как много талантливых детей родилось, дабы изменить планету, заставляя тысячи и тысячи людей с восторгом смотреть на свои творения. Они – эти дети никогда не останутся без дела, и не будут горько выть с дипломом в заднем кармане, когда останутся

на свалке жизни, подобно другим «счастливым» идущим по дороге уже пройденной родителями-рабами. Поэтому нужно искать в себе и наследниках истинные таланты, не навязанные насильно, что даст возможность не остаться без работы и в тоже время всю жизнь отдыхать, ведь человек, выполняющий любимое дело, не будет занят ни дня!

Детей нужно растить со смыслом, развивать их, давая свободу, но не забывать в меру контролировать и, конечно же, всегда повторять, что человек может исполнить любое свое желание, если, не сдаваясь, устремится к нему. Никогда не врать, даже если правда столь жестока, что их искренние глаза зальются горькими слезами, зато это научит воспринимать мир настоящим, а не иллюзорным и подарит желание изменить его к лучшему. Дети должны иметь реальные представления, а не ограниченное и четко расписанное руководство к действию, ибо только в этом случае они устремятся ввысь, никогда не опозорив имена родителей. Имена тех, кого действительно можно называть родителями, подарившими настоящую жизнь и выпустившими в необъятный мир, не заканчивающийся телевизором и интернетом, а полный тайн, чудес и бесконечных возможностей собственного совершенствования, что ведет к Богу без посредника в виде жирного священника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.